Год издания IV-й

Революция и Война.

Научный военно-политический журнал

Орган военно-научного общества Закфронта

1924

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

Редакция журнала просит всех сотрудников при присылке статей соблюдать след. условия:

1. Четко писать фамилию и инициалы имени и отчества.

2. Указывать адрес, по которому должен быть выслан гонорар.

3. Статьи писать на одной стороне листа (оставляя оборот чистым), разборчиво, лучше—на машинке.

4. Ограничиваться строго необходимыми для пояснения текста чертежами и схемами. Исполнять их тушью или чернилами (не карандашом). На каждом чертеже (и схеме) проставлять его номер и указывать на полях текста, где этот чертеж желательно поместить.

Редакция журнала—Смоленск, Социалистическая, 10-а.

Содержание.

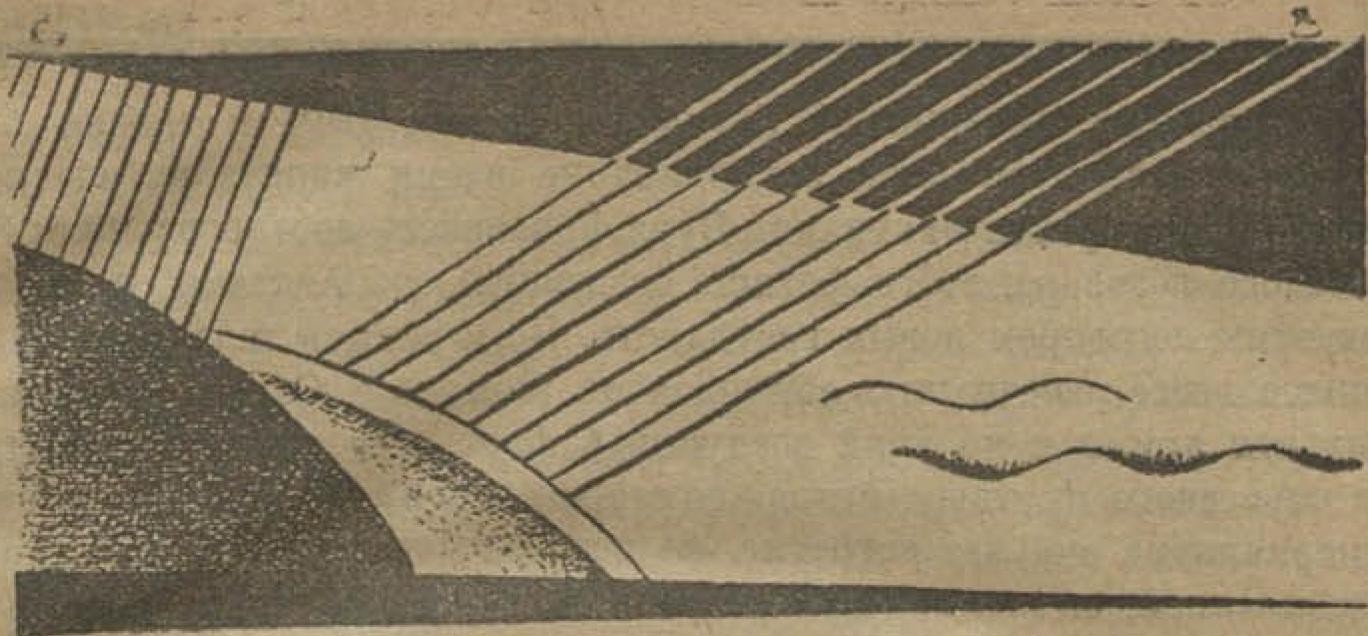
стр.

За Советской границей.

Англия. Новые подводные и воздушные колоссы. 130. ◆ **Бельгия**. Реорганизация армии (обязат. военная служба, ее продолжительность, набор, численность призыва). 130. ◆ **Дания**. Реорганизация армии. 131. ◆ **Испания**. Комплектование армии. Территориальное деление и состав крупных войсковых единиц. Высшее военное управление. 132. ◆ **Литва**. Закон о кадровых унтер-офицерах. 132. ◆ **Польша**. Допризывное школьное обучение (общие основания, школьные отряды, программа, льготы, расходы, контроль). 133. ◆ **Румыния**. Общая характеристика армии. Проект реорганизации армии. 136. ◆ **С.А.С.Ш.** Катастрофа 7 военных судов. 139. ◆ **Франция**. Реформа военного судопроизводства. Недостаток комсостава. Награды в авиации. Набор и обучение офицеров резерва. Обмундирование офицеров флота. 139. ◆ **Чехо-Словакия**. Бюджет министерства обороны. Сокращение срока службы. Аэроплан гигант. Самоубийства солдат. 142. ◆ **Япония**. Потери флота от землетрясения. 142.

Библиография.

Г. Саджент. Стратегия на Западном фронте *С. Б.* 143. ◆ О. фон-Мозер. Кр. страт. обзор войны 1914—18 г.г. *Ф. О.* 146. ◆ Фрейтаг Лорингофен. Выводы из мировой войны *Ф. Огородников*. 147. ◆ Военный Зарубежник. В.В.Р.С. 1923, № 19. *Ф. О.* 148. ◆ Сборник трудов ВНО, кн. IV. *И. Г.* 150. ◆ «Военная Мысль и Революция». 1923, № 4. *О.* 154. ◆ „Военная Мысль и Революция". 1923, № 6. *С.* 156. ◆ Техника и снабжение Кр. Армии. 1923, № 43 (74). *А. Г.* 159.

А. Душак.

На рубеже.

I.

Истекший 1923 год прошел в чрезвычайно напряженной международной обстановке, в обстановке необычайно обострившихся противоречий в капиталистической системе, с одной стороны, и неуклонного возрождения, укрепления нашей советской хозяйственной системы, роста внутренней крепости нашего Советского Союза и его влияния в международных отношениях с другой.

Прошел год, в течение которого старая, насквозь прогнившая, истрепанная империалистической лихорадкой, капиталистическая Европа не раз видела перед собой кровавый призрак новой мировой бойни.

В этот же год эта Европа, а вместе с нею и весь капиталистический мир вплотную стояли перед грозным призраком социальной революции, несшей смерть капиталу.

В этот год трудящиеся Сов. Союза еще раз убедились, что их мирная политика, жажда мирного созидательного труда не по душе неистовствующему империализму, подстерегающему момент для нового нажима на твердыни пролетариата, для новой интервенции.

В этот же год перед лицом трудящихся всего мира с новым, все растущим напряжением шла великая мирная борьба нашей советской хозяйственной системы со старой капиталистической, шел спор нового, нарождающегося—со старым, отживающим капиталистическим миром.

II.

Первые месяцы прошедшего года прошли в обстановке все разворачивавшейся оккупации Рурской области французами, потугами германского коалиционного правительства организовать видимость сопротивления грабежу Франции, вызвавшему возмущение не только народных масс самой Германии. Но вою негодования, поднявшемуся в капиталистической прессе, мы знаем цену. Национальная буржуазия других стран возмущалась лишь тем, что *не она* грабит, что ее опередил коллега из Парижа, а потому поджидала момента, когда этот коллега достаточно обожжется, что позволит и ей принять уча-

стие в грабеже побежденной Германии. Только этим и можно было об'яснить дипломатическое замалчивание всеми капиталистическими государствами факта оккупации Рура, противного постановлениям Версальского договора, этого фетиша создавшей его Антанты и созданных этим договором новых государств. Но Франция шла наверняка, меньше всего рассчитывая обжечься на этом деле. Самая сильная сухопутная армия и могучий воздушный флот позволяли ей надеяться, что серьезного противодействия со стороны своих соперников по части империализма она не встретит, не встретит его также и со стороны обессиленной, экономически истерзанной Германии и ее буржуазии, могущей противиться лишь тому, что французы смогут рядом с ней эксплоатировать германский рабочий класс, но которая быстро пойдет на всякое соглашение с французской буржуазией ради интересов собственного кармана.

И Франция не просчиталась, она сломила пассивное сопротивление германской буржуазии, на перебой старающейся сейчас заключить повыгоднее сделку с победителем. Зато ошиблась Англия, рассчитывавшая на ослабление Франции в результате Рурской авантюры. И когда Англия поняла это—было уже поздно, французы прочно засели в Руре, укрепили свои позиции на континенте Европы, добились бесспорной гегемонии и плевать хотели на все протесты английских дипломатов керзоновского типа, зная, что последние не могут подкрепить свои протесты чем-либо таким, что могло бы устрашить Францию, или заставить ее серьезно считаться. Это поражение Англии в европейских делах болью отозвалось и на ее мировом положении, что с ясностью подчеркнуто происходившей во второй половине прошлого года конференцией премьеров английских доминионов, требовавших от правительства метрополии более активной политики в Европе.

Но если шары английских империалистов отскакивали от забронированной милитаристической Франции, то отскочил ультимативный шар Керзона и от мирной, обратившей все свои силы на внутреннее строительство Советской России. Ультиматум Керзона, всколыхнувший весь Сов. Союз, сплотивший вокруг Сов. Власти в единодушном порыве к защите завоеваний Революции и мирного труда всех трудящихся шестой части земного шара, показал английскому империализму, что и тут больше 30 сребренников урвать не удастся, что нужно бить отбой. Выдержанная, полная достоинства, но и готовая на многое ради охранения возможности мирно трудиться и избежания пролития крови трудящихся, политика Сов. Правительства продемонстрировала перед трудящимися всего мира мирные тенденции нашего развития, рассеяла буржуазные и эмигрантские росказни о „красном империализме“ и внутренне укрепила Сов. Союз.

Как в первом случае—оккупации Рура, так и во втором—ультиматуме Керзона, мир Европы висел на волоске. И лишь фактическая гегемония Франции на европейском континенте и отсутствие организованных сил, способных противостоять ей, в первом случае,

уступчивость и миролюбие Сов. Власти—во втором,—устранили опасность нового клубка войн.

Но если капитализму посчастливилось избежать новых войн, которые неизбежно привели бы его на край гибели, то эта гибель приближается к нему с другой стороны, приближается с грозной неумолимой неотвратимостью, несмотря ни на какие временные победы, периоды усиления, периоды, когда капитал торжествует, упоенный временными поражениями пролетариата. Послевоенная революционная волна, далеко выдвинувшая вперед позиции пролетариата, последние годы шедшая на убыль, в прошлом году вновь стихийно пошла вверх. Но теперь уже она встретила организованный отпор оправившейся и укрепившейся фашистской буржуазии, своим новым нажимом на послевоенные завоевания рабочего класса провоцировавшей пролетариат на революционные выступления в невыгодное для последнего время. В результате этих стычек, пролетариат в ряде стран потерпел поражения, из которых особенно больно болгарское.

Особенно захватывающий интерес и решающее значение имело революционное движение в Германии во второй половине прошлого года. Экономический развал Германии, на котором пышным цветком распустился процесс концентрации капитала, разорения мелких собственников, мелкой буржуазии, обнищания широких пролетарских масс,—чрезвычайно обострил классовые противоречия толкал трудящиеся массы на решительные выступления против власти капитала. Грозное дыхание пролетарской революции уже чувствовала на своем лице германская буржуазия. Она мобилизовала все свои черные силы, чтобы задержать приближение рокового для нее часа.

В прошлом году это удалось ей, этот час отсрочен. Но на долго ли, спросим мы, не пробьет ли он в настоящем году?

Так обстоят дела в лагере наших классовых врагов. Даже такого беглого обзора достаточно, чтобы заключить, что там вовсе не „мир и благорастворение воздухов“, что капиталистический мир все с большими усилиями справляется с затруднениями, вытекающими из сущности его теперешнего периода развития, что мировая империалистическая система бьется в противоречиях своих составных частей и всего целого, зашла в тупик, из которого один выход в настоящих условиях—новые империалистические войны. И если их не было в прошедшем году, то нет никаких оснований думать, что они не вспыхнут в настоящем.

Капиталистическому миру, его хозяйственной системе мы противопоставляем нашу Советскую Власть, нашу советскую хозяйственную систему. И если там мы наблюдаем перманентный кризис, регресс, в целом, то, естественно, нас глубоко интересует то, что мы противопоставляем разлагающейся изнутри капиталистической системе.

Наше советское строительство за истекший год сделало громадный шаг вперед. Образование Союза Советских Социалистических Республик, формально проделанное на 1-ом Всероссийском С'езде Со-

ветов в самом конце еще 22 года, оформление его, практическое претворение в жизнь намеченных начал союзного строительства, целиком пало на 23 год. Проделана большая черновая практическая работа, которая будет закончена на 2-ом Всесоюзном С'езде Советов утверждением союзной конституции. Образование Союза дало толчок дальнейшему и более энергичному проведению в жизнь не только политического, но и экономического раскрепощения многочисленных национальностей, населяющих территорию бывшей царистской России.

Наша национальная политика рядом с национальной политикой импотентной Лиги Наций, говорит всем трудящимся, всем угнетенным нациям, что разрешить национальные проблемы может только власть рабочих и крестьян, что эта задача непосильна капиталистическому миру, не может быть разрешена в условиях господства империализма.

Наши успехи за прошлый год резко обозначены и в области хозяйственной. В добыче нефти мы имели увеличение с 218 милл. пудов в 22 году до 300 мил. пудов. Донбасс за истекший год увеличил вдвое добычу угля, добыча металла увеличилась в 4 раза. Таково положение дел в основной промышленной базе. Мелкая индустрия в своем развитии не отстает от тяжелой. В общем и целом, за истекший год мы можем констатировать, что промышленная база Советской Власти значительно упрочилась, что восстановление промышленности определенно идет вперед и идет быстро. Точно такой же процесс идет и в сельском хозяйстве, где заметен переход к улучшенным формам обработки и землепользования, где прошлый год дал излишки хлебопродуктов, небывалые со времени империалистической войны. И тот кризис, который переживает сейчас наше народное хозяйство, те „ножницы", о которых так много и злорадно говорят и пишут в белых заграничных газетах, как о признаке краха нашей политической и хозяйственной системы, являются показателем не застоя, не понижения производительности нашего хозяйства, а следствием неравномерного, неслаженного роста, именно роста основных элементов нашего народного хозяйства — промышленности и сельско - хозяйственного производства.

Справиться с задачей сжатия лезвий „ножниц" в прошлом году нам не удалось, эта работа во всей своей огромной важности стоит на очереди текущего года. Мы будем надеяться, что эту задачу разрешим, ибо „ножницы"— не болезнь основных элементов нашего хозяйства, его базы, а, повторяем, результат неслаженности этих элементов. В области основной меры по сжатию „ножниц",—экспорта хлеба на заграничные рынки, нами много уже сделано и в прошлом году.

Как бы то ни было, но мы можем сказать, что восстановительный процесс у нас идет неизменно вперед, что мы с успехом держим экзамен перед историей в области экономического строительства, на новых, ведущих к социализму, началах.

III.

Теперь постараемся разобрать основные факторы, действовавшие в прошлый год, продолжающие действовать и в настоящем, обусловливающие дальнейший ход событий, определяющих современную ситуацию.

Международная обстановка в настоящее время характеризуется неустраненностью тех факторов, создавшихся в результате империалистической войны и Версальского „мира", которые нарушили мировые экономические связи и равновесие в империалистической системе. Наличие репарационного вопроса, неразрешенность которого создает все обостряющиеся разногласия внутри Антанты, вместе со старыми проблемами, является прямой угрозой европейскому миру, главнейшей причиной неизбежных новых мировых империалистических войн.

Вместе с тем репарации, чрезвычайно обострив экономическое положение Германии, а через это и классовые противоречия, вызвали необычайный рост революционного пролетарского движения в Германии, поставившего германский пролетариат вплотную перед вопросом захвата власти в свои руки. Не полностью еще изжиты реформистские иллюзии германского рабочего класса, предательская политика его социал-демократических вождей, еще пользующихся по традиции влиянием на пролетарскую массу, несколько отодвинула этот момент, но *не устранила его совсем*, ибо основные предпосылки германской пролетарской революции не устранены, а рабочий класс и его революционный авангард—коммунистическая партия физического поражения не потерпели. Политическое-же влияние последней неуклонно растет за счет разлагающейся социал-демократии. Близость и неизбежность германской революции сеет смятение в капиталистическом лагере, а экономическая разруха, вычеркивающая Германию из мирового рынка, гибельно отражается на таких странах, как Англия и еще больше нарушает мировую экономическую систему.

Фактическое присоединение Францией Рура вместе с присоединением, в результате Версальского мира, Лотарингии, соединило в руках Франции два основных движущих элемента современного капиталистического производства—уголь и железо в таких колоссальных количествах, что позволяет Франции в недалеком будущем стать первой капиталистической страной Европы и оставить позади себя Англию на мировом рынке. Уже сейчас можно определенно констатировать первостепенную роль Франции на европейском континенте и усиление французской ориентации в ряде государств, созданных Версальским миром и живущих за счет подачек парижской биржи. Эта первенствующая роль реакционного французского финансового капитала усиливает реакционные течения в Европе, что вместе с ростом фашизма тяжело давит на послевоенные завоевания рабочего класса, усиливает опасность для Сов. Союза, этого острова среди бушующего моря европейской реакции, имеющей своими аванпостами наших западных соседей Самый крупный из них—Польша, находится в чрезвычайно затруднительном экономическом и финансовом поло-

жении: польская марка падает все ниже и ниже, производство сокращается, растет безработица.

Конкурренция дешевых немецких изделий, несмотря на все покровительственные пошлины, убивает польскую промышленность, задыхающуюся от узости рынка как внутреннего, так и внешнего. Русский рынок, открывающий блестящие перспективы польской торговли, не может быть использован Польшей вследствие ее неизменно агрессивной политики по отношению к Сов. Союзу. Такое направление внешней политики Польши, в никакой степени не оправдываемое соображениями экономического порядка, определяется самим происхождением польского государства, созданного Версальским миром, как фундамент, опора—на которой была построена вся новая система, новый режим в центральной и восточной Европе. Вот почему Польша, раздираемая разногласиями в среде ее собственных правящих классов, ведет такую неизменную политику, вдохновляемую и поощряемую Антантой.

Краковское восстание рабочих, волна забастовок и, наконец, призрак германской революции, осуществление которой поставило бы Польшу между двумя жерновами—Сов. Германией и Сов. Россией, заставляет польскую буржуазию, исходя из правильной оценки своих классовых интересов, забыть разногласия, осуществить единый фронт против рабочих масс собственной страны, а во внешней политике усиливать ориентацию на Францию, как на оплот капиталистической реакции в Европе. Усиление же этой ориентации своим острием направлено в сторону Сов. Союза и создаст нам большие опасности.

Европейская реакция, необычайно усилившаяся в предшествовавший период и закрепившая свои позиции в связи с отсрочкой германской революции, есть факт несомненный и решающий в политике континентальной Европы по отношению к С. С. С. Р.

Но этот факт, как непосредственная угроза существованию Сов. Союза, в значительной степени нейтрализуется разногласиями внутри Антанты, с одной стороны, и сдвигом в отношениях к Сов. России, происшедшим в ряде стран, имеющих значительный вес в европейских делах, как Италия, так и в мировой политике, как например, Англия и Соединенные Штаты. Заключение торгового договора между С. С. С. Р. и Италией и связанное с этим заявление Муссолини в итальянском парламенте о необходимости и выгодности признания нас де-юре есть непосредственный шаг к такому признанию.

Развитие торговых сношений с Италией нам чрезвычайно нужно, ибо до войны она занимала крупное место в нашей вывозной торговле сельско-хозяйственными продуктами; теперь, когда развитие экспорта хлеба является одной из главнейших наших задач, открытие итальянского рынка длл сбыта нашего хлеба является для нас большим достижением в экономической области. Выступление же Муссолини в итальянском парламенте и та ожесточенная кампания за признание нас, которая развернулась в Соединен. Штатах в связи с выступлением Юза и поддерживается прогрессивными элементами американской

буржуазии, свидетельствуют о том, что практический, деловой подход к разрешению вопроса о взаимоотношениях с нами получает все большее распространение.

Поражение консерваторов на последних парламентских выборах в Англии и крупная победа рабочей партии, имевшей главнейшим пунктом своей избирательной программы признание Сов. России и установление с ней тесных экономических и дипломатических отношений, является поражением „ультимативной" политики Керзона. Усиление умеренных элементов в Англии, которое неизбежно приведет к изменению и внешней политики и, в частности, во взаимоотношениях между Англией и Сов. Россией, вместе с изменениями в политике Италии, разрывают единый фронт Антанты против нас, разрывают и кольцо дипломатической изоляции нас.

Положение как будто уравновешивается, но это не должно породить в нас слишком радужных надежд на мирное сожительство с капиталистическим миром, ибо прежде всего положение уравновешивается разногласиями среди капиталистических группировок. Но эти разногласия, вне всякого сомнения, будут отброшены перед лицом событий, непосредственно угрожающих господству капитала, вообще. Как в случае победы германской революции в будущем, так и в случае ее поражения, в первом—Сов. Союз и Сов. Германия, а во втором—один Сов. Союз очутятся перед лицом сплоченной мировой буржуазии, перед лицом европейской реакции.

IV.

На первый взгляд этой опасности как будто не существует или, по крайней мере, в настоящий момент она менее ощутима, чем когда-либо, наоборот, в наших взаимоотношениях с капиталистическим миром заметно улучшение, отражающееся в том шуме, который поднялся в ряде стран вокруг вопроса о признании нас де-юре. На этом моменте следует остановиться подробнее.

Шум действительно поднялся большой, но это вовсе не значит, что мы можем строить на этом какие-либо иллюзии. Прежде всего нужно отдать себе отчет в сущности поднявшихся разговоров о нашем признании. Как мы помним, этот вопрос поднят был еще в Генуе и Гааге. Нам пред'явили тогда тягчайшую плату за такое признание, наше же встречное требование о предоставлении нам кредитов, так необходимых нам тогда, замалчивалось или обставлялось такими условиями, которые мы с негодованием отвергали. Пред'явление нам таких условий капиталистические государства строили на нашей разрухе, на нашей слабости. Когда же мы эти условия отвергли, буржуазные политики успокоились на мысли, что мы задохнемся в экономических и финансовых затруднениях, задохнемся в рамках нашего изолированного от мирового, расстроенного и развалившегося народного хозяйства. И тогда мы, по их мнению, пойдем на Каноссу, примем все условия.

Вообще же нам кажется, что ни у одного здравомыслящего буржуазного политика не возникало принципиальных сомнений в необходимости признания Сов. России.

Ведь абсурдна же даже мысль о возможности сколько-нибудь длительной изоляции шестой части земного шара, обладающей колоссальными минеральными богатствами, неиссякаемыми запасами сырья.

Изоляция и блокада могла мыслиться лишь как временная мера для воздействия на изменение в желательном для капитализма духе установившегося в России режима после революции. Эта мера не дала желательных результатов; расчеты на то, что мы не справимся с задачами внутреннего строительства и пойдем ради спасения в буржуазную Каноссу, тоже рушатся. Правда, с неимоверными трудностями, с напряжением всех сил, очень медленно, но верно и неуклонно мы идем по пути оздоровления народного хозяйства и укрепления Советской системы, идем без помощи извне, идем со все возрастающей быстротой. Это известно всем, сколько-нибудь интересующимся вопросом о России, также известно и то, что изолирование нас становится все более и более бессмысленным и даже невозможным. Рядом с этим осуществление черезчур преувеличенных претензий к нам со стороны стран капитала становится все более проблематичным. Чем больше мы укрепляемся, тем менее надежды выколотить у нас *силою* царские долги,—это так просто и так очевидно, что у более дальновидных буржуазных политиков естественно крепнет мысль, что *нужно нас признать поскорее, пока мы еще не настолько сильны, чтобы мало заплатить за признание.*

Этот, почти арифметический расчет вдохновляет буржуазные газеты, делает русский вопрос в ряде стран одним из основных моментов, вокруг которых строится борьба партий Наиболее трезвые политики, не связанные традициями и укоренившимися предрассудками, делают из этого расчета практические выводы,—таков, например, Муссолини. Слабая попытка в этом направлении американского президента Кулиджа натолкнулась на традиции американской политики невмешательства в европейские дела. Провокационное и лживое выступление Юза, прижатого к стенке нотой Чичерина, показывает, насколько слабы аргументы противников признания, если они пускаются на все, вплоть до фальсификации документов и лжи.

В Англии все газеты, вплоть до самых консервативных, заняты сейчас русским вопросом и трактуют его хотя и по разному, но в основном сходятся на неизбежности признания нас. Этот же вопрос является осью, вокруг которой идет парламентская борьба за новый кабинет. Рабочая партия, имевшая при последних выборах в английский парламент одним из основных пунктов своей выборной программы—признание Сов. Союза, имеет сейчас наибольшие шансы на то, что ей будет поручено создание нового кабинета и что с этой задачей она успешнее, чем какая-либо другая партия, справится в создавшейся после перевыборов обстановке. Лидер рабочей партии Макдональд, готовящийся в премьеры, еще 25 ноября прошлого года формулировал

задачи будущего кабинета в русском вопросе следующим образом: „Английское рабочее правительство без колебаний признало бы российское правительство. Слишком рискована для держав попытка поставить большое государство вне закона. Это кончится тем, что те, кто хотели наказывать, сами будут наказаны".

Так обстоят дела с признанием.

О желании нас признать говорится много, но какие конкретно условия будут поставлены нам, далеко ли эти условия пойдут вперед по сравнению с пред'явленными нам в Генуе и Гааге—еще не совсем известно. Но одно несомненно, что капиталистические державы приложат все усилия, чтобы на этом деле выторговать у нас побольше и что в этом отношении они не откажутся и от попытки поприжать нас, если к этому представится возможность.

Это положение, на ряду с общими тенденциями европейской политики, обязывает нас быть чрезвычайно бдительными, чтобы в решающий момент не быть застигнутыми врасплох, использовать полностью ту передышку, которую мы завоевали и продолжительность которой с полной вероятностью не может быть определена более или менее длительным периодом.

Перед лицом развертывающихся событий, имеющих двоякое направление и тенденции своего развития, одно из которых представляет несомненную угрозу Сов Союзу, мы вновь всему миру заявляем, что *мы хотим мира,* обеспечивающего возможность дальнейшего мирного труда по поднятию и оздоровлению нашего народного хозяйства.

В 1924 год мы вступили значительно окрепнувшими, несомненно упрочившими нашу хозяйственную базу и внутреннюю консолидацию Сов. Власти. И если сейчас мы должны зорко следить за движениями европейской реакции, то вопросы хозяйственные, вопросы восстановления промышленности, сельского хозяйства и дальнейшего развития советского строительства будут и впредь занимать в нашей работе безусловно первое место. Наглядным доказательством этого может служить работа очередных С'ездов Советов, исключительно мирно-хозяйственная и деловая, обнимающая вопросы исключительно нашего внутреннего положения.

На ряду с этими хозяйственными задачами в текущем году, с полным сознанием ее важности, мы должны поставить задачу повышения обороноспособности страны; внутреннего укрепления и поднятия боеспособности Красной Армии на уровень современной техники военного дела.

Ибо только совокупность наших успехов в хозяйственной области и достаточно обеспеченная обороноспособность Сов. Союза заставят капиталистические державы серьезно считаться с ним и говорить с нами не языком ультиматумов; только это обеспечит нам сколько-нибудь мирное сожительство со странами капитала.

А. Д.

Итоги сбора в Белорусской тердивизии.

(В военно-политическом отношении)

I.

Проведенный в сентябре сбор Белорусской тердивизии является у нас на фронте первым опытом в этом отношении, как бы пробным камнем новых начал в нашем военном строительстве. По результатам этого первого опыта можно судить не только о проделанной кадром дивизии подготовительной работе к сбору, но и о том, насколько оправдали себя на практике теории перехода военного строительства на милиционные начала.

Нужно заметить, что на этот счет у многих были большие сомнения. Результаты сбора по всем отзывам, в значительной мере, эти сомнения рассеяли, доказав всю жизненность милиционных начал, их целесообразность в наших условиях и безусловную практическую ценность в отношении обучения населения военному делу.

Если в отношении чисто техническом, специально-военном, были сомнения, то в политическом отношении за успех территориальных формирований были почти общие опасения. Как отнесется крестьянство к таким новым формам обучения военному делу, в каком количестве явится крестьянская молодежь на пункты обучения и каково будет ее настроение—вот вопросы, действительно волновавшие многих.

Ведь, в конце концов, от разрешения этих, по существу политических, вопросов будет прямо зависеть не только успешность самого сбора со стороны узко-специальной, военно-технической, но и судьба дальнейшего приложения и развития милиционных начал в нашем военном строительстве.

Нельзя забывать также и того, что результаты сборов в глазах наших врагов должны были явиться мерилом нашей силы, нам же показать крепость нашей базы—смычки рабочего класса с крестьянством, выявить отношение широких масс трудящихся к начинаниям Советской власти и ее политике. Сборы тердивизий в этом отношении должны были сыграть роль громадных щупальцев, проникающих в самую толщу крестьянских масс.

Что же показали сборы, каковы политические итоги их?

II.

Прежде всего—о проценте явки. Сбор начался в момент, когда сельско-хозяйственные работы в белорусской деревне еще не закончились. Не обошлось и без нашептываний и провокационных слухов, направленных к срыву явки; так, например, довольно широко был распространен слух, что собранных переменников немедленно отправят в Германию. Самый аппарат регулирования и контроля явки, естественно, в силу совершенной новизны этого дела, не мог работать

с положительными результатами на все 100%. Все это создавало достаточно серьезные препятствия, вызывавшие сомнения в высоком проценте явки переменников.

И, тем не менее, несмотря на все эти препятствия, сбор со стороны количественной, в отношении процента явки, прошел блестяще. Переменники явились в количестве почти буквально всех 100%. Наблюдавшиеся же случаи неявок вовсе не носят характера дезертирства, обусловливаются многими достаточно уважительными причинами. Но и таких случаев настолько незначительное количество, что серьезно говорить о них не приходится,—они ни в коей мере не умаляют несомненно высокой степени успешности сбора

Поразительна даже часовая точность явки. Так в день сбора N полка минские рабочие пришли на место сбора не с шести часов утра, а с пяти. Не отстали от них и переменники-крестьяне, явившиеся в срок целыми волостями под оригинальвой командой председателей волисполкомов.

На последнем факте следует особенно остановить внимание, ибо он является показателем не только самого ревностного отношения нашего низового советского аппарата к сбору, но и отражением тесной связи, установившейся между этими аппаратами и широкими массами крестьянства. Эту связь и атмосферу взаимного доверия и понимания подчеркнули и посещения предволисполкомами переменников своей волости во время сбора, проведение среди них бесед по вопросам земельной и налоговой политики, раз'яснение и разбор их местных крестьянских дел Это положение было закреплено, например, в N полку, проведением во время сбора, в лагере, в присутствии переменников, заседания расширенного пленума уисполкома, на котором переменники наглядно увидели работу своих представителей.

III.

Момент сбора совпал с наиболее резким расхождением лезвий „ножниц", т. е. цен на продукты промышленного производства и продукты сельского хозяйства, в ущерб последнему. Это положение, понижавшее покупательную способность крестьянства при растущей нужде его в изделиях промышленности, города, неизбежно должно было в некоторой степени нарушить экономический союз, смычку между крестьянством и рабочим классом, отразиться на его отношении к Сов. власти.

Как мы уже видели, последнего не случилось, никаких заметных трещин в нашем базисе сбор переменников не обнаружил. (Конечно, из этого мы не должны делать того вывода, что все обстоит в этом отношении благополучно и не нужно принимать мер к сжатию лезвий „ножниц"!).

Среди переменников во время сбора была проведена большая политическая работа, в частности, и в отношении укрепления смычки. Была поставлена задача—возможно чаще столкнуть переменника-крестьянина с рабочими города и с представителями уездной и центральной власти Белоруссии, дать раз'яснения волнующих их вопросов из

первых рук. Это общение было поставлено, как одна из важнейших задач политработы среди переменников и дало, безусловно, положительные результаты.

Главными моментами в проведении этого общения были торжественные встречи переменников в городах партийными, профессиональными и советскими организациями, принятие шефства Ц. И. К. Советов Белоруссии над дивизией и уисполкомов—над полками, вечера смычки переменников с рабочими, посещение заводов и фабрик и т. д.

Необходимо остановиться также и на настроении переменников. Попытку подойти к перестроению нашей армии на милиционные начала красноармейцы-переменники встретили с полным сочувствием, чему не мало способствовало широкое раз'яснение ее до сбора и во время его.

Проявлявшиеся кое-где недостатки в работе аппарата дивизии, в частности в области материального обслуживания переменников, по отзывам всех, тонули и проходили незамеченными в обстановке общего под'ема и на настроение переменников заметного влияния не оказывали.

К политической работе переменники относились с несомненным интересом; отмечаются нередкие случаи выражения сожаления о том, что для политических занятий отведено так мало времени.

Но главное достижение проделанной большой политической работы с переменниками не в том, что они получили некоторую сумму политических знаний, а в том, что у большинства пробудился интерес к этим вопросам, и у некоторых—желание полученные знания углубить между сборами путем чтения.

Отношение к строевой учебе было самое благоприятное, случалось даже, как отмечают работники дивизии, что переменники жалели о слишком коротком сроке сбора.

Характерно отметить, как положительное достижение сбора, что у переменников, в результате теплой встречи в части, внимательного и делового отношения к их домашним нуждам, интересной, занимательной работы установилась прочная связь со своей частью и желание ее поддерживать и во время между сборами. Последнему не мало способствовала работа по оказанию юридической помощи переменникам, оказавшая большое влияние на устранение существующих в деревне ненормальностей, иногда незаметных глазу волостного работника и тем более—уездного.

В общем и целом, подводя политические итоги сбора, можно с полной уверенностью сказать, что строительство Сов. власти в области военного дела на милиционных началах встретило поддержку и сочувствие трудовых масс, а практические результаты сбора показали, что Кр. Армия, в лице своего кадра, выдержала очередной экзамен, доказала свои способности к широкому строительству.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

К. Умнов.

Методика военной подготовки младшего командира по опыту работы „ВУЗ“ *).

(Тезисы).

Военная подготовка есть воспитательная и учебная в одно и то же время.

Вся учебная работа должна быть проникнута стремлением воспитать командира не просто способного драться и умирать, а обладающего необходимыми интеллектуальными и моральными навыками, способного одерживать победу.

Для этого самые методы работы должны быть выбраны такие, которые способствовали бы воспитанию.

Отделять воспитательскую работу от учебной—нельзя, они должны быть слиты.

Военное воспитание опирается, естественно, на политическое воспитание, в политической работе должно быть обеспечено твердое влияние на всю систему подготовки командира.

Самое действительное воспитательное значение имеет влияние среды. Из всех способов воспитания самый верный—это пример. Слушают наставления того, кого уважают. Командиры должны всеми силами внушить к себе уважение.

Идейное единство во взглядах и приемах подготовки красных командиров, как цемент, будет связывать Красную Армию и будет сильным шансом для успеха боевых столкновений с врагами одинаковое понимание весьма облегчит ведение боя разбросанными боевыми порядками.

Должно быть единство в преподавании, в идеях и целях.

ВУЗ готовят командиров для работы в Красной Армии в определенных условиях, с одной только целью—уметь воспитать и обучить трудящихся военному искусству и уметь бить врага с возможно меньшими потерями.

---

*) Придавая, в связи с предстоящим с'ездом ВНО, вопросам подготовки особое значение, редакция помещает для обсуждения настоящие тезисы.

Эта цель указывает направление всей работы по воспитанию и обучению курсантов.

Молодая Красная Армия находится в периоде усиленного качественного роста, ей нужно также обеспечить себе резервы командиров, потому она нуждается в быстрой подготовке командиров. Быстрая подготовка заставляет ограничиваться только решительно необходимым.

Школа бессильна обучить человека всему на всю жизнь, потому: необходимый минимум знаний, „верный взгляд военный", необходимая „натасканность" в решении практического вопроса и снабжения навыками для дальнейшей самостоятельной работы.

В практическом деле часто важнее иметь сильную волю, чем множество знаний, но волю надо уметь воспитать, на это нужно не только время, но известный уклад жизни, систему и способы обучения.

„Натаскивание" или широкое образование. „Натаскивание" становится неизбежным при очень коротких сроках обучения, однако поправкой к нему является выработка навыков для самостоятельной работы.

Почему нужна „натасканность".—Потому, что без этого молодой командир не может работать в части, учить. Почему нужно снабдить навыками для самостоятельной работы. Потому, что без этого командир не будет способен дальше работать над собой, он застынет на месте, значит пойдет назад в смысле умственного развития.

Значит всякая военная школа должна дать „верный взгляд военный", необходимый минимум теоретических, практических знаний, умение учить других и необходимые методы самостоятельной работы. Школа должна также позаботиться, чтобы тина жизни не засосала молодого командира, зажечь его сердце любовью к науке и знанию.

Школа должна дать знание современной войны. Условия сейчас таковы, что, в сущности, в самой школе требуется работа военно-научного общества, связанного с местными военно-научными центрами. Однако, по недостатку времени такая задача для школы пока непосильна, у нее еле хватает времени искать методические пути. Она зато стремится обучить курсанта методам самостоятельной работы.

Внутренний уклад жизни ВУЗ должен развить чувство долга, дисциплинированность, самодеятельность.

Учебно-строевая подготовка и весь уклад жизни так должны быть согласованы, чтобы с уверенностью сформировать воина-гражданина, командира-учителя.

Курсантам должно указывать цель каждой их работы, почаще беседовать на тему о том, чему и зачем их учат. Допускать свободу мнений, критику.

Беседы старших начальников со всем коллективом курсантов в важных случаях. Беседы непосредственных начальников и преподавателей по каждым подходящим поводам. Давать возможность высказаться. Развивать способность суждения.

Должно создать ясное настроение у курсантов по каждому из вопросов, путем оценки фактов явлений под углом зрения политическим и военным (традиции). Вообще должно сформировать сознание (дисциплину мысли).

Точное соблюдение уставов есть верное воспитательное средство. Оно организует дисциплинированного бойца и командира. Из углубления привычки сознательно подчиняться растет способность командовать.

Строевая подготовка является важнейшим воспитательным средством и научает способам борьбы с врагом,—оружием. Основанием своим она имеет учебную подготовку, которая идет рука об руку со строевой и в ВУЗ тесно с нею об'единена. Строевая подготовка делает из курсанта бойца и командира-инструктора.

Муштра, только для развития автоматизма, там где он нужен.

В ВУЗ преобладает индивидуальная подготовка. Строевой организацией пользуются только, как учебно-воспитательным средством.

Строевая подготовка в узком смысле—это учение по строевому уставу. Обработка бойца для постановки в строй. Строевая обработка строевых единиц, спайка в ней отдельных бойцов для совместных согласованных действий. Развитие полезного автоматизма. Средство воспитания и дисциплинированности.

Она только средство, помогающее тактической подготовке.

В этой работе должна быть тесная связь преподавателей тактики и стрелкового дела с комсоставом и полное об'единение взглядов.

Полезность и смысл каждого приема должны быть известны каждому курсанту.

Первоначально показ на обученных. Усвоение от простого к сложному. Повторение упражнений, где надо выработать автоматизм.

Непрерывное продолжение строевой работы должно быть во всем укладе жизни ВУЗ.

Курсант понесет в войска те самые инструкторские приемы, какие применялись к нему самому в военной школе.

Групповой метод в строевом обучении. Основания группового способа: 1) Соразмеренность каждого упражнения с потребностями (способностями) каждого курсанта. В этом его сходство с лабораторным методом. 2) Пять минут отдельного урока принесут больше пользы, чем полчаса совместного.

Стрелковое дело. Программы с определением целей занятий и их организации. Учет способностей каждого стрелка. Занятия у станков, обучение прицеливанию. Учет усвоения. Как пользоваться учебными приборами и пособиями.

Ежедневная прикладка и прицеливание (применять возможно чаще боевые положения). Все командиры обязаны поверять прикладку и прицеливание, не исключая начальника ВУЗ. Воспитание глаза.

Без надежной тренировки стрелков боевым патроном в тире в продолжение зимы нельзя добиться хорошей боевой стрельбы.

Групповой метод обучения.

Физическое образование. Подготовительные упражнения должны только пробудить организм. Главный же смысл должен заключаться в прикладных упражнениях—машинной и полевой гимнастике, с целью достижения курсантами свободной работы в полном походном снаряжении и вооружении, способности преодоления препятствий одиночно и группами с пулеметами в руках.

Учебное дело.

К методу преподавания мы должны пред'явить требование, чтобы он не только обеспечивал в кратчайший срок усвоение минимума материала, научал бы навыкам самостоятельной работы, но чтобы имел воспитательное значение.

„Тот хорошо учит, кто умеет хорошо различать". Во всякой программе нужно тщательно уметь разбирать, что в ней есть главное, основы дела и что второстепенное. Нужно углубление в специальности.

Мало того. Необходимые данные нужно давать в известной гармонии, чтобы не было лоскутности в преподавании, необходима комплектность в изложении научного материала. Эта комплектность должна выразиться в том, что один из военных предметов должен быть выделен, как центральный, как ось, стержень, вокруг которого вращаются остальные.

Таким стержнем является тактика. Она определяет место каждой другой военной отрасли знания и об'ем ее. Она же дает направление всему военному воспитанию и обучению.

Военно-исторические примеры имеют большое воспитательное значение и показывают приложение выводов к частным случаям боевой обстановки.

Лекционный метод должен быть отвергнут, потому что приучает к пассивному усвоению чужих мыслей, готовых выводов.

В живой беседе преподаватель наводит курсантов на правильные выводы Преподаватель сообщает курсантам ряд сведений в такой мере, чтобы подвести курсанта к самостоятельному выводу. Постепенно научает его анализировать факты, а потом обобщать их (синтез). Так постепенно преподаватель активно ведет класс по ступенькам все выше к необходимым вершинам знаний. Этот активно-двигательный метод является первым шагом в развитии самостоятельного мышления, способности суждения.

Лабораторный метод в обширном значении слова и лабораторный план представляют громадное преимущество с точки зрения воспитания и обучения командира. Этот метод должен стать центром внимания настойчивого изучения.

Правильное применение его воспитывает инициативу, организационные способности, находчивость, критическое отношение.

Дальтонский лабораторный план есть естественный метод изучения основ дела.

Курсант—экспериментатор. Преподаватель—руководитель и помощник, он указывает технику работы и пути приобретения знаний, об'ясняет основные работы.

Каждый работает своим естественным темпом. Самые верные методические директивы могут быть испорчены плохим исполнением. Поэтому от преподавателей требуется большая работа и осторожный подход. Требуется сломать старую педагогическую систему. Приказ один делу не поможет. Нужно на практике переработать педагогические убеждения.

Первое достижение заключается уже в том, что у преподавателей начинается с переходом на новую систему живая работа.

Лабораторный план действует по разному в разных дисциплинах и отраслях знаний.

Практика работы указала путь применения лабораторного плана: 1) Настойчивое проведение активно-двигательного принципа. 2) Организация лабораторий. 3) Максимальное увеличение практических работ за счет теоретических.

Клуб есть также лаборатория. Клубные методы по духу сходятся с лабораторным планом, а потому параллельная работа с переходом к лабораторному плану немыслима.

В любом искусстве „умение" есть самое главное. Лабораторный метод весьма облегчает переход от знаний к умению, так как вооружает способностью самостоятельного суждения.

Должна быть создана система практических занятий, приложения выводов и истин к частным случаям, сначала на картах, потом на местности с тем, чтобы уметь приложить их в будущем на поле боя.

Курсант должен быть воспитан в убеждении, что неизменные формы, начертания, фигуры, схемы, вообще всякие тактические шаблоны в бою не помогают. Годен только „верный взгляд военный" и твердо выкованное суждение.

Способы выработки „умения" известны и определены: 1) работа на рельефных планах (также на ящиках с песочным рельефом), 2) решение задач на картах, 3) полевые занятия и маневры.

Полевая подготовка. Как тактика есть центральный предмет в комплексе военных дисциплин и отраслей знаний, так тактическая подготовка есть центр строевого обучения.

Знание тактики дается курсанту преимущественно в зимний период обучения, а умение применять эти знания—главным образом летом.

Зимняя тактическая подготовка есть только подготовка к летней работе, а отсюда следуют методические указания: зимой детализировать работу; больше можно допускать условностей: ящики с песком, обозначенный противник, декоративные приборы, флаги и прочее; вся работа должна идти в тесном единении преподавателей и командного состава; главрук по тактике должен быть включен в строевую предметную комиссию; в зимней подготовке могут быть допущены показные занятия; все, прежде, чем переносится в поле, прорабатывается на ящике с песком и планах; центр тяжести должен лежать в индивидуальной работе.

Частные сборы. Все занятия ведутся исключительно практически и возможно ближе к действительной обстановке; расстояния действительные, противник и соседи обозначены людьми в достаточном количестве. Противник и соседи управляются руководителем.

Для каждого занятия должен быть составлен план, программа его и метод проведения.

Комсостав и преподаватели работают в тесном единении. Руководство и ответственность за дело несут командиры, преподаватели—их советчики.

Разбор учения обязателен. Старший из командиров дает заключение.

Для выпускных курсантов применяются также упражнения по типу полевых поездок с полевой книжкой или планшетом в руках (с мнимыми войсками).

Перед учениями более сложными должны быть показные. Все внимание в работе с выпускными курсантами сосредоточено на утверждении в командных и инструкторских навыках.

В обучении основам полевой службы больше прилагать здравого смысла, давать известную цель, но не указывать, как ее достичь. Обучаемый почти всегда найдет способ ее достижения. Не ссылаться сразу на устав, исправляя ошибки; надо на примере дать возможность найти ошибку. Главное—всегда ясно ставить задание.

Общий сбор. Он распадается на два периода: 1) показ и взаимное ознакомление родов войск между собою и с техническими средствами боя. Показные артиллерийские стрельбы. 2) Согласование действий разных родов войск, изучение взаимных обязанностей при совместном маневрировании. Подвижные сборы. На маневрах окончательно закрепляются знания и умения курсантов. Вместе с тем маневры будут поверкой и изучением всего нового в военном деле, доступного нам.

Для поучительности необходимо, чтобы курсант не только знал свой маневр, но знал бы шире обстановку действий и ход маневра, чтобы вполне сознательно участвовать в последующем разборе.

Необходимо привлекать к маневрам преподавателей тактики и фортификации.

Выпускных курсантов полезно помимо, назначения на командные должности, назначать „корреспондентами", полезно посылать также в соседние части и штабы „для связи". В несении этих обязанностей курсантов чередовать.

Курсантам вести по мере возможности „дневник маневров" (действия части, бытовая сторона, данные по указанию Политотдела, при этом обязательны критические мысли).

Практические выводы для боевой подготовки войск: одиночное обучение не должно иметь целью отлить всех на один образец. Одна только цель—получить от каждого бойца максимум полезного действия на войне, как только допускают его способности.

Групповой метод обучения должен получить в войсках широкое распространение.

Он при коротких сроках службы поможет сбережению времени, оживит работу и даст возможность красноармейцам приобрести инструкторские навыки. Старослужащие красноармейцы могут быть подготовлены и использованы, как инструктора.

Борьба с „словесностью" и „уклоном в сторону муштры" (приказ Главкома № 32) также может быть облегчена с усвоением группового метода обучения.

В войсках появляется уже лаборатория стрелкового дела. Должно пожелать дальнейшего развития этого дела. Кажется вполне рациональным постепенное создание в частях войск „инженерно-технической", „топографической", „политической" и „общеобразовательной" лабораторий.

С лабораториями постепенно проникнет во всю работу обучения и лабораторный метод в широком значении слова, как метод, рассчитанный на активность и самодеятельность красноармейца.

Метод полевой подготовки должен особенно опираться на здравый смысл бойца, на активность и самостоятельность, поэтому метод, основанный на подражании, как первобытный, должен быть отброшен.

Активные методы обучения требуют большой работы от командиров и специальной подготовки к занятиям.

Польза дела требует об'единения методической работы на всем фронте, что особенно важно при малоопытном командном составе.

Поэтому полезно учреждение краткосрочных „методических курсов-конференций".

При Полевом Управлении фронта такие курсы могли бы быть организованы для высших тактических начальников: командиров дивизий, их помощников и командиров полков, отвлекаемых от войск в известном числе.

Такие „методические курсы-конференции" могли бы выработать столь необходимую для всякой молодой армии „методическую инструкцию" для руководства войскам.

Они, кроме того, может быть, облегчили бы заботу об усовершенствовании знаний методики обучения комсостава, привлекаемого в период сборов терчастей и заявившего себя столь беспомощным в этом деле.

„Красноармейская тактика" в духе афоризмов Суворова, как средство воспитать господствующие у нас тактические идеи.

Методика Губузовской работы в приложении к дивизионным школам.

Педагог.

„Новые военные дисциплины".*)

В недавно вышедшей брошюре „Основы преподавания военных предметов" А. Н. Суворов делает заслуживающую всякого сочувствия попытку разобраться в работе наших военно-учебных заведений и дать систематическую сводку преподаваемых предметов.

Уважаемый автор насчитывает 21 военных предметов, в том числе: стратегию, тактику, в. историю, артиллерию, пол. инж. дело, в. топографию, в. психологию, в. администрацию, в. законоведение, в химическое дело, маскировку, связь, воен. гигиену, учение о боевом коне, конно-саперное дело, в. географию, уставы, строевое образование, черчение и рисование, физическое образование и стрелковое дело. По каждому предмету он дает обзор его основ; быть может, он всегда бесспорный, но свидетельствующий о действительном намерении автора разобраться в содержании каждого предмета и отвести ему подобающее место, чтобы установить некоторое единство взглядов и „разгрузить" курсантов от непосильной работы.

Брошюра сопровождается авторитетным предисловием С. С. Каменева, в котором указывается, что при дальнейшей разработке программ и методов преподавания надо сосредоточить больше внимания на специализации военно-учебных заведений (стрелковых, кавалерийских, артиллерийских и т. д.), переработав об'ем преподавания именно в этом направлении, а также решительнее „повернуть руль" в сторону более широкой самостоятельности курсантов, т. е. в сторону активно-трудового метода.

Как брошюра А. Н. Суворова, так, в особенности, предисловие к ней С. С. Каменева несомненно вызовут или уже вызвали большой интерес в широких кругах не только военно-учебных заведений, но и разного рода управлений и штабов, а также войсковых частей, то-есть всюду, где есть живой интерес к военным знаниям и к военной подготовке.

Более, чем вероятно, что как об'ем, так и методы преподавания в воен.-учебных заведениях, а за ними и на повторных курсах и в войсковых школах подвергнутся пересмотру, на этот раз более коренному, чем до сего времени. Поэтому представляется не лишним и вполне своевременным высказать некоторые пожелания, которые могли бы быть приняты во внимание при этом пересмотре.

С. С. Каменев в своем предисловии высказывается, между прочим, за разделение всего об'ема преподавания не на „предметы", а на „дисциплины", рассматривающие, в сущности, один и тот же предмет, т. е. военное дело в целом или его различные отрасли, но с различных точек зрения.

*) В порядке обсуждения. *Ред.*

Но как-бы ни называть отделы преподавания—„предметами“ или „дисциплинами“, в них не должно быть значительных пробелов. При этом надо согласиться с А. Н. Суворовым, что все вообще преподавание должно быть связано в цельную систему, а каждый „предмет“ или „дисциплина“ должны получить свое место в этой системе.

И вот, просматривая со вниманием систему А. Н. Суворова мы видим, что в ней не отведено особого места для очень важной и, быть может, важнейшей дисциплины—„*методики военной подготовки*“.

Правда, А. Н. Суворов не вычеркивает „методики военной подготовки“ из предметов преподавания, но она как-бы остается на заднем плане и очень скромно или нерешительно пробует выступить, то-там, то здесь, в общей системе военных предметов.

По мысли А. Н. Суворова она должна, повидимому, составить 4-ую (!!) часть тактики, под общим заглавием „подготовка войск“, куда относятся: воспитание, обучение, физическое образование и подготовка командного состава и специалистов (инженеров, генеральный штаб—ныне упраздненный, врачей и т. п.).

Никаких подробностей, кроме этих заглавий, в брошюре не имеется. Основанием для присоединения „подготовки войск“ к тактике служит соображение, что „подготовка войск находится в прямой зависимости от их полевой, т. е. тактической работы; следовательно научные основания подготовки войск должны даваться и изучаться тактикой“.

Но из дальнейшего содержания брошюры видно также, что „методика войскового обучения“, по предложению автора, должна целиком войти в предмет или дисциплину „строевого образования“.

Эта дисциплина, по мысли автора, должна получить очень широкие пределы и обнять собою: собственно-строевую подготовку, стрелковое дело, тактическую полевую подготовку, уставы и караульную службу, газовое дело, методику войскового обучения, связь (техническую ее часть), верховую езду и краткие сведения о лошади, выходы в поле (для занятий с войсками и с учебною (?) целью), а также физическое образование.

Дальше физическое образование и стрелковое дело опять рассматриваются, как особые „предметы“ и „дисциплины“. Таким образом „система наук“ автора не совсем ясна, но одно несомненно, что, по мысли А. Н. Суворова, как строевое образование, так и физическое образование и стрелковое дело заключают в себе все признаки методики военной подготовки.

Излагая задачи этих „предметов“ автор подчеркивает, что они должны не только научить *делать* то, что ими требуется, но подготовить командный состав, умеющий всему этому *научить*. Мало того, во всех этих „предметах“ дается целый ряд прямых указаний по методике: учить только тому, что нужно для войны,—вырабатывать технические (ремесленные) навыки, учить показом, а не рассказом и пр. В задачи физического образования включено „духовное развитие“, причем также указаны и методы для достижения этой цели (риск,

элемент борьбы, соревнование). Здесь невольно напрашивается вопрос: из какого же источника почерпнуть все эти основы методики военной подготовки? Само по себе строевое или физическое „образование“ (как называет их автор) не могут дать этих основ или должны „доходить“ до них чисто эмпирическим путем, как могут делать только дикари, не знающие научного опыта. Искать этих основ в тактике также нельзя, вопреки мнению автора: основы тактики действий не следует смешивать с основами подготовки людей для этих действий. Так или иначе, методике обучения, видимо, не предполагается отводить особого места в цикле военных предметов или дисциплины, как его не было и в старой школе.

Обратимся теперь к другой, еще более новой или забытой военной дисциплине—*к методике военной подготовки.*

В перечне военных предметов или дисциплине, о котором выше выговорилось, ей не отводится отдел особого меeста, как не отводилось и в старой школе. Но в старой школе для такого недоразумения было, по крайней мере, некоторое оправдание в том, что книга или руководство заменялась до известной степени целой корпорацией специально-подготовленных воспитателей в кадетских корпусах и офицеров строевого состава в военных училищах.

Между тем, в Красной Армии к командному составу пред‘являются на практике очень высокие требования как по политической, так и по военно-технической части. Требования растут. Надо уметь, еще лучше, чем прежде, организовать занятия, вложив в них настоящий смысл, уметь отделить главное от второстепенного. Между тем, нет ни одного руководства, которое пришло бы на помощь командному составу.

Что же мы видим на практике?

Время не терпит. Обучать надо. И вот остается одно из двух: руководствоваться собственной изобретательностью или обучать по старым шаблонам. Второй путь проще и вернее. И, действительно, мы видим, что большая часть времени на занятиях убивается для старых приемов обучения, давно осужденных. Мало по малу, за недостатком руководств и подготовленных учителей, старые шаблоны все прочнее утверждаются в Красной Армии. Опять главными предметами занятий становятся: выправка, шаг, ружейные приемы. Даже такое занятие, как стрелковое дело или бой на штыках, где нужны индивидуальные навыки, обращаются в групповые занятия ружейными приемами по командам: „шеренга—пли“, „шеренга—пли“, „шеренга пли!“ или „шаг вперед—коли!“ „отбей влево—коли!“ и т. д.

Никакого другого смысла, кроме дрессировки в новомодных ружейных приемах, такие занятия иметь не могут.

Единственную основу строевого обучения, во многих случаях, по прежнему, начинает составлять муштра, а не физическое развитие, как должно быть на самом деле. Одиночная стрелковая и тактическая подготовка не удается. Стрелково-тактические упражнения обращаются в те же строевые занятия на местности. Или же задачи только проделываются, но не изучаются.

Не берусь утверждать категорически, но считаю вполне возможным, что такой традиционный уклон нашей военной подготовки объясняется именно отождествлением методики военной подготовки со строевым образованием.

Может казаться, что достаточно хорошо составленных программ и планов занятий, чтобы излечить от этих недугов.

Но это—заблуждение.

Нужны не только программы, но общие правильные взгляды на задачи и приемы подготовки; нужны разработка и показ этих приемов на деле, считаясь со всеми затруднениями, которые могут встретиться на практике.

Все это достижимо только тогда, когда методика военной подготовки сделается самостоятельной военной дисциплиной, оставаясь в то же время одним из специальных отделов общей педагогики.

Методика, как и педагогика, в конечном счете работает не для себя. Настоящую практику дают им другие дисциплины, в их прикладной части.

Но как никому не приходит в голову соединять педагогику с каким-нибудь другим предметом, например с географией, историей, словесностью, физикой или механикой, так и методику военной подготовки было бы странно соединять с тактикой. Если уж так неизбежно соединение, то лучше искать его с гимнастикой, расширив ее до степени физического развития. Но физическое развитие составляет только одну из задач педагогики, в широком смысле слова; остаются еще задачи интеллектуального и культурно-политического порядка. Да и задачи физического развития в каждом деле требуют своего направления.

В современной педагогике мы имеем богатый выбор разного рода методов: аналитический, синтетический, концентрический, комплексный, активно-трудовой... Все это не пустые звуки. Приложение этих методов приносит плоды в различных областях знания и умения. Мало того. Все эти методы, в действительности, уже применяются в военном деле. Но здесь, как и в психофизиологии, не достает общего научного фундамента. Теория не связана с практикой, а практика идет эмпирическим путем без хорошо разработанной системы.

Надо ясно себе представить, что методика военной подготовки имеет свою точку зрения и свои предметы, отличные от точек зрения и предметов других военных дисциплин. Любая из них имеет конечною задачею показать, как достигнуть той или другой цели с данными средствами, будь эта цель огонь, связь, маскировка, укрытие или общая победа в бою. Методика должна иметь перед собой все эти цели, но ближайшая и непосредственная ее *задача лежит не в достижении их, как вещественных результатов известного ряда действий но в подготовке людей (живой силы)* к выполнению задач и приемов, требуемых другими дисциплинами. Она должна, с одной стороны, иметь в виду прикладные задачи различных областей военного дела, чтобы развить действительно необходимые навыки, с другой—иметь

в виду психо-физические свойства обучаемых, чтобы облегчить усвоение технических приемов и развить необходимые качества.

Во всех отраслях военного дела есть некоторые общие черты, создаваемые общностью военных задач. Все виды военной деятельности требуют известных психо-физических качеств, таких, как подчинение общей задаче (дисциплина), смелость, решительность, настойчивость, выносливость. Даже в узко-специальных назначениях (например, для телефонно-телеграфной службы) есть, в свою очередь, известные общие требования для различных моментов этой деятельности.

Отсюда методика, при всем разнообразии задач и приемов военного дела, имеет возможность установить более общие задачи и приемы выполнение которых неилучшим способом обеспечивает успешность подготовки во всех отраслях военного дела.

Она стремится, прежде всего, достигнуть известного общего, психо-физического уровня обучаемых, который позволил бы рассчитывать на дальнейшие успехи, затем она классифицирует их и указывает пути для дальнейшего усовершенствования в различного рода специальностях.

В конце-концов именно методика указывает, что и как надо сделать, чтобы вся масса обучаемых хотела, могла и умела исполнять требования, пред'являемые всеми видами многогранного военного дела.

Все военные дисциплины в прикладной, действенной части должны следовать ее указаниям, если хотят достигнуть на практике наибольшего успеха в кратчайший срок, не мешая друг-другу, но сохраняя полное единство стремлений.

Посеянные методикою семена будут всходить на различных нивах, но она, как пахарь, хорошо выбравший эти семена и хорошо подготовивший почву, увидит плоды трудов своих в быстрых и крепких всходах.

Из этого краткого очерка задач методики военной подготовки, вероятно, с достаточной ясностью видно, что ее нельзя пристегивать ни к одной из военных дисциплин, но надо рассматривать, как особую дисциплину на-ряду с другими.

В связи с тем значением, которое методика военной подготовки приобрела именно за последнее время, когда военное дело сильно машинизировалось, дифференцировалось или специализировалось по сравнению с недавним даже прошлым, и когда организация подготовки пред'явила очень трудные задачи,—хочется указать на необходимость еще одной поправки в системе военных „предметов“ или „дисциплин“.

Мы, по старой памяти, привыкли называть их предметами преподавания; между тем, это предметы—*обучения* Между этими понятиями есть та существенная разница, что одни ведут к теории, а другие к практике на некоторых общих теоретических основах. С. С. Каменев, в своем предисловии, подходит к той же мысли, когда го-

ворит о „повороте руля" к широкой самостоятельности (я бы сказал,— самодеятельности) курсантов и выставляет требование, что занятия в поле (летние) не должны быть какими то самодовлеющими, а обязательно должны составлять продолжение зимних.

Но, казалось бы, надо идти еще дальше и разрушить до основания стену, которая отделяет „преподавание предметов" от строевого образования и от занятий в поле и на плацу, как в летний, так и в зимний период занятий.

В сущности, А. Н. Суворов подходит к этому взгляду, когда говорит, что двойственные задачи ВУЗ в двух направлениях, учебном и строевом, взаимно друг-друга дополняют, а потому должны итти, так сказать, параллельно и во взаимной связи. Но эту мысль следовало бы провести резче и определеннее. Тогда и активно-трудовой метод, сам собой, получил бы широкое применение. На ряду с методикой военной подготовки нельзя не остановиться еще на одной дисциплине, которую А. Н. Суворов называет „Военной психологией".

Как он справедливо отмечает: „предмет этот в курсе военных школ не значится... но потребность в нем назревает, особенно теперь, когда военное воспитание стремится стать на научную почву". Поэтому А. Н Суворов посвящает военной психологии около трех страниц, набрасывая для нее программу, как он ее понимает.

Но если военная психология будет только „значиться" в курсах военных школ, то от этого также будет мало пользы.

Настоятельно необходимо, чтобы был, наконец, разработан хороший курс этой дисциплины, который установил бы определенные взгляды и послужил бы пособием, как для преподавателей, так и для учащихся. Мы не знаем пока в этой области ни одного дельного и при том современного труда. В периодической печати встречаются лишь отдельные заметки о новых задачах военной психологии, но этого далеко недостаточно.

Дело доходит до сомнений в необходимости вообще „военной психологии" и даже до отрицания какой бы то ни было психологии. Подобные рассуждения приходится иной раз слышать даже в серьезных военно-научных кругах. Приписывается, например, исключительное значение совокупности наличных условий данного момента и не придается вовсе никакого значения внутренней, психологической работе, результаты которой могут и не совпадать с действием наличных условий именно этого момента.

Нельзя не отметить, что в такого рода рассуждениях сказывается стремление подчеркнуть свою научность с точки зрения современного материалистического миропонимания. Но, в сущности, доказывается как раз противоположное. Научный материализм вовсе не отвергает психологических фактов и явлений; в этом смысле он не отрицает и „духа", но утверждает лишь, что этот „дух" есть свойство самой материи. С этой точки зрения психология обращается в один из отделов физиологии, но, конечно, не исчезает из цикла наук об органической природе, а, в особенности, о природе человека.

Не менее заслуживает упрека и противоположное течение мысли, которое не хочет заняться научной разработкой вопросов психологии, а продолжает топтаться на „трехгранных“ проявлениях „души“ (в уме, чувстве и воле) без физиологической основы, да на изречениях великих полководцев, в роде того, что три четверти успеха на войне зависят от нравственного элемента и т. п.

Пора, наконец, встать на рельсы и не чураться психологии, как устарелой или слишком рискованной науки. Но этой цели можно достигнуть лишь в том случае, если серьезно заняться не только психологией, но и физиологией, слив воедино обе эти дисциплины и осветив их с точки зрения военных интересов и потребностей.

Нельзя забывать, что в военном деле приходится постоянно иметь дело с людьми и с массами людей; психологические приемы воздействия применяются на каждом шагу не только в военное, но и в мирное время, а потому забвение психо-физиологии—одно из крупнейших недоразумений.

К этому можно добавить, что, в действительности, в военном деле не только имеется богатый психо-физиологический материал, накопленный продолжительным опытом, но имеются на лицо и многие признаки постоянного использования на деле этого материала, запечатленного в наших уставах и наставлениях.

Припомните, что говорится в наших уставах об отдаче приказаний, какое значение придается строю, какие соображения связаны с понятиями о дисциплине и т. д., и вы, вероятно, согласитесь, что мы всю нашу военную службу и деятельность строим на психо-физике, иной раз сами того не подозревая. Остается подвести под это здание, уже сооружаемое эмпирическим (опытным) путем, прочный научный фундамент, привести в систему наши познания и придать им ту форму, которая необходима, чтобы включить их в руководства и учебники.

В настоящее время наша литература обогатилась переводами сочинений таких выдающихся психо-физиков, как Мюнстербергер, Штерн и др. В Военно-Научном обществе нашей Военной Академии Р. К. К. А. давно идет работа над психо-физическими вопросами. Надо об‘единить усилия и поскорее выйти на торную дорогу, указав путь для всей той массы военных работников, которые по необходимости продвигаются лишь опытным путем.

Нашей военной науке, в ее современном развитии, нельзя отказать в стремлении найти прочные связи с другими, общими, невоенными науками, отказавшись от слишком эклектических (сборных) или чисто эмпирических способов познания. Ей нельзя также отказать и в смелости или решительности подхода к самым трудным вопросам.

Поэтому можно с уверенностью рассчитывать, что как психо-физика в ее приложении к военному делу, так и методика военной подготовки найдут себе место в цикле военных наук не только в выс-

шей и средней военных школах, но и в рядах Красной Армии, на практике.

Чем скорее это случится, тем лучше. И то надо сказать, что ГУВУЗ с академическими советами существует уже несколько лет. Неужели нет возможности поторопиться?

В. Микулин.

Еще о дальней кавалерийской разведке *).

Предыдущая моя статья на эту тему **) вызвала ряд весьма оживленных дискуссий, в некоторых из которых мне довелось участвовать лично. И вот, в процессе прений пришлось убедиться в том, что тезисы, приведенные мною в указанной статье, получили примерно столько же различных толкований, сколько было участвующих в прениях... Когда я пытался доискаться до причины этого явления, то оказалось, что редакция тезисов будто бы настолько неясная, что пришлось расшифровывать их. А „расшифровало“ их большинство моих оппонентов так, что я и сам их не узнал...

Конечно, моя статья, как первый набросок известной мысли, и не могла претендовать на абсолютную законченность; поэтому то я и назвал ее опытом исследования.

Тем не менее я позволял себе думать, что никакого расшифрования не потребуется, а достаточно будет разобрать тезисы в их совокупности и взаимной связи на основе всего предпосланного им анализа. А что последнему, в частности, не было уделено возражавшими достаточно внимания, видно хотя бы из того, что некоторые из них оппонировали по существу положений, диаметрально противоположных тем, которые черным по белому выдвигались мною в мотивировочной части моей статьи.

Как бы там ни было, но факт тот, что основная мысль последней оказалась искаженной. Поэтому я считаю полезным устранить те недоразумения, возможность которых уже была установлена в процессе дискуссий, конечно оставаясь при этом строго на принципиальной основе моей статьи.

Начну с того, что последняя *никогда не имела ввиду и не обсуждала принципиального отказа от услуг дальней кавалерийской разведки вообще,* как это было „расшифровано“ очень многими. Второй мой тезис, например, совершенно определенно указывает на необходимость *„допомнения и уточнения“* непрерывно ведущейся дальней авиоразведки разведкой конницы. Что же касается до 1-го тезиса,

---

*) Печатая настоящую статью т. В. Микулина, как затрагивающую один из наиболее интересных вопросов и к тому же живо и интересно написанную, Редакция все же не может одобрить такого *„заострения“* основных мыслей автора, которые обращают кавдивизию в раз'езд, без самостоятельных боевых задач. *Ред.*

**) В № 22 журнала.

редакция которого будто бы предрешает неизбежность расшифрования моих взглядов, как отказа от кавалерийской разведки, то он говорит о переходе „всецело к авиации лишь *общей* дальней разведки на широком фронте впереди армий“, и ни о чем больше.

Внимательные читатели, проследившие диалектическое развитие моей статьи в ее целом, согласятся вероятно с тем, что я восставал вовсе не против дальней кавалерийской разведки, как таковой, а против существующих методов ведения последней, конкретно—против использования стратегической конницы для ведения разведки на широком фронте, что я и возлагал всецело на авиацию

Таким образом моя мысль должна была быть, думается, достаточна ясна.

Теперь о технике использования конницы для целей дальней разведки.

Подавляющее большинство оппонентов решило (почему?), что конные массы, сосредоточившись на важнейших направлениях согласно тезиса второго, *выжидают* столкновения частей обоих армий, находясь за линией фронта и лишь после этого идут в рейд, самое понятие о котором характеризуется, будто бы, необходимостью прорыва более или менее установившегося боевого фронта при помощи пехоты.

В результате—нападки за то, что стратегическая конница, отказываясь от выдвижения впереди фронта армий ради предвзятой идеи совершения в последнюю минуту разведывательного рейда (это пытались обосновать тезисом десятым), оставляет этот фронт открытым для действий конницы противника, отказывается от единоборства с ней, и проч. и проч. и проч., главное же—не исполняет задачи дальней, т. е. заблаговременной разведки.

Между тем, казалось бы, что „задания, получаемые стратегической конницей (тезис второй) и имеющие целью дополнить и уточнить сведения дальней авиоразведки“, вызывают необходимость для конницы, сосредоточившейся на важнейших направлениях, итти по ним вперед к противнику, т. е. *туда же, где работает в этот момент и дальняя авиоразведка.* В противном случае (выжидание на месте) может ли итти речь о „дополнении и уточнении“ данных последней? Логически рассуждая, как будто нет...

Следовательно, казалось бы, что мои основные тезисы ясно намечают следующую схему: конные массы, сосредоточившись на важнейшем направлении, *выдвигаются вперед* в кулаке, организуя свое движение согласно тезиса пятого. Встретившись с противником, идущим по этому направлению, конница соприкасается с ним, быстро ощупывает его с фронта и флангов еще в то время, когда он движется в походных колоннах *и контакта с частями нашей армии не имеет* (переходах в трех от наших авангардов), и обтекая эти колонны или проскальзывая (прорываясь) между ними *) устремляется в тыл

*) Этот момент, как чисто маневренный, м. б. сопряжен и с потерей конницей части выигранного ею до этого пространства, т. к. противник движется. Важно лишь, чтобы она прорвалась на расстоянии, как указано, примерно 2—3 переходов от авангардов.

противника, где она и окажется к моменту завязки боя обоими сближающимися сторонами, выполняя свою работу по двум ассимилирующимся направлениям—разведка и оперативные задания (тезисы девятый и десятый). Что же касается до оголения фронта перед стратегической конницей противника, то тезис одиннадцатый вполне исчерпывает этот вопрос. Выдвигаемое положение может быть спорным, но оно ясно, всетаки...

Пресловутая кавалерийская дуэль будет иметь место в том случае, если противник, располагая стратегической конницей, бросит ее навстречу нашей. Здесь возможны два варианта. При одном из них—поражение нашей конницы—все дальнейшее вообще отпадает. При другом—поражение конницы противника или непринятие ею боя—остатки ее или она вся целиком осадит на свою пехоту и значение ее, как самостоятельного фактора, теряется.

Наконец, служба завесы ляжет на корпусную и дивизионную конницу, поддержанную пехотой (смешанные отряды). Завесу эту совершенно незачем выносить вперед дальше 1—2 переходов. Это совпадает с тем удалением, на котором должна работать эта конница в целях ближней разведки. *Я считаю, что служба завесы имеет гораздо больше общего со службой ближней разведки, чем с дальней.* Задача конницы, высылаемой для дальней разведки, заключается в разведывании противника—это ясно. Отсюда следует, что она должна пользоваться полной свободой действий и не должна быть связана какой-либо другой задачей. Служба разведки и служба обеспечения скрытности передвижения войск (завеса) по существу дела совершенно различны: разведывающая часть должна сообразовываться с действиями противника, обеспечивающая свои войска—с действиями этих последних. *На этом основании служба завесы должна нестись войсковой конницей,* а отнюдь не стратегической, что нисколько не помешает ей вести одновременно и ближнюю разведку, *преследующую, в общем, те же охранительные цели.* Армейская конница несла службу завесы в прошлом до некоторой степени механически закупоривая все более или менее важные пути от противника на широком фронте. *Видоизменяя ее задачи и методы работы,* мы тем самым, естественно, освобождаем ее и от несения службы завесы в отношении стратегической конницы противника, которую она оттянет на себя одним фактом своего выдвижения вперед. Само собой разумеется, что при таком разделении ролей нужна не только дивизионная, *но и корпусная конница, о чем необходимо твердить, твердить и еще раз твердить.* Здесь уместно вновь напомнить пример Румынии, которая будет располагать в военное время бригадой конницы на *каждый* из своих армейских корпусов.

Соприкосновение нашей выдвинувшейся армейской конницы с авангардами противника на расстоянии 3—4 переходов от наших войск и ощупывание их с фронта *перед началом* разведывательного рейда *механически* даст убитых и пленных, может быть кое-какие документы. Этих данных, *своевременно* полученных с главного направления, будет обычно достаточно для того, чтобы позволить армей-

скому командованию *проверить нацеливание* своих корпусов, может быть внести в него *последние* коррективы, *согласованные и с данными дальней авиоразведки*. В дальнейшем, по мере продолжающегося сближения обоих противников, превалирующее значение получат уже сведения, важные с точки зрения предстоящего боя—как идет противник, сколько его и т. д. Эти сведения должны собираться двояким путем: *с фронта*—войсковой конницей, *в тылу противника*—стратегической конницей, для которой эта задача явится одновременно переходной ступенью к чисто боевым действиям в связи с операцией. Сбор сведений в тылу противника (подход и группировка резервов, установление районов, свободных от противника и т. п.) *становится почти недоступным для конницы, если она не сумеет заблаговременно проскочить в тыл и не будет достаточно сильна, чтобы удержаться там на нужное время*. Поэтому эта задача вовсе непосильна для войсковой конницы и должна выполняться конницей армейской (стратегической).

Суммируя сказанное, полагаю, что к тезису второму можно добавить (для пущей ясности) указание о выдвижении конницы в сторону противника. Ничего принципиально нового это добавление все же не внесет.

Тезис третий настолько ясен, что расширять его не приходится.

Что же касается тезиса четвертого, то возможно, что слово „*рейд*“, не имеющее в конечном счете точного и официального определения, кое-кого и смутило. Поэтому, этот тезис можно было бы перередактировать применительно к этому обстоятельству и к общему замыслу моей статьи.

Конкретно тезисы 1—5 включительно могут быть предложены и в таком виде.

Основная редакция.	Расширенная редакция.
1. *Общая* дальняя разведка на широком фронте впереди армии переходит в принципе *всецело к авиации*.	1. Дальняя разведка конницы и авиации равно одинаково необходимы. Работа авиации *направляет* работу конницы; работа последней *дополняет и уточняет* работу авиации. При таком разделении функций к авиации *всецело* отходят задачи дальнего освещения крупных группировок противника впереди армий, т. е. *розыск* противника и выяснение важнейших оперативных направлений *на широком фронте*, что являлось раньше задачей исключительно одной конницы.
2. Конные массы, по мере выяснения с воздуха важнейших оперативных направлений, *сразу же* сосредотачиваются на них, получая определенные задания, имеющие целью *дополнить и уточнить* непрерывно продолжающуюся авиоразведку.	2. Будучи освобождаемы тем самым от необходимости широко разбрасываться для предварительного выяснения этих направлений собственными усилиями, конные массы получают возможность *сразу же сосредотачиваться* на этих направлениях, выясненных дальней авиоразведкой, и *тотчас*

же выдвигаются по направлению к противнику, получая определенные задания, имеющие целью *дополнить* и *уточнить* непрерывно продолжающуюся дальнюю авиоразведку.

2. Без изменения.

3. Эти задания определяют для конницы необходимость добыть с боя нужные сведения на флангах и преимущественно в тылу противника, собирая их путем опроса жителей, пленных, нападений на штабы и аэродромы (захват документов) и на линии технической связи (перехват сообщений), и вообще, в результате активных боевых действий крупными силами.

4. Таким образом, *рейд* в тыл противника крупными соединениями становится важнейшей формой ведения кавалерийской разведки в наши дни. Центр тяжести непосредственной разведывательной работы переходит *к самим конным массам* освобождая разведывательные органы от непосильной для них задачи прорыва расположения противника и сбора сведений в его тылу.

4. Проникновение разведывающих конных масс *в тыл приближающегося* противника (*рейд*) является таким образом наивыгоднейшей формой выполнения ими дальней разведки. Это проникновение должно быть выполнено *на достаточном удалении от фронта армий.* Центр тяжести непосредственной разведывательной работы переходит таким образом *к самим конным массам,* освобождая разведывательные органы от непосильной для них ныне задачи прорыва расположения противника и проникновения в его тыл. Эти органы выполняют лишь функции *ближней разведки для нужд самих конных масс.*

5. Фронт *конной* разведки рейдирующей конницы не превышает размеров, необходимых на общем основании при совершении походных движений в предвидении боя и т. д.

5. Фронт *конной* разведки конницы, выдвигаемой для совершения разведывательного рейда, не превышает размеров и т. д.

Допуская все приведенные раз'яснения к основным тезисам, как не вносящие в них ровно ничего *принципиально* нового, я позволяю себе считать все же, что внимательное ознакомление с этими тезисами в их совокупности и взаимной связи и на основе предпосланного им изложения исключало бы, казалось, необходимость комментарий.

Это не означает, конечно, отказа от споров по существу выдвигаемых мною положений или их мотивировки. Но и то и другое окажется в фокусе этих споров, а не на заднем плане, заслоненное дебатами на, зачастую, совершенно неожиданные темы.

Моей задачей было лишь устранить возможность повторения прецедентов этого. Настоящая статья—лишь фактическое раз'яснение к первой, поскольку таковое раз'яснение оказалось нужным.

Мне хочется лишь, пользуясь случаем, еще несколько заострить мою основную мысль за счет остроумного замечания одного из присутствовавших на дискуссиях товарищей.

„Ваш способ разведки—это использование дивизии, *как раз'езда,* с комдивом во главе", сказал он.

И надо согласиться, что трудно было выразиться короче и образнее.

Техника организации дальней кавалерийской разведки пережила целый ряд основных форм—отдельные дальние раз'езды („летучие“, как их когда то называли), разведывательные эскадроны, теперь разведывательные отряды силою до полка и больше с придачей им целого технического арсенала. Иными словами, наблюдается систематическое и последовательное усиление силы и огневой мощи основных разведывательных органов и их щупалец: то, что было сегодня органом разведки, становится завтра щупальцами—от раз'ездов—дозоры, от разведывательных эскадронов—раз'езды, от разведывательных отрядов—разведывательные эскадроны.

Эта стройная система прогрессирующего увеличения силы разведывательных органов явилась неизбежной и законной данью развитию мощи огня и техники и необходимости, невзирая на все это, добывать сведения *на флангах и в тылу противника*—ибо это требовалось *всегда и от всех органов разведки, будет требоваться и впредь.*

Но вся эта система, не взирая на свою стройность, имела и слабую сторону—хроническую отсталость от жизни в нужное время и в нужном месте.

Если бы теория разведывательных эскадронов существовала бы *до* Русско-Японской войны, то успешность ее применения не подлежит сомнению. Но для мировой войны она уже не годилась. Не годилась потому, что лишь добросовестно запротоколила все непосредственно воспринятые впечатления войны 1904 и 1905 г.г. Аккуратно, нисколько не претендуя на дар Сибиллы, она обработала и перелила их в догмы. Эти догмы были восприняты, как евангельские истины. И нет поэтому ничего удивительного в том, что конница с первых же дней мировой войны увидела себя всего лишь на полпути к цели в деле разведывания.

Сейчас с математической точностью повторяется то же самое в отношении разведывательных отрядов. „Если бы теория последних существовала *до* мировой войны, то успешность ее применения не подлежит сомнению. Для будущей войны она не годится“ и т. д. т. д.—смотреть выше о разведывательных эскадронах. Эта сказка про белого бычка, которая особенно странно звучит теперь, когда уже ясно осознано и доказано, что в деле победы в наши дни—все в предвидении. Показателем последнего в данном вопросе может быть только решительный шаг вперед *через достижения* хотя бы и недавнего прошлого во имя успеха в будущем.

И раз'езд-дивизия рисуется лишь логическим завершением набросанной картины эволюции разведывательных органов: щупальцами его становятся разведывательные эскадроны, еще недавно ответственные за выполнение самой разведки в глубине неприятельского расположения. Его арена работы—тот же тыл противника. Его метод действий—тот же бой, который немцами, например, рекомендовался даже отдельным раз'ездам. Он достаточно силен, чтобы не нуждаться в поддержке, достаточно самостоятелен для того, чтобы

бесстрашно и надолго углубляться в расположение врага. Он располагает всем необходимым, чтобы своевременно доносить.

Правда—таких раз'ездов нельзя выслать много. Но это и не нужно, *так как авиация освобождает стратегическую конницу от розыска противника на широком фронте* и позволяет ей *сосредоточить* свои усилия на разведке его *там, где это нужно (глубокие кинжальные удары по важнейшим направлениям)*.

И разве разведывательный рейд дивизии не есть по существу дела то же самое, чем был в свое время глубокий поиск дальнего раз'езда, обязанного пробраться к главным силам противника, висеть над ними, неотступно следя за их движениями и доносить?

Сравнение дивизии с раз'ездом покажется, быть может, скорее юмористическим. Не менее юмористическим должно показаться тогда и желание считать действия раз'езда рейдом.

Однако ф.-Шлихтинг произнес это слово, говоря об известном вторжении раз'езда графа Цеппелина в Эльзас в начале войны 1870—71 г. г.*). А вот что писал почти сорок лет тому назад профессор Академии Генерального Штаба Сухотин**), отстаивая право термина „рейд", на существование в нашей литературе: „То обстоятельство, на которое указывает один из почтенных противников этого термина, что иные из младших офицеров склонны видеть рейд и именовать таковым всякий пробег раз'езда, если ему удалось сделать лишних пять верст—только усугубляет право на законное существование этого слова.

Действительно, во первых—задачи летучего раз'езда по существу своего назначения во многом сходственны задаче целого вида рейда, а именно *разведывательного рейда*; следовательно, часто младший офицер, исполняя задачу разведки, будет вполне прав, говоря, что он совершил рейд. Во вторых, если бы даже подобное употребление слово „рейд" и было в том или другом случае неуместно, то ведь это еще беда не велика, и даже напротив, для нас очень похвальное знамение, что этому офицеру хотелось видеть в его задании рейд, т. е. нечто более важное и серьезное, чем то было на самом деле, нечно более ему симпатичное, чем бытие просто разведывательным раз'ездом. Такое злоупотребление словом „рейд" только полезно; пусть проникнется наша конница духом рейда, этой богатой плодами деятельности... и такую конницу в будущем возблагодарит армия и прославит история".

К этому ничего не добавишь—под ним можно и нужно лишь расписаться.

Закрывая последнюю страницу этой статьи, я ставлю себе еще один вопрос: а что, если авиация дошла до пределов своих достижений в деле разведки? Что, если кривая этих достижений будет в будущем резко падать и дойдет до нуля одновременно с восхождением кривой успехов маскировки? Что тогда? Уже сейчас приходится

*) Ф.-Шлихтинг „Основа современной стратегии и тактики" т. II, книга 2, стр. 88

**) Проф. Н. Н. Сухотин. „Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в американскую войну 1861—65 г." 1887.

не раз слышать, что разведывательная слава авиации—в ее прошлом, в настоящем—способность видеть „лишь то, что ей показывают", а в будущем—ничего. Feci, quod potui!

Разбираясь в вопросах дальней наземной разведки вообще, проф. Кельчевский пишет:*) „Уже в приемах и способах разведки скажутся основы учения, исповедуемого армией данного государства. Очевидно, что те, кто потерял веру в возможность при нынешней технике применять конницу в широком масштабе, будут основывать разведку главным образом на применении особо организованных технических отрядов из танков и бронеавтомобилей, дополненных небольшими частями конницы или пехоты, перевозимой механическим путем. Другие, наоборот, веря в силу человеческого духа и располагая конницей еще в большем числе, чем прежде, поведут разведку конными массами, хорошо снабженными машинами и оружием, как необходимым дополнением".

Анализируя дальше этот вопрос, Кельчевский приходит к выводу, что „преимущества окажутся на стороне тех, кто построит расчет своей разведки на конных массах, гармонически дополненных и усиленных техническими средствами"

Если это верно сейчас, то в день возможного банкротства воздушной разведки это станет уже законом, таким же, как и заключительные слова Кельчевского: „*конницу в наше время не только не следует уменьшать, но нужно, напрягая все рессурсы страны, увеличивать, увеличивать и увеличивать*, ибо ей принадлежит в будущем выдающаяся роль".

Эта роль вновь поставит перед конницей требование вести разведку на широком фронте впереди своих войск, т. е. не только разведывать, но и разыскивать противника в значительном удалении от них. Совершенно очевидно, что она, какова бы ни была ее численность, никогда не сможет вытащить из архива старую схему и выбрасывать перпендикулярно к линии широкого фронта своей работы достаточное количество достаточно мощных органов разведки, *мощных при этом с точки зрения не сегодняшнего, а завтрашнего дня.*

Этому приему придется противопоставить высылку *всего лишь нескольких* раз'ездов, но раз'ездов, способных *прорезать* расположение противника, двигаясь *параллельно его фронту в глубине его расположения*—раз'ездов-дивизий, быть может, раз'ездов-корпусов. Эти разведывательные рейды понадобятся уже и в период сосредоточения армий и их результаты дадут основания для направления последующих разведывательных рейдов в период сближения и во время боя. Нужна будет замена усталых рейдировавших частей свежими. В этих условиях призыв Кельчевского получит совершенно исключительный смысл и значение, которое надо учесть сейчас, пока не поздно, ибо в наши дни „побеждать—значит предвидеть".

*) „Война и Мир" № 7, ст. „Краткие итоги мировой войны и вероятные перспективы ближайшего будущего".

А. Виноградов.

Корпусная конница.

„Организация не терпит импровизации“.

На маневрах и полевых поездках приходится наблюдать одно и то же постоянное явление: командиры корпусов, приступая к выполнению задачи, прежде всего отбирают у дивизий эскадроны и, сформировав из них отряд, выбрасывают вперед в качестве корпусной конницы и не выпускают из своих рук до конца операции. Само собой понятно, что подобное явление нормальным назвать нельзя; импровизация, сходящая безболезненно в мирное время, во время войны принесет много крови и поражений.

Несомненно одно—решению вопроса о корпусной коннице должно быть придано исключительное значение; корпус, как основное высшее соединение, должен быть вполне самостоятелен. Какая-же самостоятельность у корпуса при существующей организации, если он, лишенный „глаз и ушей“, вынужден эти „глаза и уши“ отбирать у своих подчиненных соединений?

В старой армии вопрос о корпусной и дивизионной коннице разрешался легко при наличии более чем достаточного числа льготных казачьих частей*), вполне пригодных для несения разведывательной и охранительной службы. С ликвидацией самостоятельных казачьих формирований вопрос обстоит сложнее, но тем не менее все-же его следует разрешить в положительном смысле, потому что главная роль в добывании предбоевых данных о противнике и местности принадлежит коннице, она-же является и самой надежной завесой, под прикрытием коей корпус совершает марш-маневр.

В целях наиболее всестороннего освещения вопроса рассмотрим виды существующей у нас конницы, насколько она, в настоящем ее виде, целесообразна и насколько корпус обеспечен ее работой.

В Красной Армии конница (в подлинном значении этого слова) имеется двух видов: армейская и дивизионная.

Армейская конница, состоящая из корпусов, дивизий и отдельных бригад, выполняет задачи высшего командования армии или фронта. Эти задачи, почти всегда стратегического характера, потребуют от армейской конницы полного напряжения ее сил и сосредоточения всего ее внимания исключительно на достижении поставленных ей задач. Близкой связи с корпусами армейская конница иметь не будет. Нахождение ее перед фронтом не обеспечивает корпус со стороны противника. Армейская конница, выполняя свои прямые армейские задачи, в лучшем случае и иногда вспомнит о двигающихся за нею корпусах; выполнив свою задачу, она изменит на-

---

*) Вопрос разрешался „легко“, но на практике решение далеко не всегда давало хорошие результаты по недостатку подготовки кав. частей. Ред.

правление, свернется и уйдет за фланги не только не обеспечив, но даже и не уведомив о том штабы корпусов.

И нужно войти в положение комкора, двигающегося без собственной конницы в корридоре 20—30 километров шириною; может ли он спокойно и уверенно рассчитать марш-маневр корпуса?

Как иллюстрацию, приведу несколько примеров из первых дней империалистической войны, когда корпусная и дивизионная конница еще не успела прибыть к корпусам и последние двигались и дрались, имея только армейскую конницу.

13-го августа 1914 года №-ский корпус перешел границу и двинулся к г. Сокаль; пересеченная местность при отсутствии данных о противнике сильно тормозила движение корпуса. При подходе к Сокалю колонны корпуса были встречены огнем противника, а впереди, в 10-ти верстах—армейская конница занимала г. Кристонополь.

15 августа при фланговом марше корпуса от Сокаля к Бельзу, шедший в боковом отряде пехотный полк был атакован конницей противника при выходе из дер. Корчмин и *при этом полку находился сам начальник армейской конницы.*

В этот же день авангард корпуса (бригада), расположившийся на большой привал в лесу, был атакован пехотой противника, а тем-же самым лесом впереди авангарда прошла армейская конница. Поставленный в такие неблагоприятные условия, корпус, истекая кровью, вел тяжелый бой с превосходными силами противника, а конница, раскинувшись правильными квадратами по взгорью (километрах в 2—3 сзади) застыла в этом положении до конца боя.

Но можно ли винить конницу? Правда, она в значительной мере облегчила бы положение корпуса, но ведь дрался только корпус, а у нее была своя, армейская задача.

17-го августа семь неполных батальонов корпуса у дер. Верешин „нарвались“ на окопавшуюся дивизию противника, а большая часть армейской конницы, расположившись в резервном порядке, являлась простым зрителем неравного боя и лишь к вечеру казачий полк пытался произвести лобовую атаку. А между тем, на другой день и при том же самом положении сторон, Драгомиров сумел через наше расположение прорваться в тыл противника с $3^1/_2$ дивизиями конницы.

Возьмите Самсоновскую операцию; разве наличие сильной армейской конницы обеспечило корпуса от неожиданного появления противника и разгрома?

Вывод: корпусам нельзя рассчитывать на обеспечение армейской конницей. Задачи армейской (стратегической) конницы слишком важны, чтобы навязать ей ответственность за безопасное движение корпусов. Насколько велико значение и задача армейской конницы в общем масштабе операций, можно видеть из того, что новейшая немецкая доктрина уже предусматривает переход армейской конницы в непосредственное ведение командующего группою армий (комфронта) и оспаривать целесообразность этого подчинения не приходится.

Второй вид конницы—дивизионная, состоящая из отдельных эскадронов при дивизиях. Рационально ли наличие этой конницы? По моему—нет*), и вот почему: командиры дивизий, в силу законных причин, начинены пехотными тенденциями и невольно для себя смотрят пехотными глазами и на свою конницу. Раздробленная по-эскадронно, дивизионная конница не имеет ничего об'единяющего сверху и, предоставленная своим собственным, маленьким силам, при всем желании не сможет по своей подготовке подняться до уровня армейской конницы. Оторванный от конницы вообще, комсостав отдельных дивизионных эскадронов обречен на вечное прозябание в своих эскадронах, без надежды продвижения. Красноармейский состав, живя бок о бок с пехотой, и на свою конную службу начинает смотреть глазами пехоты. В итоге—случайный подбор и людей и конского состава.

Все это, в общей сложности, превратит дивизионную конницу в ездящую пехоту, пригодную и уместную в колониальных и гражданских войнах, но совершенно бесполезную в регулярной войне.

Иная картина получается, если командир будет иметь достаточное количество конницы, находящейся в полном его распоряжении.

Смело и уверенно он рассчитает и выполнит маневр корпуса с полным сознанием ответственности за его исход; вышлет на нужные ему направления достаточную разведку и, если нужно, создаст из конницы непроницаемую завесу, под прикрытием коей совершит и маневр и перегруппировку корпуса. В случае надобности, конечно, выделит в распоряжение своих дивизий необходимое им количество конницы. Кроме того, корпусная конница, об'единенная в более крупное войсковое соединение (полк, бригаду), прочно свяжется с находящейся впереди армейской конницей и постарается, в случае ее ухода, в ее-же собственных интересах принять от армейской конницы все данные о противнике и впереди-лежащей местности, а также прикрыть наиболее угрожаемые направления в корпусном корридоре и наблюдать связь с конницей соседних корпусов.

Кому, как не своей коннице комкор может доверить захват и удержание, до подхода колонн корпуса, важных передовых пунктов, дефиле и переправ.

Комкор, как имеющий в своем подчинении все роды войск, свободен от гипноза господствующего рода оружия, он сможет правильно оценить задачи своей конницы и сумеет направить ее подготовку по настоящему пути Руководимый им командир конной части корпуса имеет полную возможность поднять подготовку своей части до уровня армейской конницы. Комсостав, не чувствуя себя обреченным на прозябание без конца в одной и той же командной должности, энер-

*) Соглашаясь с доводами автора в пользу корпусн. конницы, Ред. никак не может признать целесообразным лишение дивизий конных частей: их можно иметь в составе частей корпусной конницы, но выделять обязательно: иначе дивизии окажутся „без глаз и ушей“.
Ред.

гично поведет работу, а красноармейцы почувствуют себя настоящими конниками.

Возникает вопрос, какое количество конницы достаточно для корпуса. Желательно, конечно, при корпусе иметь бригаду из 2-х полков 4-х эскадронного состава; но, считаясь с рессурсами Республики и необходимостью иметь сильную армейскую конницу, надо признать, что на первое время при каждом корпусе достаточно сформировать один полк четырех-эскадронного состава, придав к нему возможное количество броневиков и артиллерии, причем последняя д. б. пушечная и гаубичная. Пополнение корпусной конницы людьми и лошадьми, аммуницией и обмундированием производить из общих кавалерийских запасов. Достойных командиров полков корпусной конницы в общем порядке продвигать в армейскую конницу. Подготовку комсостава и наездников производить в кавалерийских школах наравне с армейской конницей.

Необходимо указать, что конница может быть употребляема только для выполнения боевых задач, никакая иная работа для конницы не терпима. Обычная картина—значительное число всадников отвлекается для конвойной и ординарческой службы, для обслуживания обозов и т. д. За подобное отвлечение закон должен карать и карать жестоким образом. Конница слишком дорогой род войск, чтобы распылять ее; даже летучая почта, при наличии технических средств, д. б. исключена из работы конницы; в крайнем случае, пехота на повозках или даже на неоседланных обывательских лошадях заменит конницу, часто и без особой надобности разбросанную отдельными постами на большие протяжения.

Но и без ординарческой службы войскам не обойтись, так или иначе войсковые начальники должны иметь в своем распоряжении известное количество всадников; этот недостаток можно восполнить сформированием при полках, дивизиях и корпусах команд ординарцев, хотя бы самого ограниченного состава (12—15 коней), и с этим числом ординарцев можно и нужно обойтись, не отвлекая конницы от боевой работы.

В заключение остается сказать несколько слов о взводах конных разведчиков. Долгая служба в конных разведчиках, как в военное, так и в мирное время, привела меня к убеждению, что существование этого рода кавалерии совершенно излишне. Конечно, для полков наличие конных взводов, главным образом из хозяйственных соображений, очень полезно, но в отношении чисто боевом конные части не оправдали тех надежд, которые на них возлагались (я имею в виду войну регулярных армий).

Недостатки, присущие дивизионной коннице, в значительно большей мере присущи конным взводам разведчиков. Целесообразнее эти средства обратить на усиление корпусной конницы.

В случае надобности комкор или комдив даст стрелковому полку взвод, который выполнит работу несравненно продуктивнее, чем полковой конный взвод*).

И. Коробов.

Мысли о так называемой „машинизации" эскадрона**).

Сейчас перед кавалеристами стоит пока еще официально не разрешенный вопрос „о машинизации эскадрона", т. е. самой толщи кавалерии.

Особенно резко стал этот вопрос после того, как кавалеристы ознакомились с новой тактикой пехоты. Закралось сомнение о возможности *лихой кавалерийской атаки* пехоты не только с фронта, но и с фланга.

Появилось сомнение в главной основе кавалерийского боя — в *конной атаке.* Отказаться от конной атаки кавалерист с одной стороны не только не может, но и не имеет права, а с другой стороны— мы не имеем права напрасно заливать поля кровью наших бойцов. Где же выход?

На этот вопрос вполне правильно отвечает Б. Верховский в своей брошюре „Пеший бой конницы". Он говорит:—„В искусстве маневра, но маневра, сочетаемого с боем. Надо заставить противника поставить нам свой фланг и тыл по настоящему, так как это сулит нам большие результаты с меньшими потерями.

А нанести удар в спину можно только тогда, когда противника уже держат за горло, не давая ему снова повернуться в ту сторону, откуда мы зашли". Да и может ли быть иначе? Ведь, кажется, для всех известно, что хорошо подготовленная и отлично снабженная техникой пехота всегда сможет заставить конницу, силой своего огня, спешиться и перейти к комбинированному бою. Значит дело в комбинированном бое.

Комбинированный бой—одна часть кавалерии спешилась и ведет огневой бой с противником, другая в это время маневрирует, имея задачей нанести противнику сокрушительный удар в конном строю. Но для того, чтобы маневрирующая часть могла нанести свой удар безболезненно для самой себя, необходимо, как говорит т. Верховский, схватить противника за горло. А схватить его за горло должна будет

*) В этом вопросе решение автора также слишком радикально. Перечисляя задачи конных частей (кон. разведчики) при пехоте, он упускает из вида потребности службы охранения. Кто служил в пехоте, тот должен знать, что дозоры от пехоты далеко недостаточны. Боковые пехотные дозоры—это часто одно недоразумение. В иностранных армиях походные заставы назначаются конными. Ред.

**) В порядке обсуждения. *Ред.*

та часть, которая действует в пешем строю. Но чем же она его схватит. Все, конечно, скажут, что огнем и прежде всего огнем того оружия, которое имеется в эскадроне.

В настоящее время эскадрон в нашей армии, кроме винтовок, имеет еще четыре легких пулемета.

Здесь возникают два вопроса. *Первый*—это достаточно ли количество пулеметов, и *второй*—о распределении этих пулеметов в эскадроне.

Разрешение первого вопроса зависит от двух факторов—от усиления огневой мощи эскадрона и сохранения подвижности и гибкости конницы.

Наличие в одном взводе одного легкого пулемета, конечно, не лишает эскадрон ни его подвижности ни гибкости, но при двух—и та и другая ставятся под вопрос. Уменьшить же еще хоть на одну минуту подвижность и лишить хоть на одну иоту гибкость конницы нельзя.

Уменьшать количество пулеметов тогда, когда противник будет обладать гораздо большим количеством таковых, конечно, не рационально и об уменьшении числа легких пулеметов говорить не приходится.

По второму вопросу среди кавалеристов существует два мнения—*первое*, это сосредоточение всех легких пулеметов в одном из взводов (проэкт Б. Верховского) и, *второе*, вывод сделанный высшей кав. школой на последних маневрах—это распределение легких пулеметов по всем 4 взводам по одному на взвод.

Б. Верховский предлагает следующую организацию:

Эскадрон по прежнему состоит из четырех взводов, но 18 рядного состава, причем все имеющиеся в эскадроне легкие пулеметы собраны вместе в один 4-й взвод. Этот взвод делится на три пулеметных звена, в каждом звене по одному легкому пулемету, причем пулеметные звенья, в силу своей организации, могут быть придаваемы при необходимости сабельным взводом, совершенно не теряя своей боеспособности. Проэкт всем хорош, но, прежде всего, уменьшает огневую мощь эскадрона, оставляя в таковом только три легких пулемета.

Конечно, коннице не придется, да она и не может вести продолжительного боя в пешем строю, но ведь для того, чтобы суметь схватить противника за горло, хоть на самое непродолжительное время приковать его внимание—необходимо усилить огневую мощь спешеных частей, а отсюда ясно, что уменьшить количество легких пулеметов ни в коем случае нельзя.

Проэкт, выработанный практическими занятиями высшей кав. школы, представляет собой следующую организацию: эскадрон состоит из 4 взводов 12-рядного состава, все взводы одинаковы и каждому из них придан один легкий пулемет „Льюиса"; каждый взвод делится на два отделения: одно, при спешивании, стрелковое, в составе одного командира отделения и 8-ми стрелков, и одно пулемет-

ное отделение, состоящее из двух звеньев—пулеметного, в составе 4-х человек, и стрелкового—из 4-х стрелков—всего 8-мь человек.

Этот проэкт имеет прежде всего крупный недостаток—это малочисленность взводов. Вторым крупным недостатком является то, что при наличии в резерве даже одного взвода, сила огня боевой части уменьшается на один легкий пулемет.

Если же выбросить в боевую часть только пулеметные отделения всех взводов эскадрона, то в резерве не останется ни одной целой организационной единицы. Кроме того необходимо, чтобы кто-нибудь бы да руководил боевой частью, а если выбросить в боевую часть всех комвзводов—то кто будет в резерве, и, наоборот—оставить всех в резерве—некому руководить боевыми частями. Если же поделить их пополам—получится путаница и в резерве и в боевой части.

Учитывая плюсы и минусы указанных выше проэктов, невольно напрашивается мысль о создании в эскадроне не одного, а двух пулеметных взводов. Эскадрон будет состоять из 4 взводов 12 рядного состава, причем два взвода из них—пулеметные и два—сабельные. Пулеметный взвод делится на два пулеметных отделения; каждое отделение имеет один легкий пулемет и состоит из командира отделения, наводчика (он же носчик пулемета), его помощника, двух подносчиков патрон и 8-мь бойцов, из коих 4 коновода, при спешивании, убывают из строя. Кроме того, во взводе имеется помкомвзвода (он же нач-к тыла), два патронных вьюка и два коновода для них—эти последние составляют замок взвода и в строю находятся позади взвода.

Все пулеметчики вооружены винтовками и шашками и вполне способны к удару в конном строю.

Каждое отделение вполне самостоятельно и может быть придано любой организационной единице.

Посмотрим, что даст этот проэкт:

1) Наличие в эскадроне всех четырех легких пулеметов.

2) Все эти пулеметы сосредоточены в двух взводах.

3) Численность как пулеметных, так и сабельных взводов достаточная.

4) Командир эскадрона всегда может иметь резерв в конном строю в составе двух взводов.

5) Спешеный сабельный взвод имеет достаточную силу огня.

6) Высылаемому сабельному взводу отдельно может быть придано пулеметное отделение без ущерба огневой мощи остающемуся эскадрону.

Хотелось бы, чтобы и другие товарищи кавалеристы поделились своими мнениями.

А. С.

О том, что было, что есть, но чего не должно быть.

Всем известно, что наш климат почти не допускает зимой занятий в поле *). Приучить человека к холоду трудно, если не невозможно. Зимой учение в поле и особенно стрельба вызывают только отвращение к этим занятиям, и, особенно, если люди плохо одеты. Является у всех желание закончить скорей занятия, а потому таковые приносят мало пользы. Оденьте же пехотинца в полушубок, валенки, наушники и т. п., так ему и повернуться будет трудно, а не только стрелять.

Но вот наступает удобный для обучения сезон, приблизительно с половины мая до половины сентября и даже до октября. Четыре,— четыре с половиной месяца, которые необходимо использовать во-всю.

Что делают войска в это время? Артиллерия уходит для стрельбы на полигон, пехота – в лагери за сотни верст от своей артиллерии.

Если читателю приходилось бывать когда-либо летом (до мировой войны или же теперь) на артиллерийском полигоне или на тактическом учении пехотного полка, то вероятно он наблюдал такую картину:

Командир дивизиона читает своему комсоставу полученную от высшего начальства или им самим составленную тактическую задачу, которую дивизиону надлежит выполнить при предстоящей дивизионной стрельбе:

„. . . . . во исполнение задания, вверенному мне дивизиону с . . . . пехотным полком (*воображаемым, мнимым*), эскадроном кавалерии (*воображаемым, мнимым*) и так далее“...

При этом в роли начальника отряда, начальника кавалерии и вообще на всех должностях, за неимением пехотинцев и кавалеристов—всюду артиллеристы, а пехотинцы и кавалеристы „воображаемые—мнимые“.

Та же самая картина наблюдается и при занятиях пехотного полка, только „воображаемыми—мнимыми“ будут артиллеристы и батареей будет в лучшем случае командовать комвзвод пехоты, а то и совсем никого не будет на этой должности. Такое положение вызывает и соответствующее выполнение задачи.

Во время дивизионной стрельбы спросите начальника „мнимого“ отряда: „Что делает в данное время его пехота или где она находится?“

Ответа наверно не получите. Совершенно так же не получите вы ответа и у пехотинца относительно действий его „мнимой“ батареи.

---

*) Это положение автора подлежит оспариванию. Исходя из таких взглядов, пришлось бы прерывать и войну на зимнее время, становясь на „винтер-квартиры“. Во всяком случае, оно неверно для климата Запфронта. Ред.

И так артиллеристы „воображают“ на полигоне, пехотинцы „воображают“ где то за сотни верст от артиллерии. Не слишком ли много „воображения“?

Так это „было“ раньше, так это „есть“ и теперь, но ведь этого „не должно быть“. Но это будет до тех пор, пока пехота и артиллерия будут обучаться в отдельности и в разных местах самому главному — стрельбе и тактике.

Никакому хормейстеру не придет в голову выступить на концерт с хором, с которым он отлично разучил партии по голосам, но не сделал ни одной общей спевки.

Так почему же можно выступить на войну, где за ошибки и неумение начальников люди расплачиваются жизнью, без общих совместных „спевок—слаживаний“ отдельных родов войск.

На это могут возразить:

А совместные зимние занятия на планах? А совместные тактические учения?

А подвижные сборы? А маневры? и прочее.

На это я отвечу: маневры, подвижные сборы и прочее, все это больше для штабов и только отчасти для войск.

Маневры, подвижные сборы действительно приучают к совместному походному движению, к совместному расположению на отдых (это полезно), но не к бою.

Прослужив довольно долго в артиллерии, бывая почти каждый год на подвижных сборах и маневрах, я ни разу не видел даже простого выполнения устава начальником отряда по отношению к артиллерии.

Устав говорит, что необходима тесная связь между начальником отряда и старшим артиллеристом; что все задачи артиллерия получает от начальника отряда и так далее.

На самом же деле все и всегда происходит гораздо проще:

„Вашей батарее (дивизиону) занять позицию вот, вот . . . там; а, впрочем, становитесь по своему выбору, где хотите, и когда будете готовы, открывайте огонь. Только прошу не затягивать с открытием огня, а то там, знаете, начальство . . . . Ну, пока до свидания!“

И начальник отряда исчезает до конца маневра, до разбора. А что делает артиллерия, по каким целям она стреляет—это все равно, ведь на маневрах и подвижных сборах шрапнели над головой не рвутся, пули не свищут, а тут и своего дела много, да еще и начальство присутствует..., а ведь начальство дает аттестацию.

Что же касается до совместных занятий на планах зимой, то хотя они и полезны в смысле ознакомления с уставами, но ведь план все терпит. При занятиях такого рода, когда я вижу начальника отряда, особенно генштабиста прежнего времени, разводящего по плану роты и батареи с серьезным лицом, мне всегда приходит на ум старинная песенка, которая оканчивается так:

„Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон

Поражает Русь на карте
Указательным перстом".

Хотя и не очень поэтично, но похоже на правду—„на плане", „перстом" легко разбивается самый сильный противник.

Что же, какие результаты получаются от такого способа обучения?

Пехотинец часто говорит:

„Артиллерия считает себя чуть ли не самостоятельным родом оружия; у артиллерии сильное стремление к сепаратизму; артиллерия часто бьет по своим лучше, чем по противнику; не люблю я этого рода оружия".

Артиллерист говорит:

„Пехотные начальники не умеют правильно применять артиллерию—то заставляют 6 дм. бомбами стрелять по комарам, то 3 дм. по броненосцам; про артиллерию часто забывают; пехотные начальники почти совершенно не знают устава", „наставления для боя артиллерии" и так далее.

Является взаимное непонимание, недоверие друг к другу и даже антагонизм.

К сожалению, в этом непонимании и недоразумениях оба правы и оба виноваты. Артиллеристы на сетование пехоты могут ответить вполне резонно. „Как не быть самостоятельным, когда ни одного распоряжения от начальника отряда не получаем, а быть отгадчиком мыслей не всякий способен; как не стремиться к сепаратизму, когда обо мне совершенно забывают—нужно позаботиться о себе самому; что мы бьем по своим, так это от того, что за четыре—пять верст положительно трудно отличить своих от чужих, огонь от меня требуют непрерывный, а необходимой связи или сигнализации в опасную минуту никак не можем выработать; не любите вы артиллерии потому, что вы не знаете ее и не знаете того, какая она могущественная вам помощница".

Так же резонно может возразить и пехотинец:

„Да как же я могу хорошо знать свойства артиллерийских орудий, когда я имею понятие об этом только по учебникам; как я могу руководить вашей стрельбой во время боя, когда я к этому не привык, ведь я руководил только при занятиях на плане, а об уставах „чисто артиллерийских" я и не слышал; как я буду помогать артиллеристам в наблюдениях, когда я не видел разрывов на самом деле и, конечно, не смогу отличить ваших высоких от нормальных" и т. д.

Добавьте ко всему вышесказанному, что очень многие пехотные командиры, особенно младших степеней, и почти все красноармейцы до самой войны не слышали боевого артиллерийского выстрела и не видели разрыва; что большой процент командиров не имеет понятия о всех манипуляциях командира батареи перед открытием огня; что красноармейцы не слышали свиста снаряда над головой и воочию не убедились в необходимости связи или сигнализации между пехотой и артиллерией в опасный момент—тогда станет понятным, что

всего этого „не должно быть", что нельзя выходить на войну без полного взаимного понимания отдельными родами оружия и без практики в этом в мирное время, как нельзя выступать на концерт хору без общей спевки.

До войны пробовали:

1) Посылать на полигон старших пехотных начальников, но из этого получалось мало толку.

Один из таких командированных говорил мне откровенно, что смотрит на эту командировку, как на отдых: ответственности никакой, экзамена по проходимым занятиям никакого,—подадут утром верховую лошадь, проедешь на полигон, для приличия чем-нибудь поинтересуешься, а остальное время проводишь в разговорах. Другое дело, если бы нам давали при этих стрельбах ответственные роли, тогда пришлось бы и подчитать и поинтересоваться, а все же без пехоты пришлось бы многое воображать.

2) Пробовали, и теперь пробуют посылать на полигоны для выполнения тактических задач пехотные полки. В результате—полк занимается отдельно, артиллерия—отдельно.

А ведь выход есть—и очень простой.

Полигон—место большое. На каждом полигоне есть две—три, а то и больше директрисс и на каждой директриссе другой вид местности. Следовало бы попробовать командировать на полигон по очереди дивизии с их артиллерией для производства совместных боевых стрельб.

Период батарейных стрельб совместить с учебной стрельбой пехоты, причем мишени для пехоты ставить так, чтобы ее стрельба происходила под огнем своей артиллерии. (Пожалуй, первое время процент попадания несколько уменьшился бы).

Период дивизионных стрельб совместить с боевой стрельбой с неизмеренных расстояний пехоты, с тактическим заданием и с подходом пехоты вплотную к расставленным для нее мишеням.

Начальником отряда при стрельбах такого рода необходимо назначать лиц комсостава пехоты, как это будет иметь место в бою.

Выгоды этого способа обучения:

1) Пехотные начальники обучатся управлять артиллерией и совмещать эту обязанность с обязанностями общевойскового начальника.

2) Уменьшается „воображаемое" и увеличивается „действительность". Необходима, конечно, соответствующая мишенная обстановка, которую вырабатывают совместно пехотные и артиллерийские начальники с начальником полигона.

3) Все лица комсостава и красноармейцы проведут все стрельбы в обстановке, более подходящей к действительности.

4) Комсостав и красноармейцы познакомятся с тем, что такое шрапнель и что такое бомба или граната—разрывы и тех и других у них на глазах.

5) Разработка задач и их выполнение пойдет более правильно (без воображений).

6) Во избежание несчастных случаев, поневоле, выработается связь или сигнализация в опасные моменты между пехотой и артиллерией.

7) Пехота перестанет нервничать под выстрелами своей артиллерии, приучится к звуку выстрелов и свисту снарядов над головой.

8) Уделив снаряды для поражения (а не только для пристрелки), можно показать пехоте действие шрапнелей и бомб, и убедить пехоту в действительности поражения и отучить ее смотреть на артиллерию, как на „барабан для морального действия“.

9) Артиллеристы увидят свою пехоту в самые разнообразные моменты ее действий на местности.

10) Пехота присмотрится к подготовке огня батареи и дивизиона.

11) Как пехота, так и артиллерия, делясь своими впечатлениями и наблюдениями, при разборах, выработают общий язык для взаимного понимания.

12) Начальники дивизий, полковые командиры и прочий комсостав увидят своих артиллеристов за работой и дадут им правильную оценку, как в смысле аттестации в мирное время, так и в том смысле, что можно ожидать и потребовать в бою от того или другого командира батареи и его батареи.

13) Совместная лагерная жизнь приведет к сближению.

14) Ошибки, сделанные начальниками как пехоты, так и артиллерии будут разобраны и, следовательно, меньше вероятия их повторения в действительном бою.

15) Пехота начнет разбираться в артиллерийских наблюдениях, привыкнет к ним и в действительном бою окажет артиллерии большую помощь.

Думается, что месяц обучения в такой обстановке принесет больше пользы, чем шесть месяцев занятий на курсах и большое количество учебников.

Невыгоды:

1. Возможность несчастных случаев. Но, во-первых, если приняты все меры, то их число вряд ли будет велико, а, во-вторых, от них никто не гарантирован и в самой мирной обстановке.

2. Скажут, пожалуй, что артиллерия будет мешать пехоте, а пехота—артиллерии. Пожалуй, первое время это будет иметь место, но тут то и выяснятся все шероховатости для устранения их на будущее время.

3. При лагерях „по очередям“ труднее установить общий взгляд на дело. Но для этой цели есть командиры корпусов и над ними общий начальник.

4. Может быть скажут, что это обойдется дороже. Но... нужно всегда помнить английскую поговорку: „я не настолько богат, чтобы делать дешевые вещи“.

5. Однообразие местности из года в год может привести к шаблону. Но я не отрицаю необходимости таких же боевых стрельб на местности незнакомой—в местах стоянок.

Попробуем!

Л. Крымов

Прыгание через препятствия.

Рвы, канавы, изгороди, заборы могут встретиться в поле, но они не должны служить для всадника препятствием к движению вперед по кратчайшему пути, он должен их свободно преодолевать. Наша конница должна быть обучена преодолевать препятствия всевозможных форм и видов, не нарушая порядка сомкнутости строя, а также не уменьшая быстроты движения.

Прыгание через препятствия служит хорошим средством уравновешивания лошади и приучения ее регулировать перемещение центра тяжести, а также для развития гибкости и ловкости лошади и полного подчинения ее воле всадника. У всадника же преодоление препятствий развивает лихость и удаль. Только на смелой, вполне повинующейся воле всадника и легко преодолевающей возможные по ее силам, препятствия лошади кавалерист может чувствовать себя уверенно и не думать о коне и о том, где и как проехать, выполняя свою боевую задачу. Поэтому мы должны обучением довести прыгание до такой степени, чтобы оно обратилось у лошади в привычку.

Обучение лошади преодолению препятствий должно вестись в определенно установленной последовательности, особенно в начале выездки, дабы не расстраивать ее сил. При соблюдении строгой постепенности лошадь развивается, делается более ловкой, послушной, приобретает умение производства прыжка и навык соразмерять его с величиной препятствия.

Какие же движения лошадь должна исполнять для производства прыжка?

Прыжок лошади разлагается на следующие моменты: разбег, отталкивание, поднимающаяся ветвь, преодоление препятствия, опускающаяся ветвь, окончание прыжка и продолжение движения.

Разбегом приводится в движение масса лошади и приобретается мах, усиливающий отталкивание; лошади дается возможность принять то собранное положение, которое ей необходимо для правильного исполнения прыжка, кроме того, разбег подводит лошадь к точке отталкивания, соразмеряя расстояние до препятствия с требуемым прыжком. Для разбега выезженных лошадей избирается галоп.

Под'ем переда дает два момента: 1) лошадь отталкивается передними ногами, передает свою тяжесть на задние ноги и поднимает перед и 2) корпус, поддерживаемый задними ногами, получает посыл вверх и вперед. Отталкивание лошади для прыжка начинается с того момента, когда тяжесть корпуса, переданная на задние ноги, получает движение вперед; в последний же момент отталкивания спина выпрямляется, задние ноги отводятся назад и остаются позади отвесной линии.

В силу отталкивания, корпус лошади описывает по воздуху дугу, длина и высота которой различны, в зависимости от рода прыжка и препятствия. Причем различаются две ветви: 1) поднимающаяся—идущая от точки отталкивания до высшей точки прыжка и 2) опускающаяся—от высшей точки прыжка до постановки ног на землю, т. е. до конца прыжка Быстрота и последовательность постановки ног на землю крайне различны.

Продолжение движения должно производиться без остановки и определяет верность прыжка. Чем прыжок через препятствие более подходит к могучему прыжку галопа, соединяющего без перерыва разбег и безостановочное продолжение движения, тем совершеннее прыжок.

По роду препятствий прыжки делятся на:

1) высокий прыжок (прыжок через барьер),

2) широкий прыжок (прыжок через канаву),

3) высокий и широкий прыжок (прыжок одновременно через барьер и канаву),

4) прыжок с остановкой (ирландский банкет).

Искусство езды отмечает три правильных прыжка через барьер:

1) школьный прыжок,

2) охотничий прыжок,

3) полевой прыжок

и один неправильный прыжок свечкой (олений прыжок).

При нашей строевой езде мы должны стремиться к приучению лошадей брать препятствия охотничьим прыжком, как более совершенным, но правильное исполнение такового требует значительного под'ема спины, прочности передних ног и силы спины и зада, которыми наши лошади не всегда располагают, а поэтому мы должны довольствоваться, если иная лошадь даст не вполне правильный охотничий прыжок.

Для преодоления препятствия охотничьим прыжком, разбег делается на быстром аллюре. Перед препятствием галоп усиливается, чтобы лучше воспользоваться махом движения; лошадь не подводится близко к препятствию, и при окончании разбега задние ноги поставлены близко к передним, зад сильно подведен, спина поднята, выпукла. При под'еме переда сбор незначителен, под'ем переда при хорошем сгибе бедер незначителен, благодаря маху и сильной работе мышц, движение корпуса вперед весьма быстро. Отталкивание посылает корпус вперед, вследствие чего он описывает длинную пологую дугу. На подымающейся ветви перед несколько выше зада, но начинает опускаться раньше полного под'ема; передние ноги подобраны под себя, задние совершенно вытянуты назад, подковы видны сзади; на высоте прыжка зад выше переда; все ноги вытянуты, спина совершенно выпрямлена. На опускающейся ветви перед много ниже зада; передние ноги вытянуты вперед, зад подбирается, задние ноги подаются вперед. Дуга движения лошади широка в основании. Передние ноги ставятся на землю раньше задних, которые быстро сле-

дуют за ними, становясь, в свою очередь, близко передних при значительной выпуклости спины. Движение продолжается непосредственно под'емом переда. Положение лошади в момент отталкивания и постановки ног на землю совершенно то же, что и в соответствующие моменты полевого галопа; вся разница ограничивается длиною прыжка. О лошади, берущей препятствие таким способом, говорят, что она берет препятствие на лету.

Для напрыгивания лошадей на препятствия существует несколько способов.

Первый способ—напрыгивать лошадь в „шпрингартенах", пуская туда лошадь на свободе и подгоняя ее бичом.

Этим способом, хотя и достигается прыжок с хода, но большей частью прыжок шалый, без всякого расчета и техники, при том он сильно нервирует лошадей и зачастую кончается несчастными случаями.

Второй способ – напрыгивать лошадь на корде без всадника на мертвые препятствия, постепенно повышая их. Всадник садится на лошадь лишь тогда, когда она приобретает некоторую технику прыжка и начинает напрыгивать опять с маленьких препятствий, продолжая таковое с рыси или галопа, т. е с разгона, так как прыгание через мертвое препятствие без разгона, при малейшей ошибке лошади, может кончиться катастрофой. Это свойство такого напрыгивания и есть его неудобство, а, кроме того, лошадь, приобретая уважение к препятствию и гарантируя до известной степени всаднику безопасность, часто жертвует качеством прыжка, благодаря чему затрудняется приобретение техники прыжка и понижается его качество.

Кроме того, значительно с'уживается программа напрыгивания на сложных препятствиях, ввиду того, что невозможно проделать все те упражнения на мертвых препятствиях, которые возможны на падающих, без риска частых несчастных случаев.

Третий способ напрыгивания—итальянский. По этому способу, исходя из соображений, что на свободе лошадь приобретает не ту технику прыжка, как под всадником и требующую потом переделки—напрыгивание с самого начала ведется под всадником. Вначале расставляется множество небольших (не выше поларшина) препятствий из жердей, плетней, кирпичей и т. п., через которые заставляют лошадь переходить на всяком аллюре и с места, делают между ними остановки, повороты, осаживания.

Затем меняют расположение препятствий, ставят подряд, повышают их размер, благодаря чему вырабатывается у лошади способность вывернуться из всякого положения и проделать прыжок с наименьшей затратой сил и наибольшей ловкостью, оставаясь все время в подчинении у всадника.

Главная работа производится все время на маленьких препятствиях, доведя технику прыжка до совершенства.

Итальянская система напрыгивания весьма пригодна для конкурсов и, вообще, любителей, но вредна (разрушительно действует на

плечи) и непригодна для военного дела. Кроме того, эта система имеет следующие отрицательные стороны: лошадь привыкает чересчур тщательно рассчитывать прыжок, что влечет потерю времени, чем обуславливается проигрыш в скачке, а всадник приучается слишком рассчитывать на лошадь и поправлять ее ошибки, что для скачек тоже непригодно.

В действующем у нас „Наставлении для выездки кавалерийской лошади“ подробно указан способ напрыгивания на кордах, а равно посадка и управление на прыжках.

Главное правило на прыжке—это не мешать лошади, а потому, направив лошадь на барьер, всадник должен равномерно увеличивать нажим шенкелей до самого прыжка, во время которого освобождает шею лошади насколько она потребует и следит корпусом за движением лошади. Всадник должен помнить, что самое тяжелое бремя для лошади, берущей препятствие,—это рука ее всадника.

Главное условие крепости посадки на прыжке—это чтобы колени и шенкеля лежали плотно на своих местах, а корпус при мягкой пояснице не отставал от лошади. Не следует сильно упираться на стремена во время прыжка и стремиться поводом поднять лошадь.

На высокие препятствия надо идти умеренным темпом, а на широкие и глубокие, наоборот, быстрым. Если приходится прыгать через барьер, за которым канава, то обязательно идти большим махом, если же канава находится перед барьером, то несколько сократить мах.

Выбор—с какой ноги идти на барьер—должен быть предоставлен самой лошади.

В случае падения ездок моментально бросает стремя, старается соскочить, но не бросает повода. Если после прыжка лошадь споткнется, то ездок должен сейчас же наклонить корпус назад и поводом дать возможность вытянуть шею, предупреждая таким образом падение.

На скачках с препятствиями выгоднее держаться с правой стороны от соперника, так как большинство лошадей скорее закидывается налево, чем направо, к тому же уменьшается и опасность быть сшибленным закинувшейся лошадью соседа внутрь круга.

„Лучший способ преодолевать препятствия во всех случаях жизни, как в открытом поле, на скаковом кругу, так и на жизненном пути—это подходить к ним с уверенностью, смелостью и увлечением, а главное—с непреклонной решимостью их преодолеть“, так некогда сказал один известный конник.

С. Архангельский.

Пути улучшения санитарного состояния частей *).

В чистоте, как известно, кроется залог и основа здоровья войск. Для того же, чтобы чистота была постоянным спутником красноармейца, требуется наличие двух условий: первое—чтобы части войск в целом и каждый красноармеец в отдельности были снабжены всем тем, без чего соблюдение чистоты не вполне осуществимо, т. е. бельем, постельными принадлежностями, обувью, обмундированием, мылом, полотенцами и т. п. и чтобы самое устройство и оборудование казарм допускало возможность поддержания чистоты; второе условие—опрятность каждого отдельного красноармейца, потому что человек нечистоплотный в состоянии загрязнить все вокруг себя, несмотря на обеспеченность его всем необходимым для поддержания чистоты.

Отсюда и два пути, по которым мы должны направить наши усилия в целях создания в войсках образцового санитарного порядка.

Первый путь, наиболее трудный, заключается в планомерном снабжении войск необходимым имуществом; он труден потому, что Республика наша еще не оправилась от потрясений; она бедна, в ней много недостатков; посылать в армию требуемое имущество приходится малыми порциями, по мере изготовления и образования тех или иных запасов, в некоторых случаях приходится буквально, как говорят „затыкать дыры". Тем не менее, главные трудности на этом пути преодолены и армия близка к моменту, когда с облегченной душой можно сказать: „наконец то красноармеец одет, обут, имеет свой топчан, свое постельное белье, живет в светлой, теплой казарме".

Другой путь, составляющий тему настоящей статьи, наоборот, чрезвычайно легок, и нужно сделать все возможное для того, чтобы сделать всем и каждому понятной необходимость вступить на этот путь и твердыми шагами по нему идти до конца.

Это путь воспитания других и воспитания самого себя в опрятности и чистоплотности. Если отдельный командир (в особенности младший) или красноармеец не может отвечать за чистоту в той мере, поскольку таковая зависит от снабженности людей необходимым для этого имуществом (например, при всем желании нельзя иметь на теле чистую рубаху, если рубахи вовсе нет), постольку он отвечает за чистоту, зависящую от его личной заботы о ней.

Возьмем такой пример: проходим мы зачем либо по деревне, заходим в крестьянские избы, и вот в одной крестьянской хате встре-

---

*) Редакция обращает внимание читателей на настоящую статью, как на источник и практический руководитель в чрезвычайно важной стороне повседневной работы— в оздоровлении частей путем усилий самих частей. Без них наилучшее снабжение будет напрасным. *Ред.*

чаешь вымытый, чистый пол, протертые стекла, убранный стол и кровать, вымытую посуду; в другой—увидишь грязь, лежащую толстым слоем на полу, покрывающую стекла, стол, посуду и проч.—и разница такая будет об'ясняться не всегда тем, что в одном случае мы увидим дом зажиточного крестьянина, владеющего большим имуществом, в другом—дом неимущего бедняка; мы, наоборот, в состоянии будем убедиться, что часто в таком доме, где, как говорится, „нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет"—чище и прибраннее, нежели в доме богатом. А все зависит от того, насколько сознательны и опрятны обитатели дома. Похожее мы встречаем и в казармах. Бывает, что все роты снабжены одинаково, а между тем, пройдя по ротам, заметишь, что в одной чище, в другой—грязнее; в одной все прибрано, все блестит, в другой—не подметен пол, разбросаны окурки, плевки на полу, под постельник посмотришь—найдешь крошки хлеба, грязное белье, или еще что-нибудь. На этом примере мы убеждаемся, что *чистота зависит, прежде всего, от самих красноармейцев* и от порядка, который ими поддерживается.

Но вот вопрос: насколько важно соблюдать чистоту, если не достаточно белья, нет топчанов и т. п., иначе говоря, можно ли и при этих условиях одним только соблюдением чистоты достигать того, чтобы люди не болели?

Оказывается, очень и очень можно, и даже настолько, что несмотря на самую большую бедность снабжения, одной только чистотой можно предупредить все, наиболее опасные для войск болезни—тиф, холеру, кровавый понос и друг.

Вспомним, от каких причин происходят перечисленные заболевания. Сыпной тиф и возвратный—от заражения, через вшей; холера, брюшной тиф и дизентерия—от заражения через овощи, фрукты, воду и через все загрязненное, идущее в рот. Если мы обобщим все эти причины, то найдем, в конце концов, только одну—это грязь, нечистоту, потому, что только при грязном содержании тела и одежды развиваются вши и только при грязном содержании и употреблении вода и пищевые продукты содержат в себе холерную и т. п. заразу. Конечно, мы должны заботиться о том, чтобы красноармеец имел возможность 1 раз в неделю сменить на себе белье (это крайне облегчает нам борьбу за чистоту), но если по причине общей бедности он не может этого сделать, разве он так уже и не в состоянии предупредить у себя вшивость. Для этого красноармеец располагает достаточными средствами, из которых главные—прожаривание белья и одежды в дезинфекционной камере, или даже печи, с одновременным мытьем в бане, стирка белья, выбивание и чистка обмундирования и взаимный друг за другом товарищеский контроль, с тем. чтобы вшивый сейчас же своими товарищами направлялся в баню и не заражал других.

Я уже не говорю о том, что каждый, усмотревший у себя первую вошь сейчас же должен доложить об этом и просить направить его в баню.

Сейчас, когда пишется эта статья, в войсковых частях вообще замечается большая вшивость, и здесь, прежде всего, потребуются массовые мероприятия (в том числе „Неделя вшивости"), но потом, когда общая вшивость будет уничтожена, дальнейшее поддержание чистоты будет зависеть прежде всего от чистоплотности самих красноармейцев.

То же самое и в отношении загрязнений, дающих повод к желудочно-кишечным заболеваниям. С ними еще больше нужно бороться мерами общей и личной опрятности и чистоты.

Эти меры, для простоты, можно разбить на такие группы:

1) Уничтожение всякой грязи, которая может загрязнить и заразить пищу и питье красноармейцев (очистка уборных, вывозка и сжигание нечистот, уборка мусора, осушение всяких луж и грязных вместилищ, очистка помещений, борьба с мухами и т. п).

2) Уничтожение заразного вещества на самих продуктах и в воде (чистка, кипячение, проваривание и т. п.).

3) Личные предосторожности: мытье рук, чтобы грязными руками не ввести в рот заразу, чистота вокруг себя, выработка привычки уничтожать на себе и вокруг себя всякую грязь и не пользоваться тем, что запрещено санитарными правилами; взаимный контроль товарищей и принуждение соблюдать чистоту, чтобы не быть причиной заражения других.

На примере желудочно-кишечных заболеваний особенно ярко видно, насколько мала зависимость болезней от недостатков снабжения и насколько велика зависимость от личной опрятности и мер, принимаемых самими частями в борьбе за чистоту.

Наконец, такие болезни, как сифилис и венерические, тоже в значительной мере могут быть предупреждены личной опрятностью и предосторожностями, в отношении того, что может содержать на себе заразное начало.

Мне кажется, что необходимость внедрения в сознание красноармейцев идеи чистоты, такого их воспитания, чтобы грязь и неряшливость стали для них самих физически нетерпимыми, вышеизложенным достаточна освещена.

Тогда перед нами встает последний вопрос: как, какими методами и приемами воспитать красноармейцев в понимании гигиенических правил и приучить самостоятельно проводить их в жизнь и чувствовать себя ответственными за все погрешности в санитарном отношении.

Надо начать с того, что красноармеец—новичок в армии—должен получить на себя взгляд, как на человека не имеющего примитивных сведений по гигиене и способного на всякие, удивительные с точки зрения просвещенного человека, вещи; его небрезгливость и нечистоплотность поражают. С чего начать его переработку? С лекций, бесед, или с показа и принуждения? Мне думается, что до тех пор, пока в мозгу человека не определилась точно и не окрепла мысль, до тех пор не смогут осуществиться им те действия, которые управ-

ляются именно этой мыслью. Человек, конечно, сделает по принуждению все, что угодно, но стоит ему оказаться в условиях, когда над ним нет присмотра, как он опять будет поступать по своему.

Следовательно, выработке навыков должна обязательно предшествовать выработка соответствующих мыслей, соответствующего сознания. Первые шаги красноармейца в казарме должны быть руководимы опытной рукой, направляющей прежде всего ум, а затем и волю и действия красноармейца по разумному руслу. Конкретно надо представлять себе дело так, что в первые дни нахождения в армии красноармейцы должны обязательно выслушать серию популярных, изложенных простейшим образным языком, рассказов врача о сущности болезней, о значении чистоты и о правилах ее соблюдения во всем обиходе казарменной и вне казарменной жизни. На беседах присутствуют младшие командиры, политруки, лекарские помощники, которые затем, в ходе жизни, подкрепляют и оживляют в уме красноармейцев сообщенные им мысли небольшими беседами по разным случаям жизни (возникающим, естественно, из обычных разговоров или маленьких случайных событий), напоминаниями, указаниями и, наконец, уже требованиями. Конечно, мы не можем избежать того, чтобы уже с самого поступления красноармейца в войска требовать от него выполнения всех установленных правил, но эти требования отличаются от требований последующих: в то время, как в начале они носят характер приучения красноармейцев к механическим действиям (несознательным) — в дальнейшем — приучения к действиям сознательным.

Я особенно настаиваю, чтобы первый период нахождения красноармейца в казарме был отмечен самой живой деятельностью по прояснению его сознания в отношении санитарных требований. Если красноармеец изучит устройство винтовки на 1 неделю позже, это непосредственной опасностью, ни стране, ни армии еще не грозит, если же в течение недели он не будет знать, что несет с собою вошь и всякая нечистоплотность, то это может повести, иногда, к тяжелым последствиям.

В дальнейшей жизни красноармейца методы обучения красноармейцев общеизвестны: санчас, лекции, беседы, вождение на санитарные выставки и т. п.

В этом периоде я хотел бы только отметить необходимость: со стороны врачей—систематичности и последовательности обучения и ведения всей, вообще, санитарно-просветительной работы наиболее простым, „неученым“ языком,—со стороны командиров и политруков—обязательного участия на всех занятиях, проходимых с подчиненными им группами и проявления личной заинтересованности, что чрезвычайно благоприятно отражается на слушателях и их внимании; то же и со стороны младшего и среднего санитарного персонала. Кроме того, от командиров и санитарных работников, наиболее близко стоящих к красноармейцам (командиры отделений, лекарские помощники), потребуется проявление постоянной заботливости о том, чтобы красно-

армейцы в своей обиходной жизни все более и более вырабатывали привычку к чистоте и опрятности. Потребуется напоминание им о вредности того или иного совершаемого поступка и удержание от него.

Из нашего, на вид часто несмышленого и неразвязного, но по существу разумного и падкого на знания, красноармейца, безусловно можно воспитать чистоплотного, культурного человека.

Но нужно командирам, политработникам, врачам и лекпомам подумать поглубже над этим делом, иметь к нему верный практический подход, одухотворить его своим активным, живым участием и проводить с мягкой по подходу, но твердой по проведению, настойчивостью.

Опыт показывает, что груды исписанной бумаги по вопросам санитарного воспитания красноармейцев еще не дали в жизни ожидаемых результатов.

Происходит это от того, что теми лицами, от которых зависит претворение выработанных теорией и практикой методов в жизнь, не осознано значение санитарного воспитания красноармейцев.

По бумажному дело воспринимается, по бумажному чаще и проводится. Прочитан санчас—прекрасно, значит все идет хорошо, проведена беседа, сходили красноармейцы на лекцию—еще того лучше: значит теперь только радуйся, смотря, как красноармейцы „обновляются“, приобретают внешнюю чистоту, заботятся о здоровье.

А на деле: лекция—лекцией, а красноармеец, как привык нос очищать пальцами или садиться за еду с грязными руками, так с этой привычкой и остался.

Перевоспитать темного, пришедшего из глухой деревни парня не так легко. Он не привык связывать науку с жизнью, в нем много еще ребяческого, несерьезного, у него большой консерватизм (застойность) в привычках. Пока он не вырастет несколько в умственном отношении и не сумеет к получаемым знаниям относиться, как к руководству в жизни, до тех пор его, если можно так выразиться, приходится вести на поводу.

И вот здесь—серьезнейшая задача, стоящая перед младшими командирами, в особенности. На их глазах вся жизнь их подчиненных, как на ладони, у них вся возможность практически научить и приучить красноармейцев к тому, о чем им сообщено на санитарных беседах и лекциях. Ведь санитарная наука не есть что то отдельное, обособленное, чуждое повсеместной жизни. Наоборот: все „санитарное“ это есть самое обиходное, обычное, жизненное. Одеться, обуться, почиститься, убрать постель, помыться, сходить в баню, вымыть руки перед едой и т. д. и т. д. Все эти мелочи повседневной жизни и создают картину санитарного благополучия или неблагополучия, в зависимости от того, выполняются ли эти мелочи и так ли, как надо.

Значит, труда никакого нет вести „санитарное“ руководство за красноармейцами, оно сливается с общим руководством и может быть выполнено только младшими командирами. Но для этого нужно, чтобы

эти руководители—младшие командиры—сами прекрасно знали *сущность* „санитарии“ и для этого то и были постоянными и. самыми активными слушателями и участниками всех занятий по санитарным вопросам. Я не упоминаю об изучении ими гигиены в военных школах и на курсах, что, конечно, имеет колоссальное значение.

Остается остановиться еще на двух моментах, имеющих большое значение для достижения в воинских частях необходимой чистоты —это: 1) на привлечении красноармейцев к обсуждению санитарных вопросов и к работам в санитарных комиссиях и 2) на введении элемента соревнования в достижении наибольшей чистоты.

Работы войсковых санитарных комиссий состоят, главным образом, в том, что они обследуют, время от времени, роты и команды, замечают в них недочеты в соблюдении санитарных правил, обсуждают, от чего недочеты происходят, как лучше и легче их устранить и, затем, проводя свое решение через власть командира, приводят часть в надлежащее санитарное состояние. Предмет, которым санитарные комиссии занимаются—это, прежде всего, то самое, о чем мы говорим на протяжении всей статьи, а именно: чистота, притом преимущественно в той ее части, которая зависит от „местных“ причин: от поведения самих красноармейцев, от роты или от части в целом.

Состав комиссий, обычно, шаблонный: военком, врач, один из командиров. Участие красноармейцев в санитарных комиссиях имело место в чрезвычайно редких случаях и только единичное. Но в этом была большая ошибка: пример, который я думаю здесь привести, подтвердит мои слова:

По своей инициативе полк ввел у себя такую практику: в полку санитарная комиссия состоит из следующих лиц: военкома полка, старшего врача, командира батальона, лекпома, политрука и по одному красноармейцу от каждой роты и команды, выбираемых на общем собрании роты. И вот что пишет старший врач полка о работах комиссии: „входящие в состав ее (комиссии) красноармейцы принимают в работе комиссии живейшее участие, докладывают в своей роте о результатах работы комиссии, замечают лучшую постановку дела в других ротах, очень серьезно относятся к делу и, инструктируемые опытными членами комиссии, являются лучшими проводниками санитарных правил и знаний в красноармейской массе . . . . красноармейцы убеждаются в том, что при одинаковом снабжении и одинаковых условиях имеются чистые роты и чистые красноармейцы . . . . массовые комиссии заставляют комсостав равняться по лучшим“.

К этим словам прибавить нечего, из них совершенно ясно и очевидно вытекает польза, приносимая делу санитарного воспитания и санитарной постановке привлечением к работе санитарных комиссий красноармейцев.

Второе, о чем я упомянул: соревнование. Оно наиболее рельефно выражено в том же полку: Кроме обычных функций, которые я выше перечислил, на санитарную комиссию там возложено также установ-

ление каждый месяц наиболее чистой роты, каковая становится образцом для всего полка и получает в награду штандарт с надписью „За образцовую чистоту“, который вывешивается на видном месте в помещении, а на прогулках и парадах следует с ротой. Штандарт переходящий:—эта же рота, при следующем месячном обходе комиссии оказавшаяся в худшем санитарном состоянии, нежели какая либо иная, теряет право на штандарт и он переходит к более отличившейся.—Рота, удержавшая штандарт в течение 3-х месяцев, получает право владения штандартом постоянно.

В этом, довольно оригинальном, нововведении приятно бросается в глаза сделанный полком шаг в сторону создания в ротах определенных санитарных традиций,—гордости своей чистотой и опрятностью. Этот прием выгоден также тем, что он вызывает давление на нечистоплотных не со стороны начальства, а со стороны товарищей, что всегда вернее приводит к цели.

Рвение к выдвижению на степень „первой“ роты в полку поощряется еще предоставляемыми отличившейся роте льготами и преимуществами в отношении отпусков и некоторыми другими.

Наоборот, нечистоплотность наказывается запрещением увольнений со двора или даже отпусков (временно).

Приведенный пример говорит о том, что если в части имеет место не бумажный подход к делу (выполнение одной „буквы“ закона), а живая проработка санитарных мер, то появляются формы деятельности, чрезвычайно свежие и здоровые по замыслу и осуществлению.

Настроенный примером полка, я предложил бы элемент соревнования в чистоте попытаться провести между отдельными красноармейцами роты, отличая тем или иным образом (подарок, отпуск и пр.) самого чистоплотного в роте красноармейца, признаваемого таковым на общем собрании роты.

В заключение я хотел бы только повторить мои главные мысли:

Чистота может быть достигнута и при бедности снабжения; к ней нужно идти путем санитарного обучения, проводимого, главным образом, врачами и санитарного воспитания, проводимого, главным образом, младшими командирами; санитарное воспитание и руководство не отделимо от общего руководства, лежащего на командире; для оживления внимания красноармейцев к санитарному делу могут послужить: привлечение красноармейцев к участию в работах санитарных комиссий и возбуждение в них соревнования в достижении чистоты и гордости за хорошее санитарное состояние.

Бирзнек.

Под Псковом.

12-го июня 1919 года, на незначительном участке территории Псковской губ., ст. Кеб—р. Череха—ст. Карамышево, шла оживленная подготовка к предстоящим решительным боевым действиям для взятия Пскова. Подтягивались части Отдельного Псковского коммунистического баталиона, приданного 10 стрелковой дивизии, тяжелая и легкая артиллерийские батареи 10 стр. дивизии и приданный на время операции к коммунистическому баталиону отдельный кавалерийский эскадрон 2 бригады 10 стрелковой дивизии.

Усиленной разведкой Отдельного Псковского коммунистического баталиона 11 июня было выяснено, что противник занимал позицию по реке Кеб, имея незначительные гарнизоны в деревнях: Кеб (18 верст с.-в. Пскова), Гниловец (16 верт с.-в. Пскова), Языково (15 верст с.-в. Пскова), Саево, Дахново, Ладыгино, Яблонец, Харино, (12—14 верст вост. Пскова), имея выдвинутое предмостное укрепление у ф. Беркман, 15 верст восточнее Пскова.

Общее количество противника принималось около 400 штыков по всему фронту плюс возможный резерв (о нем точных сведений в тот момент еще не было), около 200 балаховцев в районе д. Клетева-Мигизова, что 7—9 верст восточнее Пскова.

Для предстоящей операции коммунистическому отдельному Псковскому баталиону был дан вышеуказанный участок, разграничительные линии которого были—с севера с 85 стрелковым полком 10 стр. дивизии—железнодорожная линия Псков—Дно, на юге с отдельной Эстонской бригадой—река Череха.

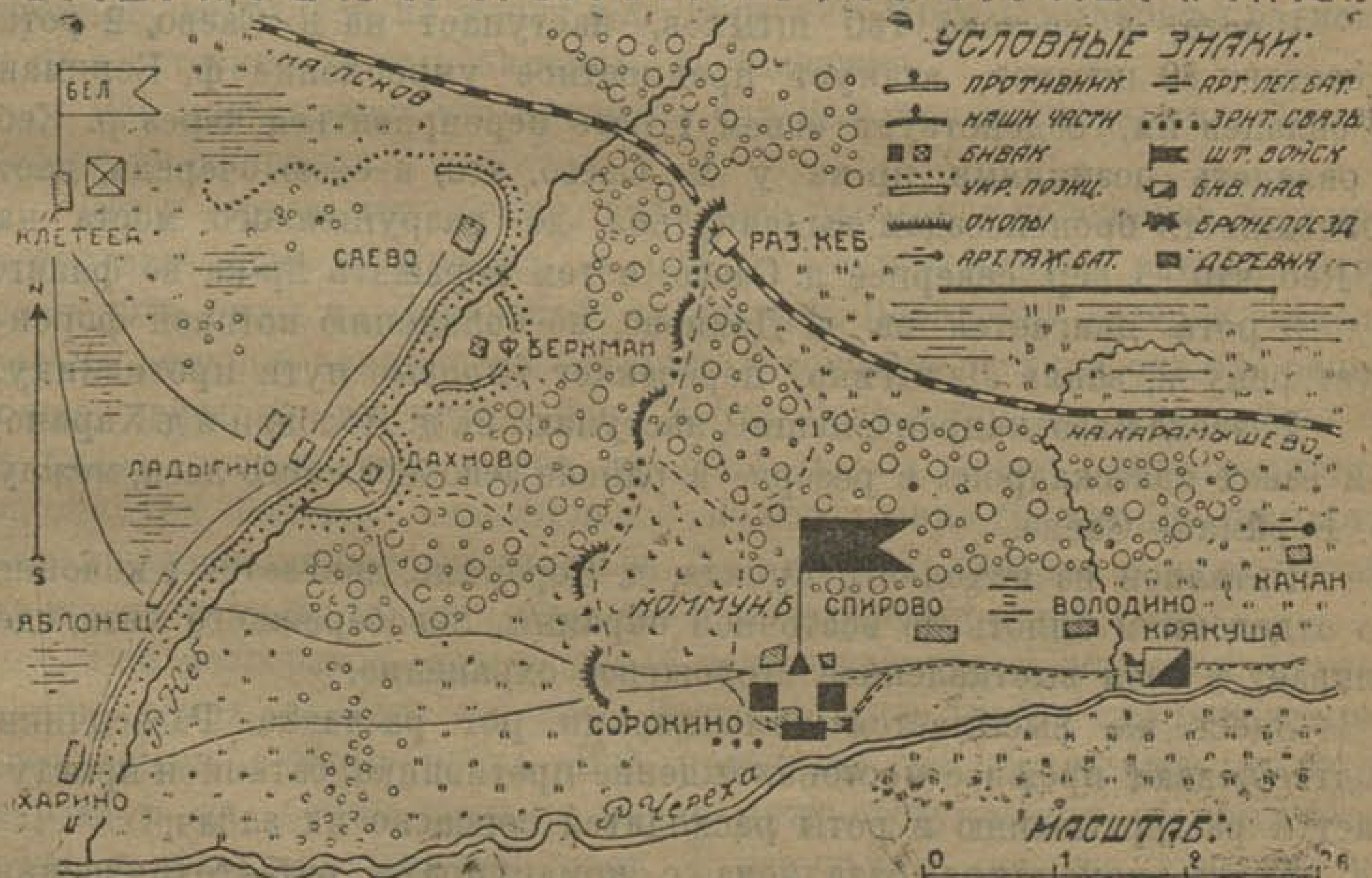
Позиция, занятая противником крайне благоприятствовала ему. Река Кеб, которая сама по себе носила характер естественной преграды, значительно увеличила силу сопротивления противника еще тем, что правый ее берег являлся командным, за исключением возвышенности ф. Беркман, над всею окрестностью. Притом, берега были весьма крутые, сама река, хотя и не глубокая и не широкая, являлась весьма трудно переходимой, так как дно было илистое и

покрыто водорослями. Удобные переправы имелись лишь у деревни Саево, Яблонец и мост у дер. Ладыгино. Кроме того, чтоб позиция была бы действительно неприступной, белоэстонцами были устроены глубокие окопы по правому берегу реки Кеб, с 2—3 рядами проволочных заграждений. У ф. Беркман было устроено предмостное укрепление с несколькими рядами проволочных заграждений.

Большие преимущества такой позиции для обороняющегося до некоторой степени уменьшались обстоятельствами, одновременно лишавшими белоэстонцев хорошего обстрела: в 100—200 шагах от левого берега, по восточной стороне, тянулся густой, дикий лес, который таким образом, вместе с низенькими холмиками, простиравшимися до самой реки, служил прекрасным естественным подступом.

К 24 час. 12/VI—19 г. войска, предназначенные для операции, располагались следующим образом *(схема № 1)*: *главные силы*—Отдельный Псковский коммунистический баталион—дер. Сорокино (Новое и Старое, две деревни в 16 верст. ю.-в. Пскова), Отдельный кавалерийский эскадрон 2 бригады 10 стр. дивизии в д. Крякуша (21 верста ю.-в. Пскова). Резерва не было. *Артиллерия*: легкая полевая 4-х орудийная батарея в районе д. Болдино (18 верст ю.-в. Пскова), тяжелая 48 лин. 2 орудийная батарея в районе д. Каган (22 вер. вост. Пскова). Два *бронепоезда* на ст. Карамышево („Ленин“ и „Стенька Разин“). *Итого* наших сил:

СХЕМА №1. ПОЛОЖ. СТОРОН К 24 ч. 12/VI 19 г.

Отд. Псковск. коммунист. бат.: 3 роты—330 штыков, 16 пулеметов, отд кавэскадрон 2 бригады: 3 взвода—40 сабель, 80 штыков, 2 пулемета.

Артиллерия: 2 тяж. 48 лин. орудия, 4 легк. 3-х дм. полев. пушки и 2 бронепоезда.

А всего: 470 штыков, 18 пулеметов, без пул. бронепоездов, 40 сабель, 2 тяжел. и 4 легк. орудия и 2 бронепоезда.

По имеющимся данным штадива 10 и на основании произведенной 11/VI усиленной разведки противник мог этому противопоставить 330—350 штыков плюс предполагаемый резерв в районе д. Клетева в 200 балаховцев, итого 500—550 штыков, одну 3-х дм. легкую 6 орудийную батарею в районе д. Клетева и 1 бронепоезд кустарного производства.

Соотношение в силах было равнозначущее. Вопрос весь заключался в инициативе.

13/VI в 4 часа началась артподготовка. Огонь 4 легких орудий и орудий 2-х бронепоездов оказывал весьма благотворное влияние на проволочные заграждения противника, несмотря на то, что наблюдению и корректированию стрельбы сильно препятствовал левобережный лес реки Кеб.

Одновременно с началом артиллерийской подготовки двинулся отдельный псковский баталион, с приданным ему кавэскадроном, который в данный момент уже подтянулся к дер. Сорокино.

План атаки укрепленной позиции противника был следующий:

Тяж. арт. батарея работает по б-рее противника, два бронепоезда громят укрепления противника у дер. Саево, предмостное укрепление ф. Беркман и д. Ладыгино—Дахново. Легкая батарея держит под огнем Ладыгино и Дахново, препятствуя этим перегруппировке противника и подходу его резерва.

1 рота, в составе 190 штыков, наступает на д. Саево, 2 рота в составе 80 штыков, атакует предмостное укрепление ф. Беркман и, овладев им, содействует огнем 1 роте переправиться через р. Кеб и овладеть позициями пр-ка у д. Саево, что, в свою очередь, даст возможность бронепоездам выдвинуться до разрушенного моста на р. Кеб, что 3/4 вер. севернее д. Саево, и тем поражать пр-ка во фланг.

3 рота двигается на д. Дахново, по овладению которой форсирует реку и, заняв Ладыгино, пересекает тыловые пути противнику.

2 взвода кавэскадрона, пешие, наступают на д. Яблонец и д. Харино; 3-й взвод кавэскадрона в резерве в районе левобережного леса, между ф. Беркман—Саево.

Баталион из исходного пункта, д. Сорокино. двигается в колонне по отделениям вплоть до восточной окраины, левобережного леса, где вливает в себя выставленное сторожевое охранение.

Здесь же высылается командирами рот разведка. Разведчики подтверждают прежнее местонахождение противника, баталион приступает к развертыванию и роты расходятся согласно их задач.

Связь командира баталиона с командирами рот—техническая и живая. Первым в соприкосновение с противником вошел в 8 ч. 13/VI командир 2 роты, тов. Междрей. В результате сильного боя, длившегося около часа, атакой пр-к был из его позиции выбит и отброшен за реку. Пленных нет. Рота потеряла около 25% своего наличного состава бойцов, один пулемет огнем батареи противника разбит.

В $8^{1}/_{2}$ час. начался бой за переправу у д. Саево. В то же время разгорелся бой за обладание позицией у д. Дахново. В 9 час. артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противник был с позиции у д. Саево сбит и начал в беспорядке отходить к д. Ладыгино. Кавалерия подтягивалась к переправе у д. Саево для предстоящего преследования пр-ка. К тому же времени 3 рота под командою врид. комроты т. Козлова, несмотря на энергичное сопротивление пр-ка, овладела д. Дахново. 2 каввзвода, пешие, вели огневой бой, приковывая противника к позиции Яблонец—Харино.

4 рота, сбив противника у д. Саево, переправлялась чрез р. Кеб, на правый (западный) берег, поддержанная ружейно-пульогнем 2 роты с командной высоты ф Беркман.

Переправа носила весьма трудный характер, так как противник неимоверно сыпал руж.-пулеметным и артиллерийским огнем, как с батареи, так и с бронепоезда. Тем не менее, 1 рота переправилась и продолжала развивать достигнутый успех. Кавалерии же перебраться на другой берег не удалось, ввиду крутизны берегов и тинистого дна реки в этом месте. До сего времени операция шла тем темпом, как и ожидалось. Между тем, в 10 час. 3 рота, пользуясь пробитыми арт. огнем проходами в проволочных заграждениях пр-ка и накладывая на в беспорядке валяющиеся и еще держащиеся одиночные проволоки заготовленные в лесу пучки хвороста и снопы только что срубленных елок, быстро перебралась через полосу искусствен. препятствий и, не взирая на чрезвычайное сопротивление противника, ворвалась по мосту в д. Ладыгино. Пр-к не выдержал натиска и был оттеснен до зап. окраины д. Ладыгино.

Все показывало, что близится славный конец операции и Пскова белым не удержать.

Но в этот момент белые, учтя свое серьезное положение, бросили в бой весь свой имевшийся в районе Клетева резерв, а также свои последние силы из Псковского гарнизона. Появление резерва оказало весьма сильное влияние на бегущие эстонские части и оказало решающее действие на исход боя. Части бело-эстонцев, отходившие от д. Саево и прижатые к сев стороне д. Ладыгино, встрепенулись и, получив болотом значительное подкрепление (около 500 штыков), начали очень стойко защищаться. Другая часть резерва, численностью не менее первой, быстро перешла в наступление на 3 роту.

Бой разгорелся снова; заработали пулеметы и винтовки; артиллерия обоих сторон молчала. Части 3 роты храбро дрались с превосходными силами пр-ка. Бой принимал тем более ожесточенный характер, что бойцы роты не имели пути отступления—за ними была река и полуразрушенный мост. В результате, все же, несмотря на проявленную отчаянную храбрость, рота была разбита и взятые позиции утеряны

Донесение о тяжелом положении роты достигло командира баталиона слишком поздно; но, навряд ли, вообще, представилось бы возможным что-нибудь предпринять, так как комбат в это время руко-

водил лично действиями 1 роты у д. Саево и был в затруднительном положении, ввиду появления значительных резервных сил с болота на сев. окраине д. Ладыгино.

Итак, в результате боя у д. Ладыгино—Дахново белоэстонцы и балаховцы одержали значительный успех, разбив нашу роту и вернув утерянные позиции. От 3 роты из д. Ладыгино вернулись лишь несколько красноармейцев. Смертью храбрых пал врид. командира тов. Козлов и весь остальной комсостав роты.

Командир 2-й роты, узнав о происшедшем, двинул часть своей роты для противодействия успеху пр-ка, но вернуть позицию уже не мог. Противник располагал значительно большими силами, и части второй роты заняли позиции на западной опушке лево-бережного леса в районе д. Дахново.

Комбат был немедленно уведомлен об этом командиром 2 роты. Но в то же время, как в районе д. Ладыгино происходили эти события, части 1 роты, ведя ожесточенный бой с остатками линейных сил и подошедшим резервом, продолжали удачными фланговыми маневрами теснить противника, заставляя его разделиться на две части, причем подоспевшему резерву и вообще всем белоэстонским частям грозило окружение. Если бы в данный момент была возможность воспользоваться кавалерией, которая поневоле бездействовала, то успех был бы обеспечен. Но этого не допускали условия переправы.

Такое положение продолжалось не долго, так как белые, сокрушив 3 роту и установив прежнее положение, бросили все имеющиеся в районе д. Ладыгино свободные силы на продолжавшие наступать части 1 роты.

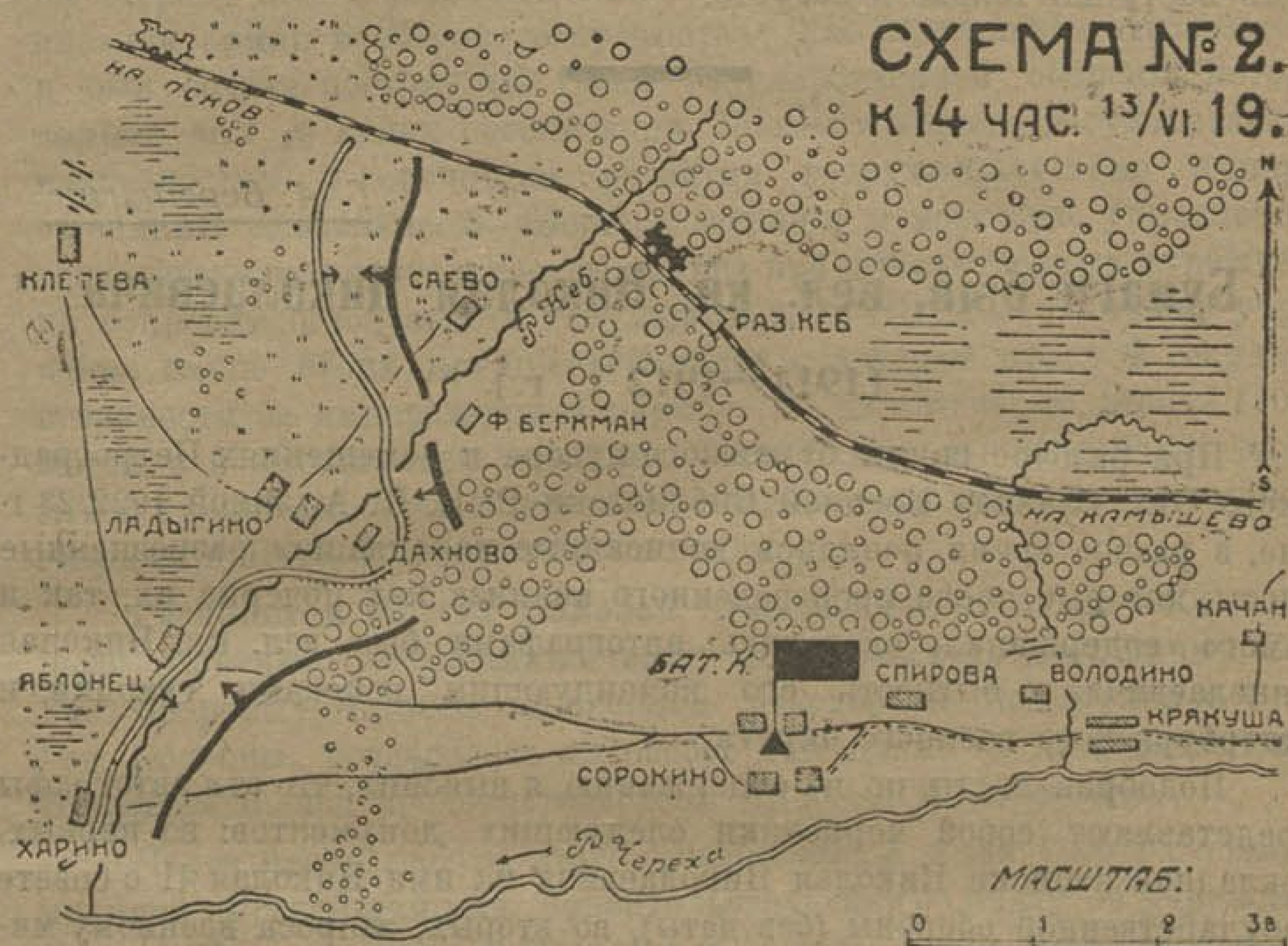
Белые все более и более наседали. И немудрено: огромное превосходство в силах было на их стороне. Единственная наша выгода это—незначительная возможность действовать во фланг пр-ку. Но и это наше преимущество было вскоре ликвидировано и части 1 роты вынуждены были отойти к д. Саево. Кавалерия спешилась и своим огнем содействовала отходу. Бой уже длился дольше 3-х часов. Несмотря на все усилия противника, д. Саево остается за нами. Следуют атаки за контр-атаками, причем штыковой удар пр-ком не принимается.

В 14 часов противнику удается упереть свой левый фланг в жел.-дор. линию *(сх. № 2)*. Появляется угроза обхода. Командиру баталиона приходится принять решение отойти на левый берег и сдать позиции у д. Саево. Действительно, момент надвигался критический. Белоэстонцы сосредоточили артогонь своих орудий по д. Саево, подожгли ее и двинули свои силы 3—4 волнами. Пулеметы метко работали, а их было у нас до 10, и этим значительно охлаждали наступательный пыл противника.

Все же волны постепенно приближались и первая, хотя и реденькая, вступила в сферу прямого выстрела. Остальные подвигались за нею. К настоящему моменту огонь нашей артиллерии значительно ослаб—работали лишь одно легкое, одно тяжелое орудие и 2 орудия бронепоезда „Ленин“.

К 15 час. 13/VI 1 рота очистила правый берег реки Кеб и позиции у д. Саево, унося с собою значительную часть своих раненых.

Насколько интенсивна была работа пулеметов, видно из того, что каждым из них выпущено не менее 15 лент, один пулемет т. Жемеркина выпустил 32 ленты.

Потери белоэстонцев должны были быть значительны, так как на преследование наших частей они не решились.

Остатки баталиона и кавэскадрон стягивались к дер. Сорокино.

При подведении итогов боя оказалось: выбывших из строя—без вести пропавших коммунистического баталиона 50%; раненых, отправленных в тыл 20%; кавэскадрона 5% и с бронепоездов несколько бойцов. Пулеметов недействующих и разбитых 6; поврежденных и неисправных пулеметов 3.

На 14/VI части заняли д. Сорокино, выставив усиленное охранение, 11 постов по окраинам деревни при 11 пулеметах.

В конце изложенного необходимо еще добавить, что по сведениям, полученным от жителей после взятия Пскова в августе 1919 г., эстонцы и балаховцы были настроены 13/VI в городе весьма панически, шла в полной мере подготовка к эвакуации и оставлению Пскова.

Сотни контр-революционно настроенных жителей поспешно с ручным багажем бежали в Эстонию, оставляя свое добро на произвол судьбы.

Причина нашего поражения 13/VI—19 г. заключалась в том, что не была учтена возможность переброски противником его резерва из самого Пскова на место боя, а также и то, что при распределении сил и составлении плана атаки, чрезвычайно много надежд возлагалось

на фланговый удар с д. Саево, в то время, как впоследствие выяснилось, что прорыв центра у д. Ладыгино имел бы решающее значение, тем более, что тогда в бой была бы брошена кавалерия, которая у Саево бездействовала.

В результате, 13 июня было только предупреждение. Решительный день наступил только в августе.

Г. А. Верещагин.

Бумаги быв. вел. кн. Николая Николаевича

(1911—1912 г. г.). *)

При разборе груды бумажного мусора в помещениях Петроградского Отд. Главной Военной Библиотеки Р. К. К. А. зимой 1922/23 г. мне, в разное время, попались исписанные карандашом разрозненные листы, которые после произведенного анализа как почерка их, так и самого содержания, оказались автографами быв. вел. кн. Николая Николаевича в бытность его командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Подобрав листы по их содержанию, я выяснил, что эти автографы представляют собой черновики следующих документов: во первых, докладной записки Николая Николаевича на имя Николая II о совете государственной обороны (без даты), во вторых, запроса военному министру Сухомлинову о правах командующего VI армией и о необходимых мерах при об'явлении мобилизации в случае войны (без даты) и, в третьих, черновик письма военному министру Сухомлинову по вопросу о крепостях, за подписью „Николай“ и датой „19 ноября 1912 г.“.

Черновики написаны простым карандашом на 10 страницах пяти больших отрывных листов блок-нота,—некоторые страницы настолько замазаны грязью со следами сапог, что местами не поддаются чтению.

На вопрос о том, каким образом эти документы, не имеющие, как черновики, никаких следов официальной регистратуры, попали в помещение библиотеки, создавшейся в конце ноября 1918 г,—возможно предположить, что они попали сюда года два-три тому назад вместе с книгами и единичными разрозненными делами из помещений бывшего штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Судя по нахождению этих документов в груде бумажного мусора, очевидно, что они предназначались к полному уничтожению, как хлам.

---

*) Учитывая несомненный исторический интерес указанных в заголовке документов, редакция считает целесообразным уделить на страницах журн. „Революция и Война“ место для настоящей работы Г. А. Верещагина, каковому принадлежит редакция документов и комментарии к ним. *Ред.*

Печатая эти документы с необходимыми пояснениями, нельзя не признать за ними известной исторической ценности, как материал для характеристики быв. вел. кн. Николая Николаевича, игравшего такую выдающуюся роль в военных кругах царствования Николая II с начала 1900 годов.

Наши поражения во время русско-японской войны выдвинули на очередь целый ряд неотложных и серьезных вопросов по реорганизации армии и обороне государства Для разрешения этих вопросов и был создан постоянный Совет государственной обороны, который должен был „в видах обеспечения соответственного государственным потребностям и средствам развития вооруженных сил империи, об'единить деятельность высшего военного и морского управления и согласовать ее с деятельностью других правительственных учреждений по вопросам безопасности государства". *) Это новое высшее учреждение имело своих предшественников в истории русской государственности за императорский период, **) но в то время, весной 1905 г., мысль о необходимости создания Совета Обороны настойчиво высказывал именно Николай Николаевич в бытность командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Рескриптом на имя Николая Николаевича от 5 мая 1905 г., ***) было „признано необходимым ныне же образовать постоянный Совет Гос. Обороны", причем подробная разработка положения о Совете Гос. Обороны возлагалась на особое совещание из лиц, назначенных Николаем II, под председательством Николая Николаевича.

Через месяц работы этого совещания, 8 июня 1905 г., появился именной высочайший указ правительствующему Сенату об учреждении Совета Государственной Обороны и, вместе с тем, был опубликован текст самого положения об этом новом учреждении ****).

Председателем этого Совета был назначен его инициатор—Николай Николаевич, который благодаря своим личным свойствам и занимаемому положению, конечно, постарался забрать власть в свои руки в важных вопросах обороны государства.

Деятельность Совета Гос Обороны, считавшаяся в свое время „государственной тайной", скрыта пока и теперь в архивах, но по тем отрывочным данным *****), которые также были найдены в той

---

*) Рескрипт на имя Николая Николаевича от 5 мая 1905 г.—прибавление к газете „Русский Инвалид" за 1905 г. от 9 мая, № 99.

**) См. статьи Борисевича в „Русском Инвалиде" за 1905 г., № № 123, 125, 129 и т. д. „Предшественники постоянного Совета Госуд. Обороны".

***) Прибавление к газете „Русский Инвалид" за 1905 г. от 9 мая, № 99.

****) „Русский Инвалид" от 11 июня 1905 г. за № 123.

*****) Эти данные содержатся в черновом проекте отчета председателя Совета Гос. Обороны о деятельности учреждения за три года (1905—1908 г. г.).

Проект отчета написан на пишущей машинке на 8 страницах четырех листов in 4⁰, и испещрен чьими то многочисленными редакционными и корректурными поправками карандашом—на первой странице наверху надпись: „тщательно прокорректировать и проредактировать". Сохранность документа плохая: два последние листа оторваны.

же груде мусора, можно составить некоторое представление о деятельности Совета со времени его основания до 1908 г. включительно.

Повидимому Совет совершенно не касался вопросов „внутренней" охраны государства и все свое внимание уделял обсуждению вопросов трех категорий: 1) усовершенствование и улучшение вооруженной силы России (мероприятия по улучшению личного состава, по устройству, организации и снабжению армии), 2) предположения по подготовке к ведению войны (выяснение военного положения на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Западном фронте и выяснение значения крепостей) и 3) согласование междуведомственных разногласий по вопросам Государственной Обороны, в частности по вопросам, связанным с морской обороной *).

Размер журнальной статьи, да и самая задача наша „дать лишь историческую справку к докладной записке Николая Николаевича о Совете Гос. Обороны" не позволяют подробно останавливаться на приводимых в отчете данных о деятельности Совета, но для ознакомления с характером самого документа мы считаем не лишним привести следующую выдержку из заключительной части отчета, где высказываются „личные соображения председателя Совета Гос. Обороны о предположениях по подготовке к войне в период 1906—1908 годов".

„Ввиду политического положения, бывшего в 1906—1907 г.г. Совет обратил особое внимание на наше положение на Дальнем Востоке, причем особенно подробно были рассмотрены вопросы—о районе сосредоточения в военное время наших главных сил, об условиях обороны Уссурийского Края и реки Амура и о выяснении значения крепости Владивостока. Высочайшей волей В. И. В. вопросы эти решены. Ныне дислокация войск на Дальнем Востоке соображена с условиями их развертывания, ассигнованы средства на образование необходимых для них запасов и, таким образом, подготовляется для них база; составлен проект для усиления крепости Владивостока, требующий ассигнования 100 милл. рублей; приступлено к постройке Амурской железной дороги; для обороны верхнего и среднего Амура организована Амурская речная флотилия и признано необходимым осуществление в 4-х летний срок организации сухопутной и морской обороны низовьев р. Амура и залива Де-Кастри. По моему предложению Советом также был рассмотрен вопрос об установлении связи Дальнего Востока с Европейской Россией, так как несомненно, что главнейшим условием для обеспечения исхода нашей будущей войны на Дальнем Востоке является прочная связь этой окраины с Россией посредством нескольких железнодорожных путей, без наличия коих трудно рассчитывать на удержание за нами наших дальневосточных владений. В. И. В. соизволили одобрить заключение Совета, что в числе мероприятий по усилению обороноспособности Восточной Си-

*) В период времени с 1905 г. по 1908 г. Совет рассмотрел 72 вопроса указанного характера,—подробный перечень всех этих вопросов был помещен в приложении к отчету на оторванных листах, а потому нам неизвестен.

бири постройка железных дорог и развитие других путей сообщения должны иметь первенствующее значение и что забота правительства должна быть направлена на осуществление этих мероприятий, прибегая для сего, в пределах возможности и потребности, к пользованию государственным кредитом и к привлечению частных капиталов. Позволяю себе доложить В. И. В. мое непоколебимое убеждение, что степень обеспечения нашего владения дальневосточною окраиною будет находиться в прямой и непосредственной зависимости от успеха выполнения одобренного В. И. В. вышеприведенного заключения Совета

Неменьшее значение имеет развитие железнодорожных путей и для обороны Туркестана. Вопрос этот также был рассмотрен Советом, причем выяснилось, что для успешных действий в наших среднеазиатских владениях необходимо соединить между собою рельсовым путем Ташкент и Томск и к этому пути провести железнодорожную линию от Волги, с мостом через нее.

Полученные в конце 1907 года сведения о вооружениях, предпринятых Турциею, вызвали необходимость рассмотрения в Совете вопроса о подготовке к борьбе с нею, причем Советом было признано, что главным театром войны надлежит считать Европейскую, а не Азиатскую Турцию и вместе с тем были установлены основания для производства на этот случай частной мобилизации.

Что касается предположений о подготовке к войне на нашей западной границе, то в этом отношении деятельность Совета еще не успела достаточно развиться и пока ограничилась лишь рассмотрением вопросов, связанных с усилением наших крепостей на западном фронте, причем Советом было отмечено первостепенное значение крепости Новогеоргиевска. Со своей стороны, я не могу не обратить внимания В. И. В. на чрезвычайно важное значение для обороны западной границы создания новой крепости у г. Гродна, без существования коей не только трудно рассчитывать на более или менее благоприятный исход кампании против Германии, но возможно даже ожидать катастрофы в первый же период войны“.

12 августа 1909 года Совет Государственной Обороны был упразднен*), просуществовав таким образом с небольшим 4 года и сыграв, судя по об‘ективным данным, скорее положительную, чем отрицательную роль в реорганизации русской армии после разгрома Русско-Японской войны.

Сам Николай Николаевич в печатаемой ниже записке указывает на то, что „Совет Гос. Обороны вызвал весьма много нареканий на свою деятельность“. Эти нарекания исходили, по его словам, от различных групп и имели своей причиной то, „что одни в Совете Гос.

*) Оффициальным мотивом упразднения Совета выставлялась необходимость „*видоизменить* условия об‘единения деятельности военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений по вопросам, относящимся к безопасности государства“. Именной Указ Прав. Сенату от 12 августа 1909 г. См. „Русский Инвалид“ от 18 августа 1909 г. за № 178.

Обороны видели оскорбительный контроль. Другие из за того, что Совет Гос. Обороны вызывал увеличение работы. Некоторые же из за незнания дела. Наконец, другие из за фальшивого самолюбия. Были и такие нарекатели, которые считали бытие Совета Гос. Обороны незакономерным после закона 17 октября 1905 года".

„Были и такие мнения, что Совет Гос. Обороны допустим, но положение председателя его—недопустимое, так как это лицо безответственное (таких лиц на военной службе не существует!), с этим масса соглашалась. После этого личность сама—по себе и, кроме того, рождение, т. е. принадлежность к императорскому дому".

С. Ю. Витте в своих „Воспоминаниях"*) об'ясняет упразднение Совета Гос. Обороны тем, что „вел. князь Николай Николаевич потерял к тому времени свое всеоб'емлющее значение, что должно было отчасти случиться с водворением хотя значительно оскопленных представительных камер, но преимущественно и потому, что новобрачная супруга вел. князя, черногорская принцесса, ех—жена Юрия Лейхтенбергского, потеряла значительную долю симпатии Александры Федоровны"**).

Таким образом, по мнению Витте, решающим моментом в упразднении Совета явились причины чисто личного характера, но надо думать, что в действительности решающим фактором в падении Совета Гос. Обороны был напор торгово-промышленной буржуазии при обсуждении бюджета в III Государственной Думе, находившей бытие Совета Гос. Обороны, в лице безответственного Николая Николаевича, „принципиально вредным" и создавшей думскую Комиссию Гос. Обороны", преимущественно из членов партии Октябристов.

Такова краткая историческая справка, необходимая при чтении докладной записки Николая Николаевича о Совете Государственной Обороны, имеющей целью реабилитировать это учреждение;—переходя теперь к самому документу, надо сказать, что, повидимому, он был написан Николаем Николаевичем осенью 1911 года, шесть лет спустя после учреждения Совета.

При чтении документа обращает на себя внимание одно странное обстоятельство: Ник. Николаевич забыл точные даты Совета и пишет: „. . . . вам (Николаю II) благоугодно было учредить в 18 . . году Совет Гос. Обороны" и далее: „Совет Гос. Обороны просуществовал . . . . года, т. е. до 190 . . года".

---

*) Создание Совета Гос. Обороны С. Ю. Витте рассматривает лишь как проявление неограниченного властолюбия Николая Николаевича. Хотя С. Ю. Витте не отрицал у Николая Николаевича известной „честности" и „некоторых военных способностей", но находил его „мистически тронутым человеком", „человеком, очень мягко выражаясь, самоуверенным и неуравновешенным, с весьма малым запасом логики", „довольно ограниченным и малокультурным", „человеком тронутым, как вся порода людей, занимающаяся и верующая в столоверчение и тому подобное шарлатанство".—„Воспоминания С. Ю. Витте". Том I, стр. 225, 226 и 228. Том. II стр. 33, 73.—Госиздат. 1923 г.

**) „Воспоминания С. Ю. Витте, Том II, стр. 330.

Два остальных документа,—запрос военному министру о правах, командующего VI армией и письмо Сухомлинову по вопросу о крепостях,—не требуют по своему содержанию пространных пояснений.

„Запрос“ представляет собой лишь схему, набросанную Николаем Николаевичем для своих ближайших сотрудников при составлении ими официальной бумаги военному министру. По внешним признакам, документ написан не ранее осени—зимы 1912 года (период осложнений в европейской политике в связи с анексией Боснии и Герцеговины), а по содержанию—не позже 1914 года.

По мобилизационному плану, VI армия должна была охранять подступы к Петрограду,—помимо этого, как указывает сам Николай Николаевич, в задачу этой армии входила „борьба с возможным даже более чем вероятным выступлением Финляндии, а также борьба с могущим возникнуть революционным движением в столице и Прибалтийских губерниях“.

Публикуемые документы печатаются, для удобства набора, по новой орфографии, с точным соблюдением встречающихся стилистических шероховатостей черновика.

---

1. Докладная записка о Совете Государственной Обороны.

Ваше императорское величество.

В. И. В. всегда высокомилостивейше разрешали мне высказывать вам свои мысли и соображения по военным вопросам высшего порядка, зная и веря, что единым к тому побуждением служит стремление принести пользу делу усовершенствования устроения Обороны Государства.

На основании соображений, представленных мною В. И. В., вам благоугодно было учредить в 18 · . году Совет Государственной Обороны.

Совет Государствен. Обороны просуществовал . . . . года, т. е. до 190 · . года.

С этого дня прошло шесть лет. За это время, стоя совершенно в стороне от дел Гос. Обороны, я имел возможность спокойно суммировать работу Сов. Гос. Обороны за время его деятельности и по некоторым данным составить себе определенное мнение о ходе дел по Госуд. Обороне до сегодняшнего дня, т. е. за период, когда Совет Гос. Обороны был упразднен.

Сопоставляя то и другое, я пришел к нижеследующему выводу, который решаюсь повергнуть на благовоззрение ваш. имп. величества.

Совет Госуд. Обороны вызвал весьма много нареканий на свою деятельность. Нарекания эти исходили: первое—от некоторых лиц, принимавших в нем участие, как члены. Второе—от лиц, которые стояли близко к делу Гос. Обороны. Третье—от лиц, непричастных к делу.

Допытываясь причину этих нареканий, я, после всестороннего анализа всех данных, пришел к выводу, что причиной нареканий,

было то, что одни в Сов. Гос. Обороны видели оскорбительный контроль. Другие из за того, что Совет Гос. Обороны вызывал увеличение работы. Некоторые же из за незнания дела. Наконец, другие, из за фальшивого самолюбия. Были и такие нарекатели, которые считали бытие Сов. Гос. Обороны не закономерным после закона 17 октября 1905 года.

Были и такие мнения, что Сов. Гос. Обороны допустим, но положение председателя его недопустимое, так как это лицо безответственное (таких лиц на военной службе не существует!), с этим масса соглашалась. После этого личность сама по себе и кроме того рождение, т. е. принадлежность к императорскому дому.

Наладить во всех отношениях работу всякого вновь созданного учреждения надо время, а столь сложного в государственном смысле и при недоброжелательном отношении большинства время надо еще более.

В виду этого Сов. Гос. Обороны по кратковременности его существования, не мог проявить и доказать на деле понятно для всех, целесообразность его бытия.

По имеющимся у меня данным, по вопросам, относящимся до Гос. Обороны, со дня упразднения Сов. Гос. Обороны и до сего дня и сопоставляя это с ходом дел по Гос. Обороне,—за период деятельности Сов. Гос. Обороны,—я черпаю новые доказательства неправильности нареканий, выпавших на долю Сов. Гос. Обороны.

В бозе почивший император Александр III призывал и требовал дружную работу всех Государственных учреждений. Увы, голос царский остался неуслышанным. Вопросы Гос. Обороны настолько сами по себе сложны и обширны,—а в нашем отечестве тем более, что успешность их осуществления—и без замедления—требует особой организации

Все вопросы по усовершенствованию обороны Государства и ее живой силы Армии требуют санкции верховного державного вождя.

Каждый вопрос—до доклада—должен быть разобран и всесторонне обсужден. Вопросы по обороне Государства часто вызывают при их осуществлении работу других министерств, а к ним обязательно должны быть привлекаемы представители соответственных министерств.

На этих заседаниях председательствовать должно лицо, особо на сие назначенное вашим императорским величеством.

Результат этих заседаний должен быть доложен Председателем вашему императорскому величеству и только после этого вопрос разбирается в заседании под монаршим председательством вашего императорского величества с привлечением в оное, как членов, председателя Совета Министров, Министров Военного, Морского, Иностранных дел, Финансов и тех лиц, которых благоугодно вашему императорскому величеству признать за благо повелеть быть в оном.

Ваше императорское величество изволите лично выслушать доводы всех, и из обмена мнений, допущенного вашим императорским

величеством, вы изволите получить ясное и всестороннее освещение каждого вопроса.

Этим облегчится вашему императорскому величеству постановка решения и из'явление вашей священной воли к исполнению.

Этим путем все, кому надлежит в курсе дела—и им облегчается возможность с успехом проводить законы, из сего вытекающие и подлежащие проведению через законодательные учреждения (. . . . .),*) так как мотивировка их будет обоснованнее, а законодательным учреждениям яснее польза от проведения закона.

Всякое дело требует плана работ, а Государственное, в каждой его отрасли, тем более.

План должен быть составлен на несколько лет вперед.

Форма часто играет большую роль, может быть форма бывшего Совета Государственной Обороны была несовершенна и порядок работ. В моих глазах главный недостаток бывшего Сов. Гос. Об. был в том, что представлялись вашему императорскому величеству протоколы и на основании их вы изволили класть свою резолюцию, не слыша живого слова, и в вопросах, которые были недостаточно ясны, имели возможность слышать раз'яснение или от председателя или от одного из заинтересованных членов. Это не дает той полноты, которая для окончательного раз'яснения необходима,—она дается только при личном выслушании обмена мнений и самих мнений в заседании при личном председательством.

2. Запрос Военному Министру.

1. Выяснить права—командующий VI Армией—будут ли ему даны права Главнокомандующего военного времени.

2. С об'явлением мобилизации будет ли об'явлено военное положение во всей России. Если нет,—а только в районе Западного—Киевского фронта и Северного—Прусского,—то необходимо об'явление военного положения всего Петербургского военного округа,—с присвоением Командующему VI Армии,—облеченного правами Главнокомандующего военного времени, прав Генерал—Губернатора.

Только при этой мере можно выполнить задачу, возложенную на Командующего VI Армией. Борьба с возможным, даже более чем вероятным вооруженным выступлением Финляндии. Защита столицы. Борьба с могущим возникнуть революционным движением в Столице и Прибалтийских губерниях

Охрана столицы, как главной базы всех Армий в виде всех заводов, заготовляющих военные и боевые материалы.

И наконец, охрана резиденции и личности государынь императриц и наследника престола.

3. Отношение Командующего VI Армии к Флоту.

В виду того, что флот в данное время далеко еще не достиг намеченной силы, для согласования действий сухопутных войск и

*) Это место не поддается чтению. *Г. В.*

флота представляется настоятельно необходимым подчинить его Командующему VI Армиею.

4. Самые последние данные военной разведки Округа, дают новое подтверждение, что в случае войны,—вооруженное восстание в Финляндии неминуемо.

Все деньги из банков предполагается передать на хранение частным лицам.

Для того, чтобы иметь надежду этому воспрепятствовать, арестовать всех главарей по имеющемуся списку. Необходимо, чтобы Командующий VI Армией был бы хоть за сутки предупрежден о дне и часе об'явления мобилизации и войны, дабы эти меры привести в исполнение без промедления.

5. Выяснить, что будет с чинами полиции в Столице и ее окрестностях, т. е. будут ли чины полиции состоящие в запасе призваны в ряды войск.

Безусловно необходимо, чтобы оные были из'яты, иначе полиция будет так ослаблена, что не будет в состоянии с успехом исполнить столь трудные и ответственные обязанности.

3. Письмо к В. А. Сухомлинову.

Владимир Александрович.

В текущем году мне несколько раз пришлось высказывать свое мнение по вопросу о крепостях. Весною было потребовано мое мнение о создании линии Ревель—Парканауд. Летом я имел счастие быть в заседании под председательством государя императора по вопросу о создании крепости Гродно.

Наднях было спрошено мое заключение по вопросу о создании крепости Ревель, как сухопутное обеспечение созидаемой линии Ревель—Парканауд. Затем мне сделан запрос об создании крепости вокруг Гельсингфорса для обеспечения Свеаборга с суши,—и это имеет связь с созиданием линии Ревель—Парканауд и только что мною даны были указания нач. шт. войск гвардии и Петрогр. воен. округа для доклада в заседании по вопросу об создании крепости Выборга, согласно новейшим требованиям

Во всех этих вопросах меня поразило одно и тоже, а именно, что при создании крепостей не затрагивался вопрос о создании живой силы—гарнизона,—т. е. пехоты, артиллерийских частей и инженерных войск. Таким образом, при исчислении стоимости крепости это данное в рассчет не принималось, а только исчислялась стоимость инженерных работ и артиллерийского вооружения.

С милостивейшего соизволения государя императора в заседании по вопросу о создании крепости Гродно, я поднял этот вопрос и все мною по этому поводу высказанное удостоилось одобрения государя императора и его величество соизволил даже дать по сему свое заключение.

Из того, что во всех вышеуказанных случаях—по вопросу о создании крепостей—о которых было (. . . . . . .) *) мое заключение, не упомянуто было ни (слова ?) о гарнизоне—живой силе, вывожу заключение, что как будто расчитывается не имеющее (. . . . .) *) дабы из них взять нужный гарнизон.

На основании этого считаю своим долгом высказать вашему высокопревосходительству мою нижеследующую мысль, глубоко заранее уверен, что вы признаете ее совершенно верной, более того, думаю, что она вас озабочивает не менее, чем меня.

За последние годы я все слышу одно и тоже: ни одного человека на увеличение армии и контингента новобранцев. Очевидно, это в военной сфере говорится не от того, что считают, что наша армия доведена до того комплекта, который вызывается нуждами обороны государства, а вероятно другими причинами, которые признавались столь вескими, что приходилось с этим мириться.

По моему глубокому убеждению время и обстоятельства настоятельно требуют сказать определенно и решительно, что те данные, которые влияли и которые приходилось принимать во внимание, должны отойти на второй план и государственная безопасность и требования Обороны Государства иметь первенствующее положение.

Соседи наши и вероятные противники увеличивают свою армию, а мы не увеличиваем, несмотря на то, что настоятельная в том нужда, в этом много большая.

Кавказ всегда требовал увеличения войск, а после войны Славянского союза с Турцией будет это еще нужнее и безотлагательнее.

В Финляндии войск недостаточно. Дальний Восток тоже нуждается.

Засим крепости. Крепость Гродно требует создания ей гарнизона Выборг тоже. Ревель—Парканауд без гарнизона оставить нельзя.

Число войск оставляемое для охраны столицы в случае войны крайне недостаточное, а при неминуемом вооруженном восстании в Финляндии тем более мизерное,—следовательно для гарнизона Выборга и Ревель—Парканауд буквально ни одного солдата дать нельзя.

Создавать гарнизон крепости вновь строющейся должен предшествовать создание живой силы гарнизона, в крайнем случае идти постепенно, развиваясь с постройкой крепости, но всегда несколько ее опережая.

Ведь ясно, как божий день, что крепость без войск—не крепость, а неоконченная даже крепость, но с соответственным гарнизоном, уже сила.

Итак более, чем настало время подсчитать, какая нам нужна живая сила и ее безотлагательно создать. Раз это будет ясно мотивировано, т. е. причины настоятельной в том нужды, требующей безот-

---

*) Это место не поддается чтению *Г. В.*

лагательного исполнения,—этот вопрос, в законодательном порядке, не может не пройти и пройдет, так как главное обеспечено, что верховный державный вождь нашей армии, если вы Е. И. Велич. представите данные, требующие увеличения армии, даст свое повеление исполнить.

Не осудите, что отрываю ваше время на чтение сих строк, но обстоятельства с которыми по службе я столкнулся вынудили меня высказать вашему высокопревосходительству то, что у меня на сердце.

Николай.

19 ноября,
1912 года.

А. Бельский.

Геология в мировой войне.

По мере затягивания мировой войны, количество мобилизованных для взаимного истребления технических средств все расширялось. Необходимость создала новые и разнообразные отрасли промышленности, война наложила свою руку почти на все области жизни, втягивая ее в круговорот разрушения

Большинство наук также пошло на услуги вооружения: ученые работали в своих кабинетах и лабораториях с удвоенной энергией, чтобы с помощью последней склонить успех на сторону армии своего государства.

Среди других, геология получает сравнительно медленное признание и оценку. В западных государствах эта наука встретила более раннее доверие со стороны генерального штаба; центральные государства приступили к учреждению геологических отделов только после спешных и неудовлетворительных опытов, произведенных на различных фронтах.

Наиболее ярко представляется развитие геологии в английской армии, где оно протекало под руководством проф. Е. Давида, командированного в распоряжение главного ген. штаба Согласия из Лондонского геологического о-ва.

В апреле 1915 г. ген.-майор Лиддель, находившийся в главной англ. квартире, просил военное министерство в Лондоне о присылке геолога, который указал бы места для рытья колодцев на территории северной Франции и Фландрии, занятой в то время англ. войсками. Дальнейшим заданием этого геолога должна была быть подготовка геологических карт той части Бельгии, где должно было происходить наступление англ. войск и продвижение их на восток.

Вопрос состоял в обозначении на картах залежей сырья, при помощи которого армия могла бы возводить укрепления во время своего наступления. В своем отношении в военное министерство генерал Лиддель подчеркивал убытки, какие терпела английская армия,

благодаря неорганизованности геологической службы в мирное время для военных целей, а также указал на необходимость немедленного учреждения геологических отделов.

Благодаря этому отношению англ. воен. министерство поручило капит. Кингу выяснить гидрологические условия в сев. Франции и Бельгии.

Эта работа была выполнена в Лондоне на основании теоретических данных. В июне 1915 г. кап. Кинг отправился на фронт в распоряжение н-ка инженерной части главной англ. квартиры в качестве геолога. В мае 1916 г. во Францию прибыл подполк. проф. Давид, командированный геологическим факультетом Сиднейского университета. В сентябре того же года на англ. фронт прибыл третий геолог, проф. геологического о-ва в Тасмании Лоффус Гилльс. Все они работали на фронте до окт. 1918 г.

Проф. Давид находился гл. обр. при закладке мин и проводке подкопов, Кинг заботился о снабжении армии здоровой питьевой водой и Гилльс—наблюдал за производством бурений. В конце окт. 1918 г. англ. военное министерство прислало еще двух геологов, необходимых при наступлении на восток, которое должно было начаться в непродолжительном времени. Все пять геологов имели при себе необходимый технический и горный персонал.

Обработка и издание геологических карт, которые были бы доступны каждому изыскателю в определении глубины воды,—были вопросом огромной важности, как при постройке окопов и ходов, так и при рытье колодцев. На картах должны были указываться также и размеры строящихся дорог, мостов, бетонных сооружений и проч. В дальнейшем карты должны были давать исчерпывающие сведения о строении почвенного и подпочвенного слоев, отдельных пластов, наличие в них ископаемых, глубине их местонахождения и т. д.

Результаты военных действий вытекали зачастую из подробного изучения петрографических и гидрологических условий той местности, на которой происходили военные действия.

Для иллюстрации работы геологов можно сослаться на взрыв мины, произведенный англичанами 7/VI 1917 г. на участке англ. фронта между Messines и Wytschaetc и названный англичанами „наиболее ярким эпизодом мировой войны“.

При необыкновенном сотрясении земли, которое было слышно в Лилле подобно сильному подземному толчку, было замечено 19 гигантских столбов пламени, поднимавшихся к небу от взрыва 1.000.000 фун. взрывчатых веществ. Тотчас же после взрыва английские войска без всякого труда заняли возвышенность между Messines и Wytschaetc, бывшую до этого времени совершенно неприступной. Взрыв произошел в момент смены одной дивизии другой на участке против двух немецких дивизий. Чтобы спасти войска, стоявшие на север и юг от места взрыва, немцы должны были отодвинуть свой фронт на несколько километров в тыл.

За 18 м-цев до взрыва геологи Давид и Кинг, после тщательного изучения местности около Messines и Wytschaetc, приступив к изысканию мест для подкапывания, заметили, что под аллювиально-диллювиальной формацией находился слой глины и ила, в котором, при известной осторожности, можно произвести минные работы. Для этого, вдали от первой боевой линии, были начаты горные работы при помощи электрических машин и с бетонированием песков и ила, так что немцы совершенно не подозревали о том, что они подкапываются и минируются англичанами. Благодаря несвоевременной ориентации, немцы потеряли две дивизии и далеко отодвинули фронт.

В другом месте, около Vimy, находились чрезвычайно укрепленные немецкие позиции. Согласно наблюдений Кинга, они были заложены на песках и глине, лежащих на меловых формациях. По совету Давида, в меловых напластованиях проложили штольни, где можно было работать, не возбуждая подозрения. Эти работы не были закончены, т. к. канадские войска с первым штурмом овладели немецкими позициями, и дальнейшее минирование было бесцельным.

Наконец, в малоизвестном дипломатическом конфликте между Англией и Голландией, когда в августе 1917 г. англичане убедились, что немецкие бетонные укрепления были построены из материалов не франко-бельгийского происхождения,—главную роль сыграла геология. Спустя несколько дней после этого открытия, английские газеты подняли шум, обвиняя Голландию в доставке щебня и песку для немецких окопов. В действительности, после исследования геологами осколков от немецких бетонированных окопов, убедились, что материалы были вывезены частью с Рейна и частью с Нидермендига. В помощь Англии выступили другие государства Антанты, которые произвели политическое давление на Голландию с целью принудить ее отказаться от сплава своими водными путями материалов для немецких окопов,—и конфликт был ликвидирован.

Старый сапер.

Лопата и топор в маневренном бою.

Большинство современных взглядов сводится к тому, что нам необходимо готовиться преимущественно к маневренным боям. Но даже при ином взгляде на этот вопрос армию надо готовить именно к маневренным боям, считая, что устройство современных укрепленных линий немыслимо без широкого участия специальных войск и инженеров. Во всяком случае, как бы мы ни решали эти вопросы, в начале войны дело не обойдется без маневренных боев, успех или неуспех которых в значительной мере может отразиться на дальнейшем ходе войны.

Из опыта последней мировой войны на нашем фронте, а в особенности из опыта той же войны на Западном фронте мы знаем, какую выдающуюся роль играла в боях, так называемая, полевая фортификация, с ее земляными укрытиями и легкими, переносными препятствиями. Значение этой „фортификации" отчетливо запечатлелось во всех новых иностранных уставах, в особенности в немецком.

„Лопата и винтовка дополняют друг-друга": вот современный боевой тезис.

Вопросы полевой фортификации по новым схемам разрабатываются и у нас. На это указывает целый ряд статей в периодической печати (напр., в „Военном Вестнике"), указание официального руководства для командного состава („Бой пехоты") и отдельные брошюры, напр., Г. Г. Невского „Групповое укрепление" в издании Высш. Воен. Редакц. Совета.

Во всей этой литературе можно найти целый ряд верных и полезных указаний, но именно вопрос о применении полевой фортификации нельзя считать окончательно разработанным.

Мне представляется, что в нашей новой полевой фортификации мы все еще слишком сбиваемся на старую, линейную полевую фортификацию. Быть может, я ошибаюсь, но пусть мне это докажут.

Старую полевую фортификацию можно назвать линейной не потому, что она якобы рекомендовала все окопы и укрепления возводить

в одну линию, но потому, что основным ее типом был *линейный окоп* или *окоп для стрелковой цепи*.

Все укрепления состояли, в сущности, из всевозможных комбинаций этих окопов, которые устраивались по ломанным направлениям, линия за линией, или располагались группами, на более или менее значительных интервалах, как это, в особенности, рекомендовалось в мировую войну.

Обстрел из этих окопов, правда, рекомендовалось направлять не только во фронтальном, но и во фланговом направлении, для взаимной огневой поддержки, на которую обращалось усиленное внимание.

Таким способом недостатки линейности несколько исправлялись.

Но для нашей старой полевой фортификации было особенно характерно, что это соединение фронтального огня с фланговым достигалось не только или, пожалуй даже, не столько взаимной группировкой окопов, сколько самым начертанием каждого окопа в отдельности, которому придавалась изогнутая форма.

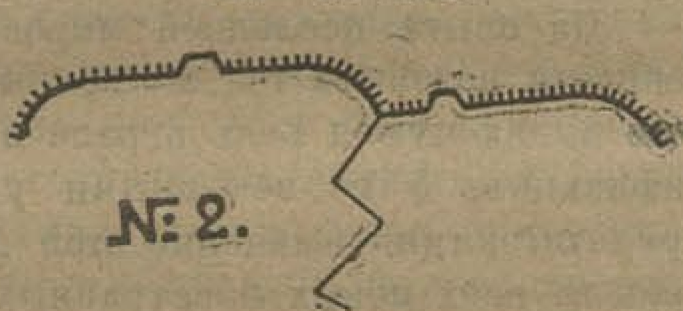
Каждый окоп представлял короткую линию с загнутыми флангами.

Такое же, в сущности, начертание окопов рекомендуется и в новой полевой фортификации даже вполне авторитетными источниками.

Я позволю себе привести здесь для примера чертежи окопов из брошюры Г. Г. Невского „Групповое укрепление“.

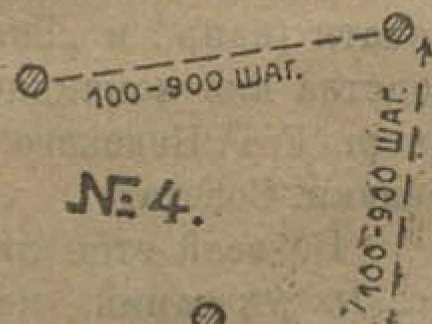
Вот чертеж окопа для звена (в средине или вообще в важнейшем направлении для стрельбы—ручной пулемет или автомат *(черт. № 1)*.

Вот черт. „*нормального* *) стр. окопа для отделения“ *(черт. № 2)*.

Чертеж „фортификационного укрепления взвода“ **), представляет комбинацию окопов для отделений в трех группах, имея в первой линии одну или две группы *(черт. №№ 3 и 4)*.

Как видно из чертежей, в проектах Г. Г. Невского уже взвод получает некоторую глубину расположения; цельные окопы устраиваются только для звеньев, на 5—7 чел., то-есть, очень небольшого протяжения, примерно, не более 12 шагов.

В этом нельзя не отметить отражений новой техники, а, стало-быть, и новой фортификации.

---

*) Курсив мой, но этот окоп так и назван.

**) Название Г. Г. Невского.

Но в остальном просвечивают черты старой „фортификации“. Основной тип—все же *линейный окоп для стрелковой цепи*, хотя и короткий, с загнутыми флангами „для поддержки соседей“.

Правда, в проектах Г. Г. Невского указывается, что эти фланги или фланки (как их прежде называли) составляют „дополнительную“ длину окопа, сверх той, которая нужна для фронтального огня 5—7 стрелков. Но не все ли равно?! Спрашивается: какую силу огня могут дать 2—3 стрелка в теперешней борьбе пулеметов?!

Основной недостаток проектов Г. Г. Невского, который лишь приводит в систему многие другие проекты в таком же роде, заключается в том, что все они упускают из вида двоякое или даже троякое огнестрельное оружие современной пехоты: ручной пулемет, автомат и винтовка.

Притом в современно недостаточном размере считаются со значительными преимуществами автомата, а, в особенности, ручного пулемета перед винтовкой, как огнестрельным оружием преимущественно для одиночного боя на дистанциях прямого выстрела.

В этом смысле все упомянутые выше проекты несовременны и представляют отражение старой тактики и старой фортификации.

Если мы учтем указанное различие в свойствах и назначении современного оружия пехоты, то, во-первых, сделается достаточно очевидным, что нельзя равнять пулеметы и автоматы со стрелками, а также давать пулемету, в каждом случае, обстрел только по „важнейшему“ направлению.

Кто и как может определить заранее это важнейшее направление в маневренном бою? Да и можно ли вообще специализировать пулемет на одном или другом направлении, когда он с успехом может обстреливать площадь, т. е. несколько направлений или целый небольшой рубеж.

Из того же неизбежного разделения пехоты на несколько „родов оружия“ следует, что надо считаться с особенностями обслуживания некоторых из этих родов оружия, а, именно, пулеметов.

Звено с ручным пулеметом имеет совсем иную организацию, чем стрелковое. В нем разделение труда проведено несравненно глубже, чем в стрелковом, где могут быть только стрелки, гранатометчики, да разве еще, подносчики патронов.

В пулеметном звене есть наводчик и его заместитель; есть номера, исполняющие определенные обязанности; есть подносчики патронов; есть и стрелки, но не для усиления огня пулемета, а для разведки и охранения в бою.

Можно требовать, чтобы каждый стрелок в пулеметном звене был научен всем обязанностям, от наводчика до подносчика патронов, включительно, но в бою каждый из них будет все же исполнять только одни, определенные обязанности, по своему номеру, а потому равнять их не приходится. Не нужно, стало-быть, и располагать их непременно в одну линию в „нормальном“ окопе.

Другой крупный недостаток проектируемых „фортификационных укреплений“, как всяких вообще линейных окопов, заключается в *трудности их маскировки.*

Новая тактика выдвигает тезис: в бою хороши только такие закрытия, которые незаметны.

Между тем, если мы себе представим „фортификационное укрепление“ из сети закругленных, линейных окопов с ходами сообщения, да, к тому же, еще обычной у нас профили, то получим картину, которую совсем не трудно запечатлеть на воздушной фотографии, не говоря уже о трудности замаскировать сколько-нибудь значительную отрывку земли от простого, наземного наблюдения.

Окопы прежней профили в современном бою можно строить только в лесу и в кустах, в остальных случаях требуется особая, искусственная маскировка, недостижимая в маневренном бою.

Вот почему окопы этой профили, хотя бы и короткие, не годятся не только для пулеметных, но и для стрелковых звеньев.

Кажется вполне естественным устраивать такие окопы для стрелков. Но нужно хорошенько разобраться в этой естественности.

Фортификация или, по просту, закрытие для стрелков (я умышленно не говорю окопы) должно быть отражением современных боевых построений.

Нам на это могут сказать, что стрелковая цепь не упразднена, по крайней мере, для звена.

Это верно. Но сперва надо ответить на вопрос: *какая цепь не упразднена и всегда ли звено должно быть в цепи?*

Дело в том, что во всех современных иностранных уставах (по крайней мере, в немецком, французском, а, стало быть, и в польском) ныне подчеркивается, что цепь, для лучшего применения к местности, в большинстве случаев должна иметь некоторую глубину. По местным и другим условиям даже не все люди могут быть в цепи, некоторые останутся временно позади, чтобы не обнаруживать без крайней надобности всего расположения. Что же касается до второй части поставленного вопроса, то вполне очевидно, что звено не всегда должно быть в цепи.

Напротив, основным построением для стрелкового звена надо считать не цепь, а змейку (гуськом).

Таким образом, линейный стрелковый окоп, как „нормальный“ тип закрытия, не годится.

Но может быть он годится для обороны или вообще для таких случаев, когда *все* стрелки должны открывать огонь?

Остановимся подробнее: сперва на обороне, потом на атаке.

В обороне, как сказано, сплошные, хотя бы и короткие окопы нормальной профили годятся только там, где есть хорошая естественная маскировка: лес, кусты, несжатый хлеб, высокая трава, да и то надо замаскировать отрывку.

На более открытой местности в позиционной войне можно искусственно замаскировать окопы.

В маневренной этого сделать не придется.

В этой войне естественная маскировка приобретает совершенно особое значение.

Надо пользоваться каждой кочкой, каждой ямкой, каждым незначительным кустиком. *Линейный окоп для такого тщательного применения к местности не годится.*

По старой тактике, которая сохранялась до мировой войны, в обороне приходилось отсиживаться в окопах под артиллерийским огнем. Поэтому нужны были сплошные окопы глубокой профили, с санитарными и хозяйственными приспособлениями.

Теперь рекомендуется выводить людей в местные укрытия или в убежища на время сильного артиллерийского обстрела, а, главное, не вводить раньше времени, выдерживая на своих участках, но не в окопах, а в этих закрытиях и убежищах.

При таких условиях насущная надобность в глубоких, сплошных окопах, с разными усовершенствованиями в значительной мере отпадает.

Таким образом даже в оборонительном бою, в маневренной войне, линейные окопы прежнего начертания перестали удовлетворять современным требованиям.

Еще в меньшей степени они могут удовлетворять этим требованиям в наступательном бою.

В этом бою назначение окопов еще более скоротечно, а тщательное применение к местности и естественная маскировка еще нужнее.

Огневой бой с дистанций стрелкового огня в наступательном бою ныне ведут не стрелковые звенья, а пулеметы и отдельные лучшие стрелки. Для них и нужны закрытия, которые, конечно, не следует делать в виде линейных окопов с закруглениями.

Стрелковые звенья в этот период боя должны по возможности незаметно продвигаться к противнику, пользуясь местными закрытиями и не ввязываясь в стрелковые состязания с пулеметами противника. В большинстве случаев они будут продвигаться в змейках неправильного вида (не в затылок), с растяжкой в глубину. На местах остановок, даже в укрытых местах (в лощинах) они будут устраивать для себя закрытия, но эти закрытия также не могут иметь вида линейных окопов, хотя бы короткого протяжения.

Поддержки и более глубокие резервы, при сближении с противником, всегда пользовались и будут пользоваться закрытиями, оставленными передовыми частями. Но если эти закрытия будут иметь вид линейных окопов, плохо замаскированных, то их придется избегать, как всяких рубежей, по которым противник может легко пристреляться.

Итак, в маневренной войне надо отказаться от линейных окопов как нормального типа стрелковых закрытий.

Вообще, не увлекаться „фортификационными укреплениями“ и даже простыми окопами нормальной профили, а выработать другие типы закрытий, более отвечающие приемам современного пехотного боя.

Я позволю себе высказать даже мнение, что некоторые из современных проэктов полевой фортификации не только не помогают, но затрудняют обучение.

Нечто подобное было в старой армии с разными приемами ползания: по пластунски, по тюленьи и т. п., притом на плацу. Эти приемы не только не научали подкрадываться к противнику, но вредили делу. Англичане в своем новом уставе очень метко подчеркнули, что приемы подкрадывания вовсе не должны составлять предмета какой-то мудреной науки: эту „науку“ знает отлично каждый дикий зверь. Надо ясно поставить задачу, и люди естественно сделают, что нужно, если они не сбиты с толка „обучением“.

Я думаю: если взять десяток толковых молодцов и сказать им, чтобы они сделали для себя стрелковые закрытия, незаметные для противника, но достаточные для защиты от пуль и шрапнели, то они сделают, приблизительно, что надо. Но нужно позаботиться, чтобы они перед этим не знали никакой фортификации.

После всех этих, довольно смелых рассуждений меня, вероятно, спросят, какую же „фортификацию“ я сам признаю наиболее современной, если отрицаю, как нормальные, окопы даже для звеньев?

Попробую дать ответ.

Стрелковые закрытия в маневренном бою должны отражать современные строи и движения. Они должны отвечать современному вооружению.

Как в оборонительном, так и в наступательном бою нужны, прежде всего, закрытия для пулеметов и автоматов. Они составляют остов всякой стрелковой позиции и всякого стрелкового расположения, считаясь с тем, что в наступательном бою, вообще, не нужно стремиться к занятию первой, второй и других стрелковых позиций, как учили в старой тактике.

Исходя из этих положений и из всего того, что было сказано выше, я полагаю, что нормальным стрелковым закрытием в маневренном бою должны быть *не окопы, а стрелковые ячейки* или *стрелковые ямы, тщательно примененные к местности, сближенные и удаленные, поставленные рядом или одна за другой, смотря по потребности, но без всякого линейного равнения.*

Для ручного пулемета надо иметь яму на месте с достаточным обстрелом и, сверх того, в обороне—убежище.

При этом пулемете все должны быть на своих местах, по специальности: при самом пулемете надо иметь начальника (командира звена), наводчика и его заместителя, но и то командир звена может быть несколько в стороне. наблюдатель будет в стороне; один—два подносчика сзади; стрелки на флангах, несколько впереди. Каждый сделает для себя незаметную издали яму на наиболее подходящем месте и непременно ее замаскирует.

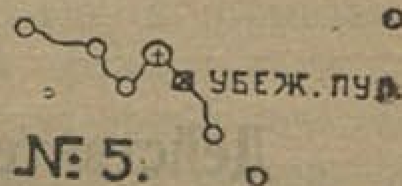
В наступательном бою, пожалуй, больше ничего не потребуется, да и не будет времени для других земляных работ.

В оборонительном бою надо сделать убежище для пулемета и для патронов, а также необходимые участки ходов сообщения.

Но эти ходы сообщения не следует отрывать прежней нормальной профили и располагать изломанными правильными линиями. Их надо делать по кривым линиям, тщательно примененным к местности, небольшой глубины, достаточной для ползания. Для раненых сделать убежище.

Все расположение получит, приблизительно, такой вид: (*схема № 9*)

Для стрелкового звена общий вид будет зависеть от его положения в движении или на остановке для огня.

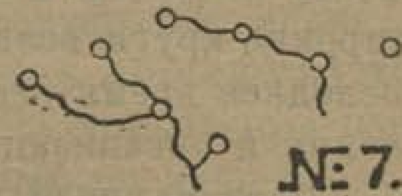

В первом случае нужно закрытие для змейки (*схема № 6*).

Во втором—закрытие для подобия стрелковой цепи (*схема № 7*).

В обоих случаях дозоры и лучшие стрелки могут быть впереди или в стороне в отдельных ямах.

Для автомата надо иметь, в особенности в обороне, такие же закрытия, как для пулемета. При нем должны быть только двое: автоматчик и его заместитель.

№ 6.

Широкое применение должны получить:

1) ложные окопы, для чего только и годятся прежние окопы без тщательной маскировки, по некоторым современным проэктам;

2) разного рода убежища, в виде срезанных обратных скатов или *узких* и покрытых сверху маскировкой щелей.

Предлагаемые здесь типы закрытий имеют, конечно, не мало недостатков с точки требований фортификации, но они имеют неоспоримые преимущества в свободе расположения, в тщательности применения к местности, в маскировке и в быстроте и простоте устройства.

Между тем, именно эти требования и пред'являет современная тактика.

Их можно усовершенствовать, но возможность этого усовершенствования будет уже зависеть от наличных естественных закрытий или от наличных средств маскировки. Такого усовершенствования нельзя достигнуть одной отрывкой земли по правилам фортификации. Таковы, как мне кажется, основы современных стрелковых закрытий, с которых и надо начинать, как при действительных работах, так и при обучении.

Одновременно надо обучать:

1) тщательнейшему применению к местности, чтобы уметь использовать каждое незначительное закрытие и, в то же время, не изменять вида местности, как со стороны противника, так и сверху;

2) маскировке подручными средствами: травой, ветвями, дернинами, землей; полезно обучать устройству искусственных пней и кочек и т. п.

В общем, как мне кажется, для всех этих работ нужны не образцы фортификации, к тому же устарелые, а здравое понимание свойств современного оружия и современной тактики пехоты.

А затем нужны, конечно, *лопата и топор*.

Вот почему я их и поставил в заглавии этой небольшой статьи, не упоминая в нем ни об укреплениях, ни об окопах.

Р. Башинский.

Действительность артиллерийского огня

Период строительства и восстановления экономической жизни страны, который мы переживаем, естественно выдвинул на передний план вопрос о научной организации работы или труда. Прежде всего, конечно, он был поставлен в порядок дня в промышленной, транспортной и др. хозяйственных областях государственного механизма, а затем, постепенно, он стал охватывать все более и более широкие круги всякой организации и управления, в том числе в последнее время стал дебатироваться и в отношении военного управления и организации *).

Цель научной организации работы можно в нескольких словах охарактеризовать так: достичь наибольшего результата при минимальной затрате времени, материальных средств и сил.

Что касается артиллерии, то ее основная работа—стрельба, долго носила характер чисто кустарной организации: при выполнении этой работы пользовались весьма примитивными приемами, почти вовсе не основанными ни на каких расчетах и имеющими малоорганизованную форму—направление орудию придавалось грубо, „на-глаз“, по телу, углы возвышения у первобытных орудий даже не менялись, а бросание снаряда на различные дистанции достигалось изменением порохового заряда приблизительно „мерою“ (а не весом) в известных пределах; потом стали изменять углы возвышения при постоянном заряде, но не непрерывно, а „скачками“, подкладывая под казну орудия клинья или под дуло орудия подушки нескольких определенных размеров; снарядами обстреливали большие площади, стараясь наугад настичь преследуемую или поражаемую цель. Лишь после настойчивой многовековой работы мысли множества конструкторов, изобретателей и ученых появляются постепенно плавно действующие под'емные и поворотные механизмы и прицелы, обеспечивающие точность и быстроту наводки даже на очень далекие расстояния (напр., оптические прицелы), а также приборы для точного

*) См., напр., статьи, посвященные этому вопросу, в сборнике 22 и 23 журнала „Р. и В.“. *Р. Б.*

ориентирования орудия даже по невидимой цели; затем появляется теория пристрелки, обоснованная математическими законами (теорией вероятностей, вероятными отклонениями, законами рассеивания выстрелов), и, наконец, в последнее время подготовка стрельбы ведется уже с наиболее тщательным учетом топографических, атмосферических и баллистических условий момента, допуская открытие огня сразу на поражение без затраты времени и боевых припасов на пристрелку (экономия боевых припасов и внезапность действия).

Кроме того, усилия конструкторов постоянно были направлены еще и в сторону усовершенствования самой конструкции орудий, снарядов и трубок, а также и свойств порохов и взрывчатых веществ, преследуя цели улучшения меткости оружия, возможно большего сбережения его и увеличения разрушительного действия отдельного выстрела, а это в свою очередь клонилось к сбережению времени и силе стреляющих и достижению возможно быстрее и легче желаемого результата.

Во всей этой кратко обрисованной эволюции заложены именно элементы научной организации боевой работы артиллерии, так как конечная цель ее заключается в достижении максимума действия с наименьшей затратой сил, средств и времени.

Предметом статьи, предлагаемой вниманию читателей, является попытка осветить один из существенных элементов артиллерийской стрельбы—действительность ее с точки зрения установления норм расходования боевых припасов и указаний к выбору надлежащего калибра и рода орудий для скорейшего и наиболее экономичного разрешения различных задач, выпадающих в бою на долю артиллерии.

Мне не раз приходилось слышать от многих артиллеристов сетования на то, что мы мало знаем разрушительность действия различных наших снарядов при различных условиях и обстоятельствах стрельбы и поэтому мы вынуждены в значительной степени ощупью подходить к вопросу о выборе того или иного снаряда для разрешения поставленной боевой задачи. Также точно стоит и вопрос о подсчете количества боевых припасов, которое нужно иметь в распоряжении для решения определенной боевой задачи.

Действительно, специальных опытов для оценки разрушительного действия снарядов у нас почти не производилось, да и норм для расчета потребного в каждом случае количества боевых припасов не встречается в официальных уставах и наставлениях; не приходилось видеть сколько-нибудь обоснованных и ценных данных ни в одном из справочников и руководств.

Иначе обстоит дело у иностранных армий. В большинстве новейших артиллерийских уставов французских, германских и итальянских, с которыми приходилось знакомиться, имеются либо в специальных главах, либо в виде приложений к уставам весьма обстоятельные и чрезвычайно ценные указания и те реальные данные о действительности снарядов и нормы их расходования, которыми

может руководствоваться артиллерийский начальник при выборе калибра и рода орудия и боевых припасов для разрешения той или иной боевой задачи при разных условиях боевой обстановки, а равным образом и для довольно точного подсчета запаса снарядов, которым надо подготовить для каждой стрельбы в боевых условиях.

Хотя, конечно, все эти данные всецело зависят от специфических балистических свойств каждого орудия, к которому они относятся, равным образом и от свойств снарядов, коих касаются, все же они настолько интересны по существу, а частью касаются орудий, иногда довольно близких по своим данным к соответствующим нашим, что ознакомить с ними широкие круги военных читателей и особенно артиллеристов будет небесполезно.

В одном из приложений к последнему французскому полевому артиллерийскому уставу, посвященном „Сведениям о действительности артиллерийской стрельбы", в самом первом параграфе говорится, что приводимые в этом приложении цифровые данные назначаются для составления планов употребления артиллерии в бою и для расчетов питания ее боевыми припасами, причем делается оговорка, что при этом предполагаются налицо надлежащая подготовка стрельбы и хорошие условия наблюдения.

Приводимые оттуда данные разобьем по рубрикам соответственно выпадающим на артиллерию боевым задачам.

1. Уничтожение неприятельской артиллерии.

а) *Выбор калибра* сообразуется со степенью укрытости неприятельской батареи:

Против открыто стоящих батарей — 75 мм., 105 мм, 145 мм. и 155 мм.; при применении двух последних калибров рекомендуется стрелять исключительно снарядами сталистого чугуна, как наиболее экономичными. Эти снаряды, как проще, дешевле и быстрее изготовляемые, чем стальные фугасные бомбы, были французами широко применяемы во время минувшей войны и ныне они включены в боевые комплекты орудий средних калибров для тех случаев, когда стальные снаряды более действительны, чем этого требует род цели; таким образом, экономика французами введена в военное боевое снаряжение;

против батарей полузакрытых—145 мм. с фугасными гранатами обр. 16 г. (лучший тип снаряда) или 155 мм. (снаряды сталистого чугуна или гранаты обр. В);

против батарей за укрытием средней прочности (небетонированные казематы)—155 мм. с удлиненными гранатами обр. 16 г. или 194 мм.;

против батарей в бетонных казематах—орудия 220 мм. и высших калибров.

б) *Средний расход снарядов*, нужный для уничтожения батареи, растет пропорционально величине вероятного отклонения.

Как общее правило, устав не рекомендует пытаться разрушать батарею на такой дистанции, для которой вероятное отклонение больше 50 мтр.

Ожидаемый средний расход снарядов колеблется в зависимости от дистанции:

для 75 мм. орудий	от 500	до 800
„ 145 мм., 155 мм. длин. пушки	„ 400	„ 500
„ 155 мм короткр. пушки	„ 300	„ 400
„ 194 мм., 220 мм., 240 мм.	„ 200	„ 300
„ 270 мм., 274 мм., 280 мм., 285 мм.	„ 150	„ 200
„ 320 мм., 370 мм.	ок. 100 выстр.	

В отношении разрушения батарейных гнезд устав делает следующие указания:

для разрушения сосредоточивают огонь нескольких батарей по полосе, включающей батарейное гнездо;

каждой батарее дают в виде цели часть обслуживаемой полосы местности, в которой должно заключаться по крайней мере одно из предполагаемых местоположений неприятельских батарей; фронт и глубина полосы, назначаемой каждой батарее, зависят от меткости ее стрельбы или в зависимости от результатов контрольной стрельбы, если эта последняя была произведена.

Обстоятельства, увеличивающие действительность стрельбы:

Большая досягаемость орудия, допускающая косоприцельный огонь.

Внезапность и решительность обстрела, увеличивающие моральный эффект.

Возможность произвести контрольную стрельбу по хорошо известным точкам местности вне полосы, намеченной для обстрела, так как эта поверочная пристрелка даст поправки в данные для подготовки стрельбы.

2. Подавление неприятельской артиллерии.

Предусматривается два способа подавления (или нейтрализации) помощью отравляющих или посредством фугасных снарядов.

Отравляющие снаряды считаются самым могучим средством: при достаточно продолжительном обстреле они могут привести к уничтожению личного состава батареи противника. Прибегать к этим снарядам рекомендуется каждый раз, когда этому благоприятствуют атмосферные условия; правилам применения посвящается дальше специальная глава.

При нейтрализации *фугасными снарядами* рекомендуется начинать сразу энергичным обстрелом, завершая его более медленным обстрелом для удержания противника в его убежищах; всякая попытка неприятельской нейтрализованной батареи возобновить свое действие должна вызывать немедленный энергичный обстрел.

Для возможности осуществления этого начального энергичного обстрела необходимо самым тщательным образом заранее определить

все элементы стрельбы и повертить их, в случае надобности, пристрелкой по боковой или вспомогательной цели.

Плотность обстрела здесь играет первенствующее значение; поэтому рекомендуются наиболее скорострельные типы орудий: 75 мм. или 105 мм.

3. Разрушение проволочных заграждений.

В препятствии из колючей проволоки рекомендуется проделывать широкие бреши, а не узкие проходы

а) *Легкая полевая артиллерия.* Все четыре орудия батареи 75-мм пушек пристреливаются так, чтобы средние точки попадания соседних орудий приходились бы друг от друга на 5—6 метр., что даст брешь шириною около 25 мтр.

Расход снарядов для проделывания бреши в проволочной сети глубиною 15—20 мтр. на горизонтальной местности:

на дистанции	2.500	метров	 600	выстр.
„ „	3.000	„	 700	„
„ „	4.000	„	 800	„
„ „	5.000	.	. . . . . 1.000	„
„ „	7.000	„	. . . . . 1 200	„

При глубине заграждения больше 30 мтр. расход снарядов нужно увеличить на 400 на каждые 30 мтр. глубины сети.

При восходящем к противнику скате местности эти цифры нужно уменьшить. Если местность понижается к противнику, то вышеуказанные цифры нужно помножить на отношение угла падения траектории к разности между этим последним углом и углом ската. Применение уменьшенного заряда, давая больший угол падения, позволит сократить этот повышенный расход снарядов в этом случае. Кроме того, уменьшенный заряд, менее разрушительно действуя на канал орудия, позволит развивать большую скорость огня.

При этом применяется фугасная граната. Выбор же трубки зависит от свойства местности и от дистанции стрельбы: на местности средней твердости и при дистанции не более 4.000 метр. лучшие результаты дает трубка мгновенного действия или без замедлителя; с дистанции 4.000 метр. применяют трубки с замедлением (I. A.) и с большим замедлителем (R. У.); на глинистой, мягкой или взрыхленной почве предпочтительны трубки с малым замедлением, дающие низкие разрывы в воздухе после рикошета.

б) *Минометная* (*траншейная*) *артиллерия**). Снаряды этого рода артиллерии особенно действительны против проволочных заграждений, если пользоваться трубками без замедления или мгновенного действия.

Обычно применяются 58-мм. и 150 мм. траншейные мортиры, реже 240-мм. миномет.

---

*) По терминологии Французского устава—*легкая артиллерия большой мощности.* (A. L. G. P.)

Расход снарядов для прорыва шириною 40 метр. в заграждении глубиною 30 метр. почти одинаков для обоих орудий: 200—250 бомб.

Дистанция и уклон местности почти не оказывают влияния на расход снарядов, поэтому эти орудия предпочтительно применяются для разрушения заграждений на контр-скатах. При отсутствии наблюдения обстреливают полосу, рассчитывая на гораздо больший расход снарядов.

в) *Тяжелая артиллерия* применяется только против проволочных препятствий, против которых бессильна легкая или траншейная артиллерия—либо из-за укрытия заграждения, либо ввиду значительной дистанции до него.

Устав рекомендует пользоваться только 155-мм. калибром и притом 155-мм. длинной пушкой только для разрушения заграждений с очень дальних дистанций.

Распределяя огонь орудий батареи также, как это указано для легкой артиллерии, при расходе в 200 удлиненных гранат или в 300 снарядов сталистого чугуна получают прорыв заграждения шириною в 20—25 метр., производя вместе с тем и разрушение окопов непосредственно позади заграждения

На дистанции 6.000 метр. нужно 300 удлиненных или 400 сталистых снарядов для такого же прорыва; на дистанциях между 10.000 и 11.000 метр. расход снарядов будет почти вдвое больше.

4. Разрушение засек.

Калибры и расход снарядов—такие же, как и при разрушении проволочных заграждений, двойной глубины, сообразно с укрытием и дистанцией. Трубка без замедлителя; фугасная бомба.

5. Разрушение пулеметных убежищ.

а) *Легкая артиллерия*, неспособная разрушать, вообще, подобных убежищ, кроме имеющих настил в один ряд кругляков, разрушает пулеметы прямыми попаданиями фугасных гранат с трубкою без замедлителя в амбразуры убежищ.

б) *Тяжелая артиллерия.* Особенно рекомендуются 155-мм. короткая пушка, 220-мм., 270-мм. и 280-мм. мортиры.

Исходя из расчета попадания двух фугасных (удлиненных или сталистого чугуна) снарядов пушечных в убежище из тройного ряда кругляков или мортирных в убежища более прочные, устав дает для достижения этого результата расход 70—80 выстрелов из орудий указанных выше калибров или 80—100 выстрелов из 155-мм. длинной пушки, причем, однако, оговариваясь, что последняя пушка применяется в виде исключения и обязательно при уменьшенном заряде для получения надлежащего угла падения.

в) *Минометная артиллерия.* Траншейные орудия могут разрушать пулеметные убежища, пользуясь снарядами с трубками с замедлителем:

Расход снарядов:

200 бомб 58-мм. мортиры с дистанции около 800 метров.
300 " " " " " 1.200 "
200 " 150 мм. " " " 1.500 "
175 " 240 мм. " " " 1.500 "

Слой земли более 3 метр. толщиною над покрытием убежища требует применения исключительно 240-мм. бомб.

6. Разрушение окопов.

а) *Легкая артиллерия.* Фланговый или косоприцельный огонь 75-мм. пушки с больших дистанций уменьшенным зарядом при больших углах возвышения по 10-ти фугасных гранат на каждый погонный метр окопа дает значительный результат.

б) *Тяжелая артиллерия.* Наиболее рекомендуемый калибр—155 мм. короткая пушка; подвергать разрушению не весь окоп, а лишь наиболее важные его пункты: ходы сообщения, командирские убежища, месторасположения пулеметов, фланки и т. п.

Масштабом для примерного расчета расхода снарядов может служить указание устава, что при дистанции, близкой к 5.000 мтр., достаточно выпустить по 80—100 удлиненных 155-мм. снарядов из короткой пушки по каждому из этих пунктов при хорошем наблюдении.

При фронтальном обстреле окопа рекомендуется выбор этих пунктов приблизительно на расстоянии 30 мтр. друг от друга (при фланговом обстреле это расстояние следует удвоить), чтобы разрушить окоп при следующем среднем расходе снарядов на погонный метр:

5 удлиненных фугасных гранат с замедлителем при фронтальном обстреле.

3 таких же снаряда при фланговом огне.

Расход снарядов сталистого чугуна надо увеличить на четверть.

Сооружения особенно прочные, с глубокими или бетонированными убежищами требуют обстрела снарядами крупных калибров с трубками с большим замедлением (220 мм. и выше).

в) *Траншейная артиллерия.* Устав рекомендует те же правила, как и выше и применение снарядов с трубками с замедлителем.

Расход снарядов на 100 погонных мтр. окопа для полного разрушения:

Род снаряда.	Дистанция.	Количество снарядов при обстреле.	
	Мтр.	Анфиладн.	Фронтальном.
58-мм.	800	350	800
"	1.200	450	1.000
150-мм.	1.500	350	700
240-мм.	1.500	100	250

7. Разрушение долговременных фортификационных сооружений.

Бетонные сооружения разрушаются по частям обстрелом из гаубиц и мортир калибров 280—400 мм. фугасными снарядами с донными трубками с замедлителем.

Рвы берутся под анфиладный обстрел из средних и крупных калибров (155-мм. длинная пушка, 240-мм., 320-мм.), направляя огонь на отлогости эскарповых или конт-эскарповых стенок фугасными гранатами с максимальным разрывным зарядом и с трубками с замедлителем, стремясь произвести обвалы стен изнутри.

Приемы разрушения *земляных насыпей* на покрытиях—те же, что и при разрушении окопов, пользуясь 155-мм. короткими или длинными пушками, в зависимости от дальности стрельбы. Трубки с замедлителем.

Проходы и подступы обстреливаются снарядами малых и средних калибров с дистанционной установкой или на удар, с трубками мгновенного действия.

Расход снарядов в таблице:

Цели.	Калибры.	Количество выстрелов.
Убежища под валами, наблюдат. пункты, орудийные казематы . .	200—400 мм.	100 выстр. на каждую цель при дистанциях меньше 9 клм. 150 выстр. при больших дистанциях.
Каменные казармы, большие промежуточные убежища	280—400 мм.	От 150 до 200 выстр. на каждую цель, в зависимости от того, меньше или больше 9 клм дистанция.
Броневые башни . .	320 мм., 370 мм., 400 мм..	150 выстр. на цель.
Бронированные батареи .	320 мм., 370 мм., 400 мм.	400—500 выстр.
Бетонные казематы	280—400 мм.	100—150 выстр. на каждый каземат при анфиладном обстреле.
Рвы	155 мм. дл. п., 240 мм., 320 мм.	150 выстр. на ров при анфиладном обстреле.

8. Разрушение населенных пунктов.

Под это понятие подведены следующие задачи:

Разбитие сводов подвальных помещений.

Разрушение домов.

Разрушение строительных работ, производимых противником.

Подвальные своды разрушаются обстрелом из гаубиц или мортир (270-мм., или высших калибров) фугасными снарядами с большим разрывным зарядом и с трубками с замедлителем.

При очень прочных сводах предпочтительнее пользоваться полубронебойными снарядами с донными трубками с замедлителем, по крайней мере для начала обстрела.

Разрушение построек со сводчатыми подвалами надлежит начинать с разрушения сводов во избежание образования защиты под сводами из обломков самих строений.

Разрушение жилых построек производится фугасными снарядами с трубками с замедлителем (155-мм. коротк. и 155-мм. длин. пушки, 220-мм. и 270-мм. мортиры).

Специальные работы противника разрушаются приемами, подобными указанным для разрушения окопов и убежищ.

Расход снарядов в таблице:

Цели.	Калибры.	Расход снарядов на 100 кв. мтр. группы домов *).
Своды . . .	270—400-мм.	4 выстр.
Дома . . .	155- 270-мм.	4 выстр.

9. Помеха восстановительным работам.

Если перед атакою приходится из-за трудности наблюдения произвести перерыв стрельбы на разрушение, то выдвигается необходимость озаботиться, чтобы противник не мог воспользоваться этим перерывом для восстановительных работ в произведенных разрушениях при подготовке атаки. Для этой цели полосу разрушенных оборонительных сооружений систематически обстреливают залповым огнем с неправильными промежутками между залпами из орудий малых калибров (75-мм., 105-мм.) гранатами с трубками мгновенного действия на удар или с дистанционной установкой (гранатою или шрапнелью).

Расход снарядов—ок. 300 выстр. на каждые 1000 мтр. фронта, подвергаемого обстрелу, в течение каждых 12 час.

10. Разрушение рельсовых путей сообщения.

Важнейшие пункты, подвергаемые обстрелу для разрушения коммуникации:

Искусственные сооружения (мосты и пр.).

Насыпи.

*) Но не общей поверхности населенного пункта. *Р. Б.*

Путевые здания (водонапорные башни, блокировочные посты).

Снаряды—фугасные гранаты с большим разрывным зарядом и с трубками с замедлителем.

Затрудняясь дать общие указания о расходе боевых припасов, устав предоставляет определять их в каждом конкретном случае сообразно с обстоятельствами.

11. Заградительный огонь по путям сообщения.

Сообразуясь с дистанцией, применяются пушки—75-мм ,105-мм., 145-мм., 155-мм. и 155-мм. большой мощности системы Филю; на данной дистанции берется наименьший калибр из числа пригодных для этой дистанции.

Лучше прибегать к анфиладному огню или косоприцельному под очень острым углом.

Днем заграждение обеспечивается неослабностью наблюдения (наземного или воздушного) при обязательном дежурстве батарей, готовых в любой момент открыть огонь по указанию наблюдателя.

Ночью заграждение данной дороги или перекрестка их поддерживается залповым обстрелом или шквалами через нерегулярные промежутки времени, расходуя около 80 выстр. в час.

12 Стрельбы сопровождения и заградительный огонь (завесы).

Устав приводит целый ряд цифровых данных, которые должны ложиться в основу при расчетах и организации этого рода стрельб, т. е. подвижной огневой завесы (стрельбы сопровождения) и неподвижной огневой завесы (заградительные стрельбы). Воспроизводим их ниже.

Ширина снопа действительных по живым целям осколков 75-мм.
гранаты с установкою на удар (с рикошета) . . . . . . ок. 15 мтр.
гранаты при дистанционной установке трубки . . . . „ 20 мтр.
шрапнели „ „ „ „ . . . . „ 20 мтр

Скорость огня из 75-мм. орудия:

Обычный темп огня – 6 выстрелов в мин.; его можно увеличивать лишь в самых исключительных случаях и то лишь для самых кратковременных обстрелов;

При обстрелах длительностью более 5 мин. скорость огня должна быть уменьшена для сбережения канала орудия и всей системы.

При уменьшенном заряде скорость огня допускается вдвое больше вышеуказанной максимальной нормы.

Зона безопасности. Глубина зоны безопасности позади линии обстрела из 75-мм. пушки *при горизонтальной* местности в зависимости от дистанции стрельбы колеблется в пределах, указываемых в нижеприводимой таблице.

1) При подвижной огневой завесе (стрельбе сопровождения):

СНАРЯДЫ.	Дистанция мтр.	Зона безопасности мтр.
Фугасная граната на удар . .	2.000	200
	5.000	250
„ „ при дистанц. разрыве .	2.000	200
	5.000	350
Шрапнель при дистанц. разрыве	2.000	200
	5.000	300

2) При заградительном огне (неподвижная огневая завеса):

Цифры те же, кроме стрельбы гранатою на удар, при которой зона безопасности может считаться ок. 50 мтр. (дистанция разлета назад большей части осколков, от которых пехота, вообще, во время заградительных стрельб укрыта).

Если местность к противнику повышается, то при ударной стрельбе указанные цифры понижаются; наоборот, если местность понижается по направлению к противнику, то вышеприведенные цифры нужно увеличить, в особенности при дистанционной стрельбе шрапнелью на малых дистанциях.

В случае ската к противнику полезьо употреблять уменьшенный заряд или увеличивать дистанцию стрельбы, чтобы увеличить угол падения, а при устройстве неподвижной огневой завесы прибегать к анфиладному огню. К этому же роду стрельбы следует прибегать и тогда, когда расстояние между окопами своими и неприятельскими меньше глубины зоны безопасности, обусловленной для фронтального обстрела.

При неподвижной завесе с анфиладным обстрелом зона безопасности позади средней точки как при ударной, так при дистанционной стрельбе, колеблется в пределах, приводимых в нижеследующей таблице:

СНАРЯДЫ.	Дистанция стрельбы мтр.	Зона безопасности мтр.
Фугасная граната	2.000	80
	5.000	120
Шрапнель	2.000	60
	5.000	80

Плотность огня при подвижной огневой завесе должна развиваться максимальная, допускаемая материальной частью, и в соответствии с продолжительностью атаки. При атаке укрепленной полосы достаточно действительная подвижная огневая завеса получается при плотности не менее 2-х выстр. в мин. на каждые 15 мтр. атакуемого фронта.

На местности мало укрепленной часто допустима меньшая плотность огня, принимая в соображение осколочное действие фугасных гранат, рвущихся после рикошета.

Неподвижные огневые завесы различаются большой и малой плотности; под последним понятием разумеют обстрел плотности не менее 2-х выстр. в мин. на 15 мтр. фронта.

Дымовые завесы (для ослепления наблюдательных пунктов и т. п.) достигаются благодаря наличию в комплекте французской полевой артиллерии двух родов специальных дымородных снарядов:

1) снаряд № 3—с фосфором,
2) снаряд O. C. S. *)—снаряженный нефтью и сернистым хлороводородом.

Снаряды № 3 дают белое и довольно стойкое облако дыма, в сфере которого сильно затрудняется управление войсками или танками; снаряды O. C. S. дают облако менее плотное (и более летучее), чем предыдущие, и поэтому не настолько расстраивающее возможность видеть свои войска на некотором расстоянии.

В силу этих свойств снаряды № 3 преимущественно употребляются для ослепления наблюдательных пунктов, центров сопротивления, органов фланкирования и вообще тогда, когда нужно преградить возможность наблюдения у неподвижной цели, в районе которой не предвидится в скором времени движения своих войск. При устройстве же неподвижных заградительных завес, напротив, применяются только снаряды O. C. S.

Атмосферная влажность благоприятствует образованию облака; неровности почвы и растительность, ее покрывающая, помогают облаку дольше задерживаться в месте образования (особенно при снарядах № 3).

На почве малой твердости снаряды O. C. S. действуют надежнее, чем снаряды № 3.

Ветер быстрее рассеивает облако от снарядов O. C. S., чем от снарядов № 3.

Дымородные снаряды нужно стараться заставить рваться на воздухе, поэтому их снабжают ударными трубками с замедлителем, когда почва обеспечивает надежный рикошет, и трубками для дистанционной установки во всех остальных случаях.

Расход снарядов из 75-мм. пушки для образования дымовой завесы на фронте в 200 мтр:

РОД СНАРЯДА.	Количество в 1 час. при ветре скоростью:	
	до 3 мтр. в сек.	от 3 до 8 м. в сек.
Снарядов № 3	500	800
Снарядов O. C. S.	500	1.000

*) Obus chlorhydrine sulfurique.

При ветре над почвою скоростью больше 8 мтр. в сек. употребление снарядов O. C. S. не дает результатов; со снарядами же № 3 иногда можно достичь хороших результатов даже при ветре до 9 мтр. в сек., выпуская не менее 1000—1200 шт. в час.

При ветре вдоль фронта, перед которым нужно образовать дымовую завесу, берется поправка направления в сторону, откуда дует ветер (в случае сильного ветра—свыше 5 мтр. в сек.—не слишком большая, так как при этом ветре все равно облако быстро рассеивается).

При действии против наблюдательных пунктов, центров сопротивления и фланкирующих частей полезно начать с быстрого обстрела *отравляющими снарядами* *), чтобы принудить противника надеть противогазы (маски), которые уже сами по себе затруднят ясное видение, потом быстро выпустить 40 снарядов для образования дымовой завесы и эту последнюю уже поддерживать методичным обстрелом **). Если возможно, полезно помощью воздушного наблюдателя проверять отсутствие просветов в облаке ***).

Если при стрельбе сопровождения имеют в виду дымовою завесою прикрыть движение своих атакующих войск или танков (бронемашин), то применение отравляющих снарядов исключается.

Расход снарядов такой же, как указан в таблице выше.

13. Отравляющие (химические) снаряды и их применение.

Типы отравляющих снарядов. Во французской артиллерии для орудий малых и средних калибров (до 155 мм. включительно) имеется до одиннадцати типов химических или отравляющих снарядов, которые различаются по №№ и с точки зрения способа своего действия все могут быть разбиты на две группы:

1) с кратковременным и немедленным отравляющим действием, с быстрорассеивающимся облаком (№№ 4, 4-bis, 5 и 8); эти снаряды снаряжены жидкостями значительного и немедленного отравляющего действия, с быстрой испарительной способностью, но облако которых быстро же теряет свою интенсивность, быстро рассеивается; и

2) длительно действующие отравляющие снаряды, снаряженные жидкостями, медленно испаряющимися, и поэтому действие их в зараженной ими местности продолжается по мере испарения разбрызганных при разрыве снаряда капелек жидкости иногда в течение нескольких дней.

Снаряды длительного отравляющего действия в свою очередь имеются двух родов:

а) снаряды немедленного действия (№№ 7, 9, 12, 14, 16 и 21), которые имеют значительное слезовыделение даже при образовании облака сравнительно слабой, разжиженной интенсивности, и

б) снаряды замедленного действия (№ 20) с жидкостью злокачественного свойства и трудно распознаваемого по запаху; они

*) См. ниже „Отравляющие снаряды и их применение“ п. „Стрельба на подавление“.
**) Особенно, если стрельба ведется снарядами O. C. S.
***) Особенно при стрельбе снарядами № 3.

на организм оказывают действие не сразу, а лишь по прошествии более или менее значительного промежутка времени после распыления жидкости при разрыве содержащего ее снаряда, вызывая нарывы и язвы по всем кожным покровам тела, а не только на слизистых оболочках, и проникая даже через одежду.

Действие отравляющих снарядов.

1. *Кратковременно действующие* снаряды снаряжены весьма летучими жидкостями, вполне и сразу испаряющимися в момент разрыва снаряда и образующими при этом облако газа, способного произвести смертельное действие; но эта способность (действительность) быстро теряется, так как газ быстро диффундирует с окружающим воздухом, теряя свою нужную для отравления интенсивность (разжижается). Почва в месте разрыва снаряда не пропитывается ядовитой жидкостью.

Размеры облака, образующегося в момент разрыва:

75 мм.	снаряда	ок. 20 куб. мтр.
105 мм.	„	„ 50 „ „
155 мм.	„ сталист. чугуна . .	200 „ „

Если нет встречного ветра, то облако газа имеет стремление опускаться вдоль скатов (под влиянием своего веса). На горизонтальной ровной местности и при благоприятных атмосферных условиях, ядовитое облако действительно на протяжении:

около 50 мтр. . . . . от 75 мм. снаряда,
„ 100 „ . . . . от остальных калибров снарядов.

Местность, обстрелянная кратковременно действующими отравляющими снарядами, становится проходимой без вреда войсками без масок после того, как облако перестает быть заметным стреляющему, что наступает весьма скоро после конца обстрела.

Отравляющие снаряды длительного действия.

а) Снаряды немедленного действия содержат жидкости, испаряющиеся в момент взрыва снаряда только отчасти; образующееся при этом облако газов, вообще, смертельного действия не имеет, но, действуя на слизистые оболочки, вызывает слезотечение или раздражение дыхательных путей и даже обжигание или образование нарывов.

Остальная, большая часть жидкости распыляется и в виде капелек разбрасывается на почву и на окружающие предметы; продолжая затем испаряться, эти капельки усиливают и развивают действие первоначального облака в некоторых случаях в течение даже 12 дней подряд (снаряд № 21).

Размеры поверхностей, обрызгиваемых при разрыве:

75 мм.	снаряда	ок. 5 кв. мтр.
105 мм.	„	„ 10 „ „
155 мм.	„	„ 50 „ „

б) снаряды замедленного действия заключают в себе жидкость (иперит или горчичный газ), которая при разрыве снаряда распыляется, держась долго в виде мелкой пыли в воздухе и садясь капельками на почву и на окружающие предметы.

Слабая испаряемость этой жидкости и стойкость против атмосферических влияний обусловливает большую продолжительность отравляющего действия. В сухую погоду отравляющее действие иперита в зараженной им местности может продолжаться больше 8 дней после разрыва снаряда; во время дождя эта продолжительность действительности ипернтовых снарядов сокращается до 2—3 дней. Эти цифры касаются открытой местности; в защищенных местах длительность действия возрастает.

Безопасное прохождение войск через местность, зараженную ипернтовыми снарядами, возможно только после того, как ветер разнес пыль или образовавшиеся газы, если только во время прохождения снова не вздымается вредоносная пыль от оставшихся на почве или на местных предметах капелек жидкости. Вполне безопасно оставаться в местности, подвергавшейся обстрелу ипернтовыми снарядами можно не ранее, как по прошествии 8-ми дней после конца обстрела, если только местность не подвергалась специальному дезинфецированию.

Действие иперита (его испарений) проявляется на слизистых оболочках и на коже, проникая через одежду, причем действие это проявляется не тотчас после отравления, а вообще обнаруживается через несколько часов и даже дней.

Размеры заражаемой поверхности от разрыва одного:

75 мм. снаряда	. . . . ок.	20 кв. мтр.
105 мм. „	. . . . „	50 „ „
155 мм. „	. . . . „	200 „ „

Условия употребления отравляющих снарядов. Наибольшая действительность отравляющих снарядов всех типов, вообще, проявляется против целей, защищенных от ветра—расположенных в заросли, в низинах, в населенных пунктах и т. п.

1. Действительность снарядов всех типов, кроме снарядов № 20 (ипернтов), в широкой степени зависит от атмосферных условий; при сильном дожде действие их, напр., совершенно ничтожно. Ветер быстро рассеивает образовавшееся при разрыве снаряда облако газа и увеличивает скорость испарения капелек жидкости, разбрызганных по земле или по окружающим предметам, Если ветер у места разрыва снарядов превышает скорость 3 мтр. в сек., то действие отравляющих снарядов самое большое может выразиться лишь в нейтрализации (подавлении) противника: отравляющее действие ничтожно.

2. Действительность снарядов № 20, снаряженных ипернтом, мало зависит от атмосферных условий. Лишь в слабой степени жаркая погода увеличивает действительность; дождь несколько ослабляет длительность действия. Ветер рассеивает пылеобразные

капельки, носящиеся в воздухе, но очень мало влияет на капельки, упавшие на землю, на местные предметы или на растительность.

Обстрел ипритовыми снарядами ночью крайне затрудняет противнику разграничить зараженную зону от зон, не подвергшихся обстрелу, и, кроме того, ночью иприт интенсивнее испаряется и, следовательно, проявляет максимум действительности.

Обстрел на поражение отравляющими снарядами.

Различают:

внезапные обстрелы;
стрельбы на подавление;
обстрелы для заражения местности;
заградительные стрельбы.

1. Внезапные обстрелы, вообще, производятся по живым целям, по целям малых размеров—батареи, узлы окопов, перекрестки дорог, убежища и т. п.

Из орудий траншейной артиллерии отравляющими снарядами производится только этот вид стрельбы.

Основное правило успеха—развить максимальное отравляющее действие прежде, чем противник успел прибегнуть к предохранительным средствам; поэтому для этого рода стрельбы применяются снаряды наиболее интенсивного химического воздействия—немедленно действующие, вводя в дело одновременно для обстрела одного и того же пункта снарядами одного и того же типа такое количество орудий, хотя бы и разных калибров, которое необходимо для достижения действительного обстрела в 2—3 мин. времени.

Расход снарядов на 100 мтр. фронта при ветре не более 3 м.|с.:

75 мм. калибра	200—400
155 мм. „	50—100
58 мм. мортиры	20—50

в зависимости от дистанции стрельбы.

2. Стрельбы на подавление (нейтрализацию) имеют целью моральное и физическое воздействие на людей, не добиваясь смертоносного действия.

Пригодны снаряды всех типов, принуждающие противника к продолжительному пребыванию в противогазах; снаряды № 20, кроме того, заставляют надевать и специальную одежду и принимать другие добавочные меры предосторожности; можно даже заставить противника покинуть свои позиции, зараженные обстрелом.

Для немедленного подавления действуют немедленно и длительно отравляющими снарядами, учитывая степень длительности их действия; при отсутствии же этих снарядов применяются обычные немедленно действующие отравляющие снаряды.

Снаряды № 20 применяются тогда, когда нужна длительная нейтрализация противника, но не внезапная, немедленная, и так как звуковой эффект разрыва снаряда № 20 весьма незначителен, то маски-

ровать обстрел включением в каждый залп и обыкновенных фугасных снарядов, которые к тому же увеличивают район действия снарядов № 20, разрыхляя почву и разбрасывая во все стороны отравленные частицы земли и осколки.

Действительность обстрела отравляющими снарядами какого-бы то ни было типа увеличивается если в эти обстрелы включить несколько очередей или залпов фугасными снарядами или шрапнелью с целью поражения противника, выходящего из своих укрытий, чтобы покинуть зараженную местность.

Устав дает как норму для продолжительности стрельбы на поражение — 4 час. обстрел по меньшей мере и для этого периода при ветре не более 3 мтр. в сек дает на фронт протяжением в 100 мтр. следующий

расход снарядов всех типов, кроме № 20:

из 75 мм. орудия 500
„ 105 мм. „ 300
„ 155 мм. „ 200

Расход снарядов № 20 на каждые 100 мтр. фронта в зависимости от дистанции стрельбы и других условий обстрела колеблется в пределах, указываемых в нижеприводимой таблице:

КАЛИБРЫ.	Дистанция метр.	Количество снарядов.	Примечание.
75 — мм.	4.000	500—1 200	Меньшие цифры расхода снарядов относятся к стрельбе со среднею точкою попадания, находящеюся не далее одного вероятного отклонения от цели. Большие цифры количества снарядов потребуются при обстреле полосы глубиною в одну вилку.
	7.000	1.000—2.400	
105 — мм.	7.000	400— 900	
	10.000	800—1.800	
155 — мм. сталистого чугуна.	9.000	100— 225	
	13.000	200— 450	

3. Обстрелы для заражения местности, чтобы заставить противника очистить желаемую местность (полосу) или произвести отравление людей, с успехом ведутся снарядами длительного и злокачественного действия (иперитовыми).

Расход снарядов по полосам малой площади тот же, что и при стрельбах для подавления снарядами № 20 (см. только что приведенную таблицу).

По целям большой площади расход снарядов вычисляется сообразно с размером заражаемого пространства, исходя из расчета, что 1 снаряд нужно в зависимости от калибра для заражения нижеследующих площадей:

75 — мм. калибра . . . . ок. 20 кв. метр.
105 — мм. „ . . . . „ 50 „ „
155 — мм. „ . . . . „ 200 „ „

Если заражение намеченного пространства желательно поддерживать и далее после обстрела, то расход снарядов в дни, последующие за периодом нормального действия первого обстрела, определяется ежедневно в $^1/_8$ первоначального в сухую погоду и от $^1/_3$ до $^1/_2$— в дождливые дни.

Ввиду большого расхода припасов, вызываемого подобными стрельбами, употребление иперитовых снарядов устав рекомендует только в исключительных случаях, когда, напр., нужно сделать недоступным значительный район, особенно удобный для устройства наблюдательных пунктов.

4. Заградительные стрельбы отравляющими снарядами имеют целью преграждение проходов или неизбежных пунктов остановок для войск противника, что достигается заражением этих пунктов; поэтому производство стрельб и расход снарядов те же, что и в предыдущем параграфе 3.

Условия безопасности для своих войск при стрельбах отравляющими снарядами в некоторых случаях должны быть предметом особого внимания.

Устраивать заградительную отравляющую завесу на выжидательной позиции рискованно, если свои войска находятся с подветренной стороны на расстоянии, меньшем 1.500 метр. от средней точки падения своих снарядов. Если обстрел должен быть исключительной интенсивности или конфигурация местности такова, что благоприятствует перемещению ядовитых газов в сторону своих войск (скат к нашим войскам, узкий проход и т. под.), то наименьшее расстояние до точки обстрела от своих войск должно быть не меньше 2.000 метр.

При ветре в сторону противника эта дистанция может быть уменьшена до предела в 500 метр.; при обстреле из траншейных мортир эти предельные дистанции нужно увеличить на 50%.

Если обстановка требует соблюдения этих условий предосторожности, то начальник, отдающий приказ о выполнении обстрела отравляющими снарядами, одновременно должен поставить в известность об этом и свои войска, коих касается мера предосторожности.

Стрельбы отравляющими снарядами длительного действия выполняются только по распоряжению командования, так как оно должно согласовать могущие получиться при этом затруднения на случай необходимости перемещения своих войск или в случае перемены направления ветра, когда обстреливаемая цель ближе, чем в 1.500 метр. от наших передовых линий.

14. Суточная огневая норма.

Под понятием „суточная огневая норма" (jour de feu) французский устав приводит те опытные исходные цифры расхода боевых припасов в среднем, которые кладутся в основу расчетов при организации питания батарей припасами в бою.

Цифры эти приблизительно меняются обратно пропорционально калибру и до известной степени зависят от начальной скорости снаряда, влияющей на степень или быстроту износа канала орудия.

Значения суточной огневой нормы для некоторых калибров различных родов артиллерии собраны в приводимой ниже таблице:

Род артиллерии.	Калибры и род орудия.	Суточная огневая норма (колич. выстрелов).
Легкая	75 — мм. пушка.	300
Тяжелая	105 — мм. „	150
	155 — мм. кор. пуш.	150
	155 — мм. дл. „	120
	220 — мм. пушка.	100
	280 — мм. „	60
Тяжелая, бол. мощ.	240 — мм. „	60
	270 — мм. бер. пуш.	60
	305 — мм. пушка.	30
	32 — мм. гауб.	50
	340 — мм. пушка.	20
	370 — мм. морт.	50
	370 — мм. гауб.	40
	400 — мм. „	24

Итальянская артиллерия во время минувшей войны во многом пользовалась большой помощью со стороны французских артиллеристов, особенно в области новых методов стрельбы и учета метеорологических данных при подготовке стрельб, когда французские артиллеристы организовали в Альпах для итальянской армии школу, имевшую целью в широкие круги итальянских артиллеристов провести идеи точного учета всех данных, клонящихся к уменьшению расхода снарядов для решения боевых задач. Таким образом напряженность и затяжной характер титанической борьбы народов принудил и итальянских артиллеристов экономию положить в основу своей боевой работы. Это привело к изданию и опубликованию целого ряда руководящих указаний по целесообразному расчету и расходованию боевых припасов в боях. Наиболее полное и снабженное весьма ценными руководящими указаниями такое руководство для артиллерии было в 1917 г. издано командованием III итальянской армии, с содержанием которого полезно ознакомиться, особенно с указаниями общего характера.

К извлечению наиболее интересных данных из этого документа ниже и перехожу, придерживаясь приблизительно того же порядка изложения, какой был принят и в отношении французского устава.

Из общих указаний во вступительной части рукородства нельзя обойти без внимания следующее любопытное замечание. Говоря о том,

что приводимые в руководстве цифровые данные и таблицы расчета снарядов составлены на основании опытов и выводов из них и предполагают стрельбу хорошо направленную и ведущуюся при хорошем наблюдении, что все эти данные суть средние, приблизительные, могущие сильно изменяться вместе с направлением стрельбы по отношению к цели, с дальностью стрельбы и в зависимости от других некоторых обстоятельств, *) все же руководство прямо предупреждает, что если в действительности результаты окажутся значительно отличающимися от даваемых в руководстве, то почти наверное причину этого прежде всего нужно будет искать в самом выполнении стрельбы, а еще чаще—в ошибочности наблюдения.

Руководство прямо заявляет, что как бы велико ни было число выстрелов при плохом ведении стрельбы, эта последняя будет только вызывать бесполезное утомление людей и бесцельное расточение снарядов.

Наконец, для надлежащей действительности артиллерийского огня по артиллерии противника и по расположению противника для надлежащего содействия продвижению своей пехоты руководство требует правильного тактического управления артиллериею, указывая к тому же, что без строго методических приемов она не может всегда действовать так, как это нужно для достижения возрастающей к исходному моменту атаки дезорганизации и деморализации противника, и что без непрерывного контроля ее стрельба лишается меткости, а стало быть и действительности.

1. Борьба с артиллерией противника.

Стремясь в принципе уничтожить батареи противника, артиллерия часто обстоятельствами будет вынуждаться только к тому, чтобы добиваться хотя бы подавления этих батарей.

Для действительности артиллерийской борьбы непосредственное и решающее влияние имеет хорошая работа разведочной и наблюдательной службы, так как борьба с неприятельской артиллерией основывается на точном распознавании ее позиций и местоположений наблюдательных пунктов, а также и на возможно более точном наблюдении своей стрельбы.

Вероятность *уничтожения* неприятельской артиллерии зависит от применяемых калибров, от числа выстрелов и, прежде всего, от меткости стрельбы, а последняя обусловливается точным знанием расположения цели, точным наблюдением при пристрелке и контролем действительности огня. Батарею можно считать уничтоженной, если серьезно повреждены ее материальная часть, боеприпасы и укрытия

*) Напр., в тяжелых и минометных батареях руководство предписывает перед всякой стрельбой снаряды взвешивать и рассортировывать их по весу, а трубки и заряды—по партиям. Каждую стрельбу производить только однородными боевыми припасами, употребляя несортированные боевые припасы только для стрельб, не требующих большой меткости. *Р. Б.*

и телефонная ее связь прервана. Как правило, надо стремиться обычно использовать продольное рассеивание, прибегая к фланговому или очень косому обстрелу, исключая довольно редкие случаи, когда нужно демонстирование путем прямых попаданий в амбразуры (батареи в убежищах или прочных казематах).

Обстрелом *для подавления* добиваются причинить потери в людях, принудить их оставить свои орудия и скрыться в убежища, принуждая таким образом артиллерию на данном участке к молчанию. Тут успех больше кроется в скорости огня, чем в калибре применяемых орудий, и поэтому обстрел нужно всегда начинать с самого энергичного огня, поддерживая его затем с более замедленным темпом, только чтобы удержать противника бездействующим в своих убежищах. Энергичный огонь вновь предпринимается лишь при попытках противника снова возобновить стрельбу из своих орудий.

Чтобы с самого начала обстрела можно было развить интенсивную огневую деятельность, необходимо все элементы стрельбы исчислить заранее, вводя в них лишь поправки по условиям момента начала обстрела. При благоприятных атмосферических условиях применение химических снарядов для подавления может оказаться особенно пригодным (об этом в специальной главе дальше).

Расход снарядов для демонтирной стрельбы приводится ниже в таблице в соответствии с калибрами и дальностями стрельбы, а также степенью укрытия цели:

КАЛИБРЫ.	Род цели.	Дальность стрельбы метр.	Число попаданий в цель.	Общий расход снарядов.
75 м.м. пушка	Открыто стоящая батарея.	3000 5000	2 из 100 2 из 200	600—800
102-мм., 105-мм., 125-мм., 149-мм., 152-мм., 155-мм. пушки, 149-мм. гаубицы . .	Слегка укрытая батарея.	5000 8000	2 из 100 2 из 150	400 600
280-мм., 305-мм. гаубицы, 210-мм. и 260-мм. мортиры, 190-мм., 203-мм., 254-мм. и 305 мм. пушки	Сильно укрытая батарея.	—	2 из 80	250—300 смотря по калибру и дистанции.

2. Разрушение проволочных заграждений и засек.

Общие указания почти дословно те же, что и у французского устава: в отношении необходимости проделывания в заграждении широких проходов, о направлении плоскостей стрельбы каждого орудия батареи, о влиянии на расход снарядов уклона местности, на ко-

торой расположено заграждение, о необходимости тщательного наблюдения за стрельбою, о преимущественном использовании минометного огня, если только дистанция стрельбы это допускает и, наконец, о применении тяжелых калибров только на очень большие дистанции стрельбы

В отношении засек (рогаток) руководство предупреждает, что они трудно поддаются разрушению артиллерийским огнем, но во всяком случае рекомендуется стараться ради действительности и лучшего наблюдения метить в концы рогаток.

Расход снарядов, в зависимости от рода последних, от калибра орудий и дистанции стрельбы с указанием времени, потребного на разрушение, и размеров площади разрушения (в ширину и глубину) приводятся в нижеприлагаемой таблице:

ОРУДИЯ.	Род снарядов.	Дистанция стрельбы метр.	Число выстрелов.	Площадь разрушения кв. метр.	Примечания.
Мином. 58-мм. А и В	Мины в 16 кгр.	400	200	40 × 30	Времени батарее в 3 — 4 орудия нужно 3—4 часа.
» 58 мм. А.	» » 45 »	400	120	40 × 30	
» 240-мм. кор.	» » 87 »	500-1000	1	Диам. 12	
» 240-мм. дл.	» » 67 »	850-2000	1	» 10	
Пушки 75-мм. . .	Фуг. гранаты.	2000-4000	800-1000	25×12 25×20	Одной батарее нужно времени 3·5 час.
» »	Франц. »	2000-4000	500	25 × 12	
» 120-мм. дл.	Стал. »	3000-5000	850	25 × 20	Свыше 5000 метр. дистанция потребует расхода на 1/6 больше.
» 149-мм. . .	Гран. А. Е.*).	3000-5000	700	25 × 20	
» 152-мм. . .	Гран. А. Е.	3000-5000	400	25 × 20	
» 155-мм. дл.	Гран. стал. чуг.	3000-5000	400	25 × 25	
	Стал. гран.	3000-5000	300	25 × 20	
	Удлин. гран.	3000-5000	200	25 × 20	
Гаубицы 149-мм. .	Мин. гран.	3000-5000	200	25 × 20	

Пушки 102 и 105-мм. против проволочных заграждений употребляются в самых исключительных только случаях.

3. *Разрушение пулеметных и минометных убежищ, наблюдательных пунктов и укрытий.*

Эта часть в руководстве разработана мало. Здесь так же, как и во французском уставе указывается на бессилие малых калибров— 65-мм. (горная), 75-мм., 102-мм. и 105-мм. пушек, о которых говорится,

*) С сильно взрывч. веществом.

что они пригодны только для нарушения связи между подобными укрытиями и о попытках из этих орудий попадать снарядами внутрь укрытия через амбразуры и иные отверстия.

Наиболее пригодными считаются короткие орудия средних калибров—149-мм., 155-мм., 210-мм. пушки, гаубицы и мортиры или же, по особенно стойким целям, короткие орудия крупных калибров—240-мм., 280 мм. и 305-мм. минометы и гаубицы.

Длинные орудия средних калибров пригодны также для разрушения этих целей, но применяя стрельбу из них уменьшенными зарядами ради увеличения угла падения.

Расход снарядов руководство приводит в нижеприлагаемой табличке, не считая его, однако, вполне твердо установленным, а подверженным весьма большим изменениям в сторону возрастания вместе с размером цели и дистанцией до нее и, особенно, от условий наблюдения и ведения стрельбы.

КАЛИБРЫ.	Расход снарядов.
65-мм. пушки	Ок. 100 выстр. для 2-х попаданий.
75-мм. „	
102-мм. „	
105-мм. „	
58-мм. минометы	80—100 выстр. до 5000 метр. дистанции, свыше—на $^1/_5$ больше для 2-х попаданий.
120-мм. пушки	
149-мм. пушки	
152-мм. пушки	
155-мм. пушки	
210-мм. гаубицы	
240-мм. минометы	40—80 выстр. для 1—2 попаданий.
260-мм. мортиры	
280-мм. гаубицы	
305-мм. гаубицы	

4. Разрушение окопов и ходов сообщения.

Общие указания относительно слабости фронтального огня из орудий малых калибров, о значительности действительности флангового обстрела из этих же калибров, о предпочтительности орудий средних калибров с уменьшенным зарядом и о бесполезности добиваться полного разрушения окопов по всей линии фронта и доста-

точности лишь разрушения важнейших пунктов их—места расположения пулеметов, командного состава, убежищ, перекрестков фланкируемых частей и т. под.—почти те же, что и во французском уставе и с теми же примерными нормами цифр для расчета расхода снарядов. Те же указания относительно распределения огня при фронтальных и при фланговых обстрелах, причем подчеркивается выгодность и предпочтительность флангового обстрела, в крайнем случае заменяемого косым огнем.

Расход снарядов с указанием их рода приводится в нижеприлагаемой таблице при расчете на 100 метр. фронта разрушения:

КАЛИБРЫ ОРУДИЙ.	Род снарядов.	Число выстрелов на дистанции до 5000 метр.	
Минометы 58—м/м. . .	Бомбы в 16 кгр.	300	
„ „ . . .	Бомбы 29 и 45 кгр.	200	
„ 240—м/м. . .	„ 67 и 87 „	100—150	
Пушки 75—м/м. . . .	Минн. гранаты.	2000	при косом обстреле.
„ „	Франц. „	1000—1500	
„ 102 и 105—м/м. .	—	800—1000	
„ 120—м/м. дл. . .	Удлин. гранаты.	300	при фланговом огне.
„ 149—м/м. . . .	Стальн. „	300	
„ 152—м/м. . . .	Гранаты А. Е.	300	
„ 155—м/м. дл. . .	Стальн. гранаты.	700—800	свыше 5000 метр. расход больше на $^1/_3$—$^1/_2$.
„ „ . . .	Удлин. „	350—400	
Гаубицы 149—м/м. . . .	Минн. „	150	

5. Разрушение строений (насел. пунктов).

Даются очень краткие указания общего характера. Применять преимущественно минометы и артиллерию средних и крупных калибров, начиная с гранатного обстрела (с трубкою с замедлителем), переходя, затем к зажигательным снарядам, а заканчивать опять гранатным огнем. Тяжелые мортиры и гаубицы—против сильно укрепленных препятствий (210—м/м., 260—м/м., 280—м/м. и 305—м/м.), применяя трубку с замедлителем.

Расход снарядов—4 выстрела из орудий не ниже 149—м/м. калибра на каждые 100 кв метра застроенной площади (но не полной площади обстрела). В числе этих 4—один зажигательный.

6. Препятствование восстановительным работам.

Чтобы не дать противнику использовать часто неизбежные из-за недостатка наблюдения перерывы ночью в методических разрушениях

оборонительных сооружений, предшествующих атаке, под покровом темноты для восстановительных работ, руководство рекомендует разрушаемые цели всю ночь держать под нерегулярными, но беспрестанными внезапными обстрелами из орудий малых и средних калибров, применяя как шрапнель, так и гранату.

Такие же обстрелы рекомендуются и днем по законченным задолго до момента атаки разрушениям.

Расход снарядов (шрапнель или граната), применяя 65—м/м.. 75—м/м., 102—м/м., 105—м/м., 120—м/м. и 149—м/м. пушки, 149—м/м. гаубицы, 87 и 149—м/м. мортиры и используя в первую голову малоценные боевые припасы (чугунные снаряды с черным порохом), исчисляется в 100—150 выстр. на каждые 200 метров фронта в течение 12 часов.

7. Разрушение железных дорог.

Никаких данных для расчетов руководство по этому вопросу не дает, ограничиваясь только указаниями на предпочтительные для разрушения части жел.-дорожных линий, а именно:

1) искусственные сооружения (мосты большие и малые);

2) насыпи;

3) станционные сооружения (водонапорные башни, центральные стрелки и т. под.).

Рекомендуется, по возможности, фланкирующий огонь тяжелой или средней артиллерии с дальних дистанций снарядами сильного фугасного действия (149—м/м., 152—м/м., 155—м/м., 190—м/м., 203—м/м., 254—м/м., 280—м/м., 305—м/м.).

Ввиду возможности легко восстановить производимые повреждения, рекомендуется затруднять противнику пользование железною дорогою нерегулярными внезапными обстрелами гранатами и шрапнелями из орудий малых и средних калибров (75—м/м., 102—м/м., 105—м/м., 120—м/м., 149—м/м.).

8. Преграждение коммуникаций.

Рекомендуя ради максимальной экономичности расходования боевых припасов прибегать к фланговому или косому огню, руководство подчеркивает, что вообще преграждение путей сообщения только тогда вполне действительно, когда оно производится с бдительной настойчивостью.

Днем эта настойчивость обеспечивается взаимным сотрудничеством наблюдения всех видов со скоростью огня и бдительностью назначенных специально для этой цели батарей. Ночью надлежит дороги или их перекрестки внезапно с нерегулярными промежутками обстреливать залповым или ураганным огнем.

С успехом применяются химические снаряды, чтобы сделать непроходимыми участки дорог, пролегающих по низинам или через перелески.

Наблюдатели должны давать свои указания о времени и интенсивности сообщений противника по участкам дорог, доступным прямому наблюдению.

Расход снарядов для преграждения сообщений исчисляется по нижеследующим указаниям:

ОРУДИЯ.	Род снарядов.	Количество выстрелов в час.
65—м/м. и 75—м/м. пушки	Преимущественно шрапнель.	50 выстр. на каждый участок.
102—м/м., 105—м/м., 120—м/м. и 149 м/м. пушки .	Шрапнель или шрапнельная граната.	40 выстр. на участок.
149—м/м. гаубицы . . .		

Подчеркивается недействительность шрапнельного огня с очень высокими разрывами в воздухе.

9. *Заградительный огонь.*

Для соображений о размере поражаемой площади при заградительных стрельбах руководство дает цифры, характеризующие зону, в которой заключаются действительные поражающие частицы при разрыве одного снаряда для двух основных калибров полевой артиллерии:

ОРУДИЯ.	Снаряды.	Зона действительного обстрела одним снарядом.	
		По фронту.	В глубину.
75—м/м. пушка	Граната.	15 метров.	Ок. 20—25 мтр.
	Шрапнель.	20 метров.	400—80 мтр.
149—м/м. гаубица	Шрапнель.	30 метров.	300—50 мтр.

Глубина поражаемого пространства с возрастанием дистанции сильно уменьшается.

Касательно скоростей огня при заградительных обстрелах руководство дает следующие сведения:

Предполагая, что батарея назначена для заградительного огня, участок фронта в 200 мтр. (по 50 мтр. на каждое орудие), то чтобы на каждый метр фронта пришлось по 1 выстрелу в каждые полминуты, нужно выпускать по 5—6 выстрелов в минуту из каждого орудия. Такая интенсивность огня и по времени, и по пространству руководством рассматривается, как совершенно исключительная, допускаемая во всяком случае не дольше 5 мин. подряд.

Нормальным расходом снарядов при заградительном огне руководство считает вдвое меньшую скорость—по 3 выстрела из орудия в

мин., допуская такую скорость огня довольно продолжительное время.

Если же не располагают для такого распределения огня достаточным числом батарей на своем фронте в соответствии с протяжением фронта обороняющегося, для достижения надлежащей интенсивности (плотности) заградительного огня применять разные меры:

а) ставить плотность заградительного обстрела в зависимость от важности отдельных участков фронта обороняющегося;

б) озаботиться, чтобы огонь соседних батарей по первому же сигналу быстро сосредоточивался на атакуемом участке (концентрирование огня);

в) выбирать позиции, допускающие фланговый или косой, с которых ведется шрапнельный заградительный огонь в глубину.

Общее указание руководство предлагает иметь в виду, во избежание преждевременного разгорания каналов орудий, чтобы не допускалась из 75 мм. и 65 мм. пушек скорость огня, превышающая *100 выстрелов в час на каждое орудие.*

Поэтому руководство рекомендует различать две скорости заградительного огня: быструю и умеренную. Открыв заградительный огонь с первою скоростью автоматически через короткий промежуток времени переходят к умеренной, *пока пехота не потребует повторения* большой интенсивности заградительного огня.

Медленный темп огня лучше всего достигать не переводом всех орудий на умеренный огонь, а ограничивать огонь одним взводом или одним орудием в каждом взводе, давая вторым остыть, после чего *тщательно их осматривают и прочищают.*

Зона безопасности между своими войсками и непосредственно обстреливаемой зоной (интервал безопасности) устанавливается руководством следующими цифрами, собранными в таблице ниже, предполагая местность горизонтальною:

75 и 65 мм. пушки.	При фронтальном заградит. огне на дистанции.			При фланговом заградительном огне на всякой дистанции.
	2000 м.	3000 м.	4000 м.	
Гранатный обстрел . . .	80 м.	100 м.	150 м.	50 м.
Шрапнель на удар . . .	60 „	80 „	100 „	30 „
Шрапнель при дистанц. установке	150 „	150 „	150 „	60 „

Исходя из этих цифр руководство говорит, что поэтому фронтальный заградительный огонь впереди своих линий устанавливается не ближе 100—200 метр., смотря по дистанции стрельбы.

Если местность к противнику повышается, эти границы можно соответственно понижать; напротив, при обратном скате границы—расширяются В последнем случае рекомендуется также увеличивать

дистанцию обстрела для увеличения углов падения и тем достижения меньшего рассеивания выстрелов по обратному скату.

При очень крутом падении ската к противнику может оказаться необходимым выбор позиции, допускающей фланговый или очень косой обстрел для заградительного огня. Та же мера остается единственной и в том случае, если свои войска сблизились с противником на расстояния, меньшие величины зоны безопасности при фронтальном обстреле.

10. *Специальные снаряды (химические).*

Прежде всего руководство подчеркивает, что газовые (удушающие и слезовызывающие) артиллерийские снаряды дают действительный результат только тогда, когда они применяются при строгом соблюдении благоприятствующих их действию условий, каковые руководство разделяет на три следующих группы:

а) атмосферные условия,

б) условия продолжительности и интенсивности огня и

в) условия, касающиеся сферы действия (радиус действительности).

Однако, вопрос о действии химических снарядов ко времени издания цитируемого руководства в итальянской артиллерии не был надлежаще разработан, как в цифровом отношении, так и в отношении различия действия разных сортов снарядов. Поэтому здесь руководство дает только самые общие указания, вполне совпадающие с такими же указаниями вышеразобранного французского устава, в котором данные о химических снарядах отличаются большой полнотой

В отношении *атмосферных условий* руководство подчеркивает их доминирующую важность для действительности обстрела химическими снарядами, и так как ветер скоростью больше 3 метр. в сек., а также мороз, густой туман и большая влажность сильно ослабляют развитие и действие газового облака от разорвавшегося химического снаряда, то руководство прямо утверждает, что при сильном ветре (более 3 м. в с.), при морозе, густом тумане или во время дождя обстрелы химическими снарядами бесцельны (нецелесообразны).

По поводу *продолжительности и интенсивности огня* руководство устанавливает, что для достижения надлежащей действительности химического обстрела при благоприятных атмосферных условиях нужно обстрел вести достаточно долго (несколько часов), лишь временами замедляя его, временами усиливая.

Большая интенсивность обстрела с самого начала повышает вероятность успеха вследствие внезапности для противника; рекомендуется поэтому быстрая пристрелка обыкновенными гранатами одинакового веса с химическими снарядами и немедленный переход к интенсивному огню этими последними.

Так как длительный обстрел химическими снарядами сильно утомляет обстреливаемых людей неприятельской батареи, вынужденных работать в противогазах и нередко ослабление огня после дли-

тельного обстрела вынуждает людей временно снять маски, то внезапные повышения интенсивности обстрела дают большую вероятность успеха.

В общем, руководство считает, что необходимость умелой и энергичной работы при обстреле химическими снарядами указывает на пользу назначения специальных батарей для обстрелов химическими снарядами, которые должны всегда иметь надлежащий запас таких снарядов, хорошо обученный кадр, а цели и задания для обстрелов получают от командования к моменту действия.

Обстрелов без строго определенного плана и заданий руководство не допускает, считая их вполне категорично не достигающими надлежащей действительности.

О сфере действительности отдельного снаряда, к сожалению, руководство также не дает никаких цифр, ограничиваясь лишь общими указаниями на необходимость соблюдения в точности нужных благоприятствующих атмосферных условий и необходимости направлять выстрелы в точку, близкую к цели и лежащую по отно шению к ней так, чтобы ветер сносил газовое облако на цель.

И только относительно скорости огня дается определенный предел ее, так как руководство указывает на ложность представления, что скорость огня вообще увеличивает действительность газового облака, тогда как часто последующие выстрелы могут причинять даже рассеивание облака, уже образовавшегося от предыдущих выстрелов. Для 75 мм. пушки руководство дает скорость огня—6 выстрелов в минуту из каждого орудия, как максимальную, предельную для надлежащей действительности обстрела.

11. Действительность огня батареи в течение боевого дня.

В заключительной статье руководство приводит приблизительные данные действительности батарей различных калибров в течение дня боя, предпосылая этому общие указания для нормальной и целесообразной работы артиллерии, а именно: артиллерия выполняет свою задачу, если она по каждой цели выпускает только безусловно необходимое количество снарядов при сообразном по характеру цели выборе калибра и ведя огонь методично, правильно при надлежащем наблюдении.

Время, расходуемое на подготовку атаки каждой цели, сообразуется с числом и значительностью целей, количеством предположенных к выпусканию выстрелов и с числом и свойствами применяемых орудий (калибр, скорострельность и т. д.), а также со средствами наблюдения.

Ввиду всего этого руководство считает безусловно необходимым перед каждою атакою составить план применения имеющихся в распоряжении средств.

При всем том, при всякой возможности рекомендуется подготовку атаки выполнять методическими, без всякой торопливости, приемами обстрела.

Действительность же разных батарей в течение боевого дня по разным целям Руководство примерно характеризует так:

а) Минометная батарея:

1) Малых калибров — фланговым огнем разрушает 300 метров окопов или ходов сообщения;
фронтальным огнем разрушает 150 мтр. окопов или ходов сообщения;
—разрушает 8—10 легких укрытий;

2) Крупных калибров —фланговым огнем разрушает 200 метров окопов;
— фронтальным огнем разрушает 100 метр. окопов;
—разрушает 4—5 укрытий, довольно солидных по прочности.

Малая скорострельность тяжелых траншейных мортир является причиною столь значительно отличающейся общей суммы работы их в течение боевого дня по сравнению с легкими минометами.

б) Артиллерийская батарея:

1) Малых калибров —препятствует восстановительным работам на протяжении 1000 погонных метров фронта;
—проделывает брешь в 20—30 метров шириною в заграждениях на подступах к оброняющемуся (при 75 мм. франц. гранатах);

2) Средних калибров — проделывает брешь шириною в 30—50 метров в подступах обороняющегося.
—фланговым огнем разрушает 200—300 пог. метров фронта противника;
—фронтальным огнем разрушает от 100 до 150 пог. метров фронта;
—разрушает 4-5 укрытий средней прочности;

Пользуясь этими, хотя и довольно общими указаниями, атакующий может довольно близко к действительности оценить расход времени для решения той или иной боевой задачи и таким образом составить план действия.

К руководству приложена подробная таблица всех фугасных снарядов итальянской современной артиллерии с характеристикою их абсолютного и относительного взрывного действия и с указанием даже рода взрывчатого вещества, хотя каждый из родов гранат снаряжен. Цифры этой таблицы весьма полезно знать нашим артиллеристам, чтобы сравнить их с характеристиками наших снарядов и видеть—в какой части мы сильнее, и в какой части нам настоятельно необходимо срочно заняться усовершенствованием своих снарядов. Не останавливаясь подробно на этом важном вопросе, упомяну только, что наши малые полевые калибры в этом отношении не совсем благополучны, за то некоторые средние стоят достаточно высоко и даже, отчасти, много выше.

Таблица характеристики разрушительности итальянских снарядов.

Орудия.	Род снаряда (гранаты).	Полный вес снаряда (a) кгр.	Вес разрывного заряда (b) кгр.	Процентное отношение b/a.	Природа разрывного заряда.
Минометы 240 мм. дл.	67 кгр.	67	26	38,8	Саболит.
„ 240 мм. кор.	87 „	87	45	51,72	А. Е. [1]) тип S.
„ 58 мм. А.	45 „	45	25	55,56	А. Е. [1]) тип Р.
„ 58 мм. А.	29 „	29	5	17,2	Саболит.
„ 58 мм. А.	16 „	16	6	37,5	А. Е. [1]) тип Р.
„ 58 мм. В.	16 „	16	6	37,5	А Е. [1]) тип Р.
Пушки 305/46 . . .	А. Е. [1])	401,2	28,7	6,9	А. Е. [1])
Гаубицы 305 мм. . .	легкая	345,6	33,6	9,6	Тротил
„ 305 мм. . .	тяжелая	434,45	16,7	3,93	„
„ 280 мм. . .	легк. обр. 16 г.	216,7	19,7	9,1	Пертит или тротил
„ 280 мм . .	стал.	239,84	32,5	13,55	M. S. T. [4])
„ 280 мм. . .	„	215	9	4,18	Черн. порох
Мортиры 260 мм. . .	Без замедл.	218	11,3	5,18	Тротил
„ 260 мм. . .	фуг. бомбы	213,23	20	9,37	„
„ 260 мм. . .	стал.	213,50	20	9,36	M. S. T. [4])
Пушки 254 мм. . .	А. Е. [1]) обр. 16 г.	216,3	18	8,32	Тротил
Гаубицы 210 мм. . .	Корот. мина	101,87	19,2	17,86	„
„ 210 мм. . .	стал	101,2	14,7	14,52	M. B. T. [2]) 1916 г.
„ 210 мм. . .	А. Е. [1])	80,5	6,5	8	Пионибит
„ 210 мм. . .	чугун.	78,75	4,75	6,03	Мелк. черн. порох
„ 210 мм. . .	зажигат.	77,07	3,07	3,85	„
Мортиры 210 мм. . .	стал. с дон. тр.	100,0	17,02	17	Тротил или пертит
„ 210 мм. . .	стал. с гол. тр.	99,4	14,4	14,5	„
„ 210 мм. . .	стал.	101,2	14,7	14,5	M. B. T. [2]) 1916 г.
Пушки 203 мм. . .	без замедл.	113,74	6,05	5,32	Тротил
„ 190 мм. . .	А. Е. [1])	95,6	5	5,23	„
„ 155 мм. . .	удлин.	42,92	10,33	24,07	А. Е. [1])
„ 155 мм. . .	стал.	42,90	7,13	16,62	А. Е [1])

Орудия.		Род снаряда (гранаты).	Полный вес снаряда (a) кгр.	Вес разрывного заряда (b) кгр.	Процентное отношение b/a.	Природа разрывного заряда.
Пушки	155 мм. . .	стал.	43,75	4,35	9,94	А. Е. [1])
"	152/45 . .	обр. 16 г.	46,1	4,3	9,32	Тротил
"	152 мм. . .	англ. А. Е. [1])	45,6	6	13,2	Лидит
"	152 мм. . .	итал. А. Е. [1])	39,4	3,13	7,94	Тротил
"	149. А. . .	стал. с дон. тр. обр. 16 г.	42,4	3,1	7,31	Пертит
"	149. А. . .	тоже	40,52	4	9,87	Пертит или тротил
"	149. А. . .	стал.	37,3	4,9	12,33	М. В. Т. [2]) 1916 г.
"	149. Ст . .	стал. обр. 16 г.	35,6	2,2	6,18	Пертит
"	149. Ст . .	стал.	30,1	1,7	5,64	М. N. D. T. [3]) 1916 г.
"	149. Ст . .	стал. А. Е. [1])	30,8	2,4	7,79	Пионибит.
"	149. Ст . .	стал.	30,1	1,7	5,65	Мелк. черн. порох
Гаубицы	149 мм. . .	фуг. с дон. тр.	41,1	8,3	20,2	Пертит или М. В. Т. [2])
"	149 мм. . .	"	41,33	7,93	19,18	"
"	149 мм. . .	стал.	37,3	4,9	13,13	М. В. Т. [2]) 1916 г.
Пушки	120 мм. Ф. .	удлин.	19,96	4,21	21,09	Мелинит
"	120 мм. Ф. .	стал.	18,70	2,65	14,7	"
"	120 мм. Ф. .	"	18,3	2	10,93	"
"	120/40 морс.	обр. 16 г.	22,8	1,8	7,9	Тротил или пертит.
"	105 мм. . .	обыкн.	14,97	1,3	8,69	Шнейдерит или нитранит.
"	102 мм. . .	"	12,95	1,15	8,88	Шнейдерит
"	75/906/911 .	фуг. гран.	6,07	0,40	6,59	Тротил
"	75/906/911 .	"	5,95	0,28	4,71	Шнейдерит
"	75/906/911 .	франц. гр.	4,86	0,52	10,7	"
"	70 мм. . .	фуг. гран.	4,25	0,31	7,29	Тротил
"	65 мм. . .	"	4,04	0,24	5,94	Тротил М. N. D. Т [3])

Примечания: 1) А. Е.—сильное взрывчатое вещество.
2) М. В. Т.—смесь из дву-и три-нитрофенола.
3) М. N. D. Т.—порошкообразный тротил, нитроаммоний, тринитронафталин.
4) М. S. Т.—смесь шнейдерита и тротила.

В заключение считаю нужным отметить, что, конечно, целиком ни одна из приведенных цифр не может быть использована для каких-либо расчетов при составлении плана стрельбы из наших орудий, так как не только по калибру, но еще в большей степени по другим, более существенным балистическим данным они отличаются от французских и итальянских орудий. Но цель этой статьи уже будет достигнута в значительной мере, если ими артиллерийские начальники смогут воспользоваться для общих соображений, как первым подходом к решению боевых задач.

Основная же и более глубокая цель этой статьи—напомнить о необходимости восполнения этого крупного недостатка наших руководств для стрельбы и специальных уставов.

Г. Жилинский.

Вопрос об артиллерии сопровождения во французской армии.

Вопрос о сопровождении пехоты артиллерией—один из самых трудных в тактике и пока не получил удовлетворительного решения ни у нас, ни в иностранных армиях.

В этом отношении очень интересна статья во „Французском Военном Обозрении“ Бракмана, полковника итальянской службы. Нужна ли артиллерия сопровождения при наступлении пехоты? Спрашивает автор.

Вопрос, на который до сих пор не получено исчерпывающего и определенного ответа, но уже вырешенный в той части, что решение его, возможное при существующих средствах, необходимо.

Противниками артиллерии сопровождения, по мнению автора, являются главным образом артиллеристы. Они не могут допустить мысли, чтобы батареи были из'яты из общего командования крупных артиллерийских частей и поставлены в зависимость от к-ров пехотных частей.

С другой стороны, пехотные офицеры, побывавшие на войне, знают, как нужна бывает немедленная поддержка артиллерии, и сознают всю необходимость артиллерии сопровождения.

До изобретения специального орудия сопровождения, во Франции в настоящее время таковым служит 75м/м орудие.

Дело, собственно говоря, не в специальном орудии, а в том, чтобы установить непрерывную связь между наступающей пехотой и артиллерией, расположенной позади в 2—3 верстах.

В империалистской войне немцы, австрийцы и французы широко пользовались артиллерией сопровождения и это доказывает, что необходимость в ней давала себя чувствовать повсюду среди воюющих и тем сильнее, чем больше падало настроение в войсках вследствие переутомления.

Присутствие артиллерии среди пехоты было для нее большой отрадой. Отсюда ясно, что артиллерия имеет не только материальное, но и моральное значение. Атакующие части иногда попадают в затруднительное положение, встретив на своем пути препятствия вроде пулеметных гнезд и т. п., не уничтоженных ни легкой, ни тяжелой артиллерией и затрудняющих движение. Будь в распоряжении пехоты средство заставить немедленно смолкнуть эти пулеметы, она избежала бы потерь в людях и во времени.

Что следует предпринять в таком случае?

Естественно, что пехота потребует артиллерию сопровождения, чтобы уничтожить препятствие, где враг еще держится.

Допустим, что связь между пехотой и артиллерией налажена хорошо. Как указать точно место расположения пулемета?

Единственный способ определить его, указав положение его по отношению к местным предметам. Указание неточное. Не яснее будет указание и артиллерийского офицера связи Стрельба начнется, из боязни поразить свою пехоту, по другому месту и только после дополнительных указаний, будет перенесена на желаемый предмет. Потеря во времени—большая, и это тогда, когда люди, время и снаряды ценнее всего. Но связь ненадежна, и, обыкновенно, когда она более всего нужна—отказывает. Много времени пройдет прежде, чем пехота получит желаемую поддержку артиллерии. Чтобы избежать этого, пехота должна иметь артиллерию в своем полном распоряжении, которая, кроме того, поможет ей закрепиться на взятых с бою позициях и отбить предпринятые противником контр-атаки.

Некоторые думают, в частности—французы, что артиллерией сопровождения могут быть орудия, выдвинутые на передовые позиции на танках легкого типа. Танки могут взять достаточный комплект снарядов и хорошо защищены от ружейных и пулеметных пуль. Недостаток их в том, что они не по всякой местности могут пройти и, кроме того, имеют сильных врагов в лице неприятельской артиллерии и антитанков.

Другое мнение склоняется в пользу аэропланов, как артиллерии сопровождения. Соблазнительна мысль—иметь аппараты, которые, летая над врагом и не считаясь с местностью, прикрытиями и препятствиями, могли бы в нужный момент быстро вмешаться в дело. Но аэроплан не может по желанию менять скорость, а теперешняя—слишком велика, что делает действия его недостаточными и кратковременными.

Отсюда видно, что ни танковая артиллерия, ни аэроплан не могут в полной мере служить артиллерией сопровождения.

Значит, нужно искать ее между образцами современной артиллерии.

Какими она должна обладать качествами?

Большой подвижностью, приспособляемостью ко всякой местности, свойством быстро открывать огонь и иметь достаточное количество снарядов. Калибр около 45 м/м.

Употребление артиллерии сопровождения.

Дивизия выделяет из своего артиллерийского состава группу из 3 батарей для артиллерии сопровождения. В случае надобности эти батареи могут быть разбиты на взводы и отдельные орудия. Употребление в целом батареи невозможно, так как она представляла бы слишком большую цель.

Роль командира группы артиллерии сопровождения сведется к наблюдению за снабжением действующих частей снарядами.

Командир батареи или взвода будет держаться около командира пехотной части, чтобы свести на-нет затруднения связи и передачи.

Наблюдательные пункты будут на ближайших возвышенностях, а позиции будут всегда открытыми. Значит, артиллерия сопровождения чрезвычайно уязвима и пользоваться ею нужно крайне осмотрительно.

Пополнение снарядами очень важно, оно будет трудно, что лишний раз говорит об осмотрительном ее употреблении.

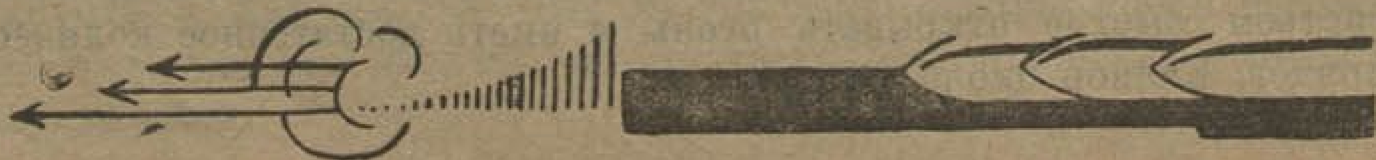
Пехотный начальник должен помнить, что орудия сопровождения, хотя и могучее средство, но они представляют собою хорошую цель и если будут введены в дело, то, по всей вероятности, назад не вернутся и поэтому должно взвесить: окупится ли результат такой жертвы. Их нужно употреблять тогда, когда пулеметы и 37 м/м пушки окажутся бессильными.

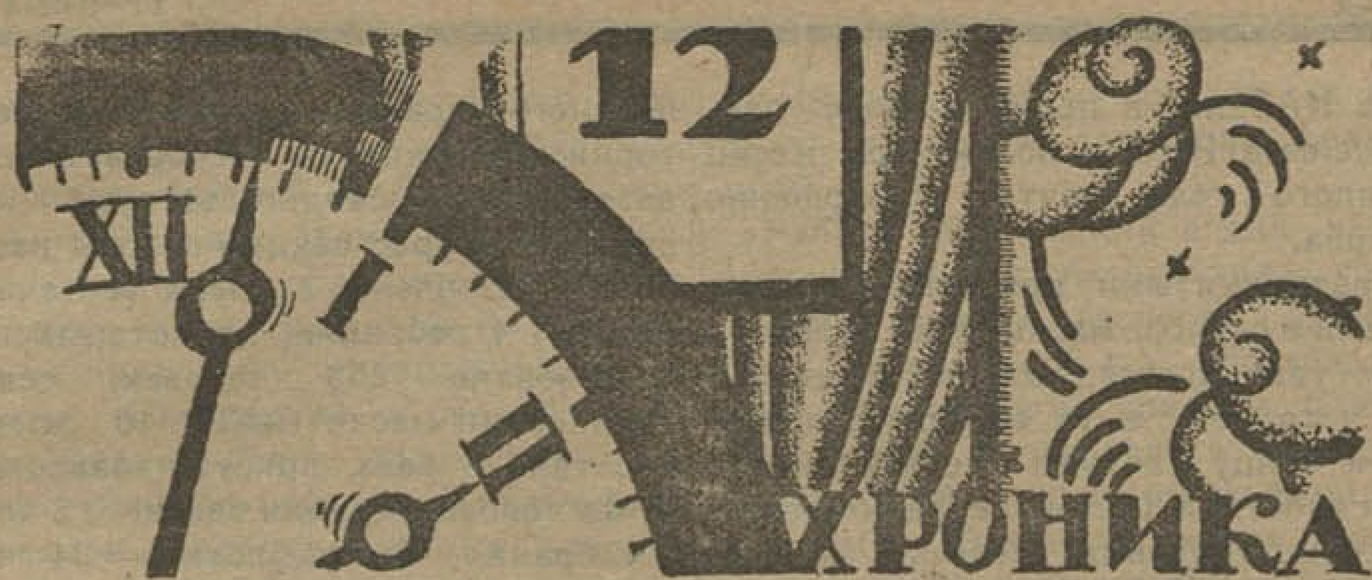
При наступлении, батарея сопровождения пойдет при резерве, от одного закрытия к другому. Когда цель будет определена, орудия будут поставлены на позицию. Состав батареи должен быть отборным, ввиду той трудной и опасной работы, которая ему предстоит.

Задачи артиллерии сопровождения будут: довершить разрушение тех препятствий, которые уцелели от бомбардировки и защищать свою пехоту при ее остановках.

Возникает вопрос, когда отдать артиллерию сопровождения пехоте, с началом ли ее движения или с началом артиллерийской подготовки? В последнем случае она принимала бы участие с прочими артиллерийскими частями в бомбардировке, и перед пехотным наступлением переходила бы в распоряжение пехотного начальства.

Участие 12 орудий в общей бомбардировке не внесло бы существенной пользы, тогда, как эти орудия, находясь среди пехоты, ждущей приказания о наступлении, внесли бы в ее ряды успокоение, а батареи за это время освоились бы с мыслью, что их судьба тесно связана с судьбой наступающих. Понятно, все это полумера, пока не будет изобретено орудие сопровождения, которое будет отдано в полное распоряжение пехоты на долгие времена.

На Запфронте.

Фронтовой лыжный пробег.

1-го февраля с. г. начинается фронтовой звездный пробег на лыжах команд частей фронта, на дистанцию от 150—200 километров, продолжительностью от 4-х до 5-ти суток. Команды должны следовать в походном снаряжении, вооруженные винтовками. Лыжи произвольного типа. Пригонка снаряжения—по усмотрению старшего команды.

Суточный переход определен не менее 40 километров. Строй во время пробега—произвольный.

Не допускается сопровождение команд подводами, не только для перевозки табельного снаряжения, но даже и для перевозки запасных лыж, палок и т. д.

Контроль пробега осуществляется судьями, сопровождающими команды и судьями на финише.

Участники пробега, пришедшие в Смоленск на пять минут позже головного своей команды, считаются отставшими. Команда потерявшая отставшими более 3-х человек, исключается. Команды должны прибыть не позже 24-х часов 5-го февраля, после чего команды допускаются к финальному скоростному состязанию на 30 километров. Победитель этого состязания считается победителем звездного пробега.

После пробега начнутся фронтовые состязания, имеющие задачи: проверить и сравнить работу по подготовке лыжному делу частей фронта, увеличить в частях интерес к нему, содействовать улучшению техники и выяснить кандидата для участия в состязании на первенство Р.К.К.А.

Зимние стрельбы в частях фронта.

Приказом фронту с. г. № 46 предложено приступить к прохождению зимнего курса одиночных стрельб из винтовок и пулеметов. Стрельбы должны быть закончены к 15 марта. Непосредственное наблюдение за правильностью производства выстрелов возложено на ротных и взводных командиров. Командный состав, непосредственно наблюдающий за правильностью производства выстрелов, в случае обнаружения неправильностей со стороны обучающихся, обязан немедленно указать на них и об'яснить их последствия. При показе пробоин, обязательно об'яснять стрелкам причины, вызвавшие неправильное попадание пуль, имея в виду, что без такого об'яснения стрельбы будут терять всякий смысл.

В. У.

Работа Дома Красной Армии Запфронта.

Вследствие целого ряда обстоятельств, из которых важнейшим следует считать отсутствие достаточно четкой схемы и соответствующего подбора постоянных работников Клуба (аппарата), работа б. В. Н. К. (ныне

Дома КАЗапа) в периоде после первого с'езда ВНО и по октябрь месяц прошлого года почти совершенно замерла.

Предпринятыми правлением Дома мерами в октябре месяце этот дефект—отсутствие постоянных работников—был устранен, в то же время подходил к концу летний период с его особенностями (лагерное размещение, маневры, полевые поездки и т. д. и т д.), совокупность каковых условий повела к тому, что в работе Дома началось оживление, а в настоящий момент ее можно процентов на 50 считать развернутой. По своему характеру работа ДКАЗап делится следующим образом: 1) исследовательская—военно-политическая, военно-историческая, военно-техническая; 2) образовательная—военно-специальная, военно-политическая и общеобразовательная и, наконец, 3) массовая пропагандистская и популяризаторская клубная работа.

Организационно указанная работа распределена между Военно-Научным, Военно-Политическим и Общеобразовательным Советами, об'единяющими собою соответствующие секции (кружки) и ведущими массовую работу.

В настоящее время могут быть приведены следующие сведения и цифры, характеризующие работу советов.

Военно-Научный Совет.

Общее количество военно-научных секций (кружков) по различным вопросам военного дела—девятнадцать. Из них совершенно не работали по различным причинам (по данным за ноябрь месяц) секции: бронесил, в.-сообщений, в.-инженерная, администрации тыла, психофизиологическая, подготовки комсостава, военных знаний, территориальных войск,—всего восемь. Четыре из них в декабре к работе приступили. Не работают и до сих пор по различным причинам—секции: бронесил, администрации тыла, психофизиологическая, военных знаний Об интенсивности работы прочих кружков, именно—стратегии, пехоты, артиллерии, связи, воздухфлота, снабжения, организации военного управления, военной санитарии, физкультуры и спорта, военной ветеринарии—свидетельствуют следующие цифры: секция пехоты насчитывает 32 члена, провела (в течение ноября) 4 собрания, на которых присутствовало 259 человек, секция артиллерии насчитывает 19 членов, работала 3 раза, присутствовало всего 45 человек; секция связи—15 член., 2 собрания, воздухфлота — 34 чел., 3 собрания и т. д., и т. д. Все секции работают регулярно по определенному, ими разработанному плану, причем посещаемость—не ниже 95%. К числу недостатков работы следует отнести: во первых, обилие секций с однородными задачами, вследствие чего имеет место некоторое распыление сил, напр., секции администрации тыла и советизации занятых областей, каковые представляется целесообразным слить в одну секцию, входящую в Военно-Научный Совет. Во вторых, секция военных знаний, имеющая обширную образовательную программу, фактически существует лишь на бумаге, так как младший и средний комсостав частей, расположенных в районе города, имеет возможность вести самообразовательную работу в кружках своих частей и ВНО.

Указанную секцию было бы целесообразно реорганизовать в секцию методики самообразования—руководящую и насаждающую индивидуальное военно-научное самообразование товарищей на местах.

Остается в стороне разработка вопросов методики военного обучения красноармейца. Необходимо в спешном порядке образовать соответствующую комиссию при секции пехоты, признав ее работу одной из важнейших В комиссии активное участие должна принять секция методики партполитпросветработы Военно-Полит. Совета.

Наконец, в работе существующих секций наблюдается некоторая односторонность Рабочие программы их во многих случаях исчерпываются академическими вопросами, в то время, как практика строительства Красной Армии постоянно выдвигает вопросы сегодняшнего дня, разработке каковых должно быть уделено надле-

жащее внимание. В частности, это наблюдается в секции стратегии, программу каковой необходимо расширить также вопросами более частного характера, что, несомненно, не замедлит отразиться и на ее численном составе и на интенсивности ее работы. Необходимо, в равной мере, всем секциям более интенсивно заняться проработкой опыта маневров, а секции территориальных войск— важность каковой несомненна — развернуть свою работу в полной мере.

К устранению всех указанных дефектов надлежащие меры принимаются.

Политико-Просветительная работа.

В состав Военно-Политического совета входят следующие секции: 1) По методике партполитпросветработы. 2) По политобработке и советизации занимаемых во время войны местностей. 3) По изучению истории частей Запфронта. 4) По изучению противника. 5) Секция политграмоты. 6) Марксистская.

Работа указанных секций характеризуется следующими данными за ноябрь:

Секция методики партполитпросветработы насчитывает 22 члена, провела 1 собрание, на котором присутствовало 15 человек и был разработан вопрос: „опыт изучения классной аудитории в военполитшколе Запфронта". Секция политграмоты насчитывает 6 групп, общим числом 115 человек и работает по программе ПУР'а. Всего за ноябрь состоялось 12 заседаний групп, на которых присутствовало 135 человек.

Секции: советизации, по изучению противника, по истории частей и марксистская в ноябре не работали, основной причиной чего следует считать отвлечение руководителей и большего числа членов на военную и партийную работу. Декабрь месяц не был в этом отношении более благоприятным, вследствие чрезвычайного обилия всяких конференций и с'ездов. Таким образом, фактическое развертывание указанных кружков будет иметь место лишь в январе.

Общеобразовательная работа ведется в составе следующих секций: 1) Литературная. 2) Драматическая. 3) Музыкальная. 4) Языков (с группами: немецкой, польской, французской).

Работа этих секций видна из следующих данных: литературная секция имеет 3 группы (повести, драмы и пьесы) и намечена 4-я— образовательная—по истории литературы. Секцией подготовлен и проводится конкурс на повесть, рассказ и песню во фронтовом масштабе. В конце января предполагается созыв с'езда лит.-худ. работников Запфронта. Число членов секции—25. За ноябрь состоялось 1 общее собрание кружка, и групповые. Драматическая секция насчитывает 15 членов, за ноябрь работала 12 раз, музыкальная — 11 членов, секция языков насчитывает 223 чел. учащихся.

Посещаемость политической и образовательных секций достигает 75%.

К числу недостатков работы следует отнести: во первых, самое отделение общеобразовательной работы в отдельную группу, так как таковая является частью политико-просветительной и должна входить в Военно-Политический Совет, во вторых, недостаточность секций общеобразовательных. Устранение указанных дефектов намечено; в частности, предполагается организация секций: изобразительной, шахматной, физико-математической, русского языка.

Массовая работа.

Массовая работа по данным за ноябрь выражается в следующих цифрах:

1) Драматические постановки—2; обслужено . . .	500 чел.
2) Концертов—1; обслужено	500 „
3) Кино-сеансы; обслужено кр—цев	2428 „
обсл. рабоч.	1110 „
	3538 чел.
4) Экскурсий на выставку-музей—11; обслуж. . .	308 „
5) Лекций—1; „ . .	940 „
	1248 чел.
6) Лекций—1; обслуж. . .	405 „
7) Тир; „ . .	1553 „

По своим целям массовая работа распадается на работу, долженствующую дать отдых, работу по военно-политическому воспитанию широких

красноармейских и рабочих масс и, наконец, специальное задание для ДКАЗап — помощь клубам Красной Армии в их работе, для чего должны быть созданы соответствующие образцовые и показательные учреждения.

Вышеприведенные цифры свидетельствуют о том, что все эти три типа работы развиты относительно слабо. Считая, что как раз эта часть работы является одной из важнейших, ДКАЗап ставит своей основной задачей на предстоящий период ее надлежащую постановку.

Конкретно, как минимум, намечено: а) установить периодические доклады и лекции в малой аудитории Дома по различным военным и политическим вопросам для красноармейского и рабочего состава; б) периодические военно-научные доклады для ком. и политсостава гарнизона; в) обслужить военно-политическими докладами с'езды и собрания партийных, профессиональных и прочих рабочих организаций; г) наладить военную пропаганду на страницах фронтовой и гражданской прессы; д) увеличивать и совершенствовать выставку-музей; е) создать в кратчайший срок кабинет наглядных пособий и оборудовать „Красный Уголок"; ж) оборудовать комнату отдыха; з) улучшить условия общежития; и) повести широкую кампанию за вовлечение в состав членов ДКАЗап рядовых красноармейцев, число коих в настоящее время совершенно незначительно.

Основное препятствие.

В настоящее время ДКАЗап уже стал фактическим центром, где сосредоточена жизнь гарнизона и частично — фронта. В нем проводятся все с'езды, собрания и конференции, в нем сосредоточена партийная работа ряда ячеек и организаций гарнизона (напр., работа среди женщин). Дом содействует переустройству быта дешевой и превосходной по качеству обеда — столовой, подрывая экономические основы „семейной" кухни; в нем находится оборудованная, в несколько тысяч томов библиотека фронта и читальня при ней и т. д., и т. д.

Необходимо энергичное дальнейшее развертывание этой многообещающей работы.

К сожалению, однако, это встречает значительное препятствие в том, что ДКАЗап вынужден существовать на хозяйственном расчете, пользуясь теми ничтожными средствами, которые могут быть взяты из коммерческих и производственных предприятий, владельцем коих он является.

В перспективе, однако, есть надежда на то, что заявленная ДКАЗап'ом смета будет утверждена центром и он, наконец, освободит свою работу от пут безденежья. Покамест же, по крайней мере первые месяцы этого года, по всем данным, предстоит работать на прежних началах

Мих. Лузгин.

Резолюция общего собрания членов ДКАЗап по докладу о работе ДКАЗап.

Заслушав доклад начальника Дома тов. Лузгина и содоклады секретарей советов—т.т. Грома и Крымова, общее собрание постановляет:

Линию, взятую в работе—по вовлечению широких масс комполитсостава и красноармейцев в работу Дома—считать правильной и проделанную до сего времени работу одобрить.

В то же время собрание констатирует, что указанная выше линия проводилась до сих пор недостаточно четко и подчеркивает необходимость в предстоящий период фактически достигнуть вовлечения широких комполитсоставских, красноармейских и рабочих масс в работу Дома. В соответствии с этим работа Дома во всех ее областях в ближайший период должна быть развернута в полной мере, причем особенное внимание должно быть уделено повышению активности и самодеятельности членов Дома.

Доклады для комсостава гарнизона города Смоленска в Д. К. А.

19-го января с. г. для всего комсостава гарнизона состоялся доклад помкомандзапа т. Чернавина на тему: „Полевое обучение пехоты".

Предлагаемый тов. Чернавиным практический метод обучения ставит целью каждого занятия строго определенный период боя. Организация и руководство тактическим учением должны принадлежать непосредственному начальнику командира обучаемой части. Обучаемой части должна быть предоставлена полная самостоятельность. Всякое подобное тактическое учение производится обязательно с обозначенным противником, причем действующим активно, но по указаниям руководителя. Обозначение одного только противника является недостаточным, необходимо обозначать части, действующие справа и слева от обучаемой части, так как современная техника расчлененного боя, где движения одного отделения вызывают обязательный поддерживающий огонь другого отделения, лишний раз говорит за необходимость в изображении соседних с обучаемой частью групп.

Командный состав, подчиненный руководителю, должен принимать самое ближайшее участие в разборе каждого действия обучаемой части.

Рекомендуемый докладчиком способ обозначения огня указками весьма прост и ясен для обучаемой части. В особенности наглядно изображается артиллерийский огонь, который отмечает не расположение неприятельских батарей, а ту площадь, на которой рвутся неприятельские снаряды при сосредоточенном артиллерийском огне. Подобное изображение огня сразу показывает—попала ли часть в площадь поражения или она находится вне ее; в зависимости от этого начальник ее может придти к правильному решению, как выскочить из огня противника: движением вперед или в стороны. Изображение огня, как тяжелых, так и легких пулеметов точно указывает каждой обучаемой части, находится ли она в каждый данный момент под огнем или нет.

Тема доклада: „Полевое обучение пехоты“ еще в прошлом году выпущена отдельной брошюрой и рекомендована командному составу Красной Армии до ротного командира включительно. Отзыв В.В.Р.С. о рекомендуемом методе тов. Чернавина говорит, что вопросы полевого обучения пехоты тесно связаны с выработкой методов обучения, которых наша военная литература, благодаря реорганизации пехоты, не имеет, так как все имевшиеся оказались непригодными. Отзыв подчеркивает интерес обозначения огневой обстановки при обучении войск и считает указания тов. Чернавина по этому вопросу безусловно передовыми.

В. Усачев.

Работа Военно-Научного Совета Красной Армии Запфронта.

Во время летнего периода, когда части вышли на лагерные сборы, жизнь в кружках Военно-Научного Совета Дома Красной Армии замерла. Но после осенних маневров, в октябре месяце—снова закипела.

Весь октябрь месяц прошел в организационной работе, и с ноября месяца кружки начали работу, вначале весьма вяло, но постепенно вялость эта рассеивалась и к 1-му января 1924 года почти все кружки функционировали, за исключением кружка бронесил, администрации тыла, психо-физиологического и военных знаний.

В течение ноября и декабря месяцев кружками проделана следующая работа:

Кружок стратегии—разрабатывается вопрос: „Основы высшего командования“.

Кружок пехоты—разработан вопрос о полевом обучении пехоты.

Кружок артиллерии—рассмотрены вопросы: 1) организации артиллерии Польши, 2) организации химических средств борьбы, 3) штаты батарей и дивизионов 4) гаубица или пушка, 5) 2-х и 4-х орудийная батарея, 6) проблемы в артиллерии.

Кружок связи—занимался вопросами: 1) связь в стрелковом полку и 2) тактика головного пункта связи.

Кружок воздухфлота—рассмотрел: 1) проект строевого устава воздухфлота, 2) как нужно использовать в военное время имеющийся штатный транспорт авио-частей, 3) какие воздухотряды при существующей организации более применимы в полевой

(маневренной) войне: артиллерийские или броневые, 4) действия авиации и конницы в кавалерийском рейде, 5) разведывательное звено—его тактика и техника боя, 6) причины аварий и способы их устранения, 7) работа по распространению идей О.Д.В.Ф. среди широких масс крестьянства.

Кружок военных сообщений — 1) разработана программа брошюры „Устройство и служба военных сообщений армейского района, 2) ознакомление с организацией военных сообщений французской армии

Кружок Военно-инженерный—рассмотрены вопросы:

1) Новейшие формы полевой фортификации.

2) Понятие об инжимуществе и его назначении.

3) Позиционное имущество.

4) Об условных частях мотора.

5) Об охлаждении мотора.

Кружок снабжения—розданы темы на писание ряда брошюр по отдельным видам довольствия.

Кружок организации военного управления—взял практическое направление в своей работе и разработал вопросы: 1) об организации при Штазапе Смоленской гарнизонной почты, 2) об учете приказов, 3) о снабжении приказами секретариатов, 4) о сокращении литографских работ в Штазапе.

Кружок Военно-санитарный — заслушал следующие доклады: 1) роль и значение командного состава для санитарного состояния войск, 2) результат антропометрических обследований курсантов 3-й Западной пехотной школы, 3) главы вновь перерабатываемого Полевого устава, касающиеся военно-санитарной службы.

Кружок подготовки комсостава—имел одно лишь организационное собрание. В настоящее время решено самостоятельно этого кружка не иметь, а влить его в состав пехотного кружка, вопросы же подготовки командного состава остальных родов оружия передать в соответствующие кружки.

Кружок территориальных войск—заслушан доклад на тему: „Что такое милиционная армия и, в частности, дивизии С.С.С.Р.“

В декабре месяце состоялось одно общегарнизонное собрание комадмполитсостава, на котором был заслушан: доклад тов. Тухачевского на тему „Пушка или гаубица“, вызвавший большие прения.

Показательную выставку Красной Армии за отчетные два месяца посетило 2624 человека, из них 909 чел. в составе 28 экскурсий от воинских частей, школ Губоно и рабочих организаций.

В тире Стрелкового зала стреляло 2751 человек.

Еженедельно по четвергам тир предоставляется стрелковому комитету 3 й Западной школы.

Кроме того, в нем происходила призовая стрельба Повторной Школы войск ГПУ

В общем, военно-научная работа в Доме Красной Армии Запфронта к 1-му января развернулась, необходимо лишь членам Дома проявить больше энергии, самодеятельности. Работа кружков не должна замыкаться в тесных рамках самого кружка, а его коллективная работа должна предоставляться на суждение широких масс, путем докладов на общегарнизонных собраниях, на собраниях членов Дома, на пленуме Военно-Научного Совета ДКАЗап или же в печати, в виде брошюр или отдельных статей.

Л. Крымов.

Пехотный кружок дома Красной Армии.

Имеющийся кружок подготовки комсостава вел параллельную работу с кружком пехоты, в основе разница была только та, что кружок подготовки комсостава должен был разбирать методы обучения в отношении всех родов войск, а кружок пехоты только в отношении стрелковых частей. Ввиду того, что в кружке подготовки комсостава работали преимущественно пехотинцы, постановлено оба кружка слить вместе.

Работа кружка протекает очень оживленно, отмечается наплыв новых членов. Это лишний раз говорит за то, что вопросами применения новой тактики интересуются, и многие желают работать в этом направлении.

В настоящее время разбирается вопрос о действии роты при наступлении. По этому вопросу уже сделан один доклад. Кроме того, членами кружка разрабатываются следующие темы: „Действия роты при обороне“ „Рота в сторожевом охранении“ и „Действия разведывательного дозора в различных случаях“.

В ближайшем будущем состоится для всего комсостава гарнизона доклад на тему: „Действия роты при наступлении“.

В.

Создание комиссии по выработке руководства для подготовки одиночного бойца.

На одном из последних заседаний Совета Дома Красной Армии был поставлен вопрос о разработке руководства для подготовки одиночного бойца.

С этой целью кружком пехоты создана комиссия в составе 5 человек. Так как руководство должно обнимать подготовку бойца и в политическом отношении, в комиссию входят два партийных работника.

В комиссию входят лица с большим стажем, интересующиеся вопросами применения новой тактики.

В настоящее время разрабатывается программа, после чего будет приступлено к составлению руководства.

В. У.

О. В. Н О. N-ой кавдивизии.

25-го декабря прошлого года состоялось общее собрание командмполитсостава и медветперсонала N-ой кавдивизии; на повестке дня стояли вопросы: 1) Доклад комдива тов. Гая об организации при дивизии отделения военно-научного общества и 2) рассмотрение и утверждение предложенного тов. Гая положения об отделении военно-научного общества дивизии.

Тов. Гая в своем докладе указал на то назначение, какое имеет военно-научное общество и, в частности, его отделение при дивизии, а также на ближайшие задачи и цели последнего.

Председателем ОВНО избран тов. Гая, его заместителями: наштадив тов. Байков и военкомдив тов. Дубина, казначеем-помнаштадив тов. Кравченко.

Своей целью ОВНО N-ой кавдивизии ставит: а) углубление военных знаний среди членов и популяризацию своих достижений среди наличного состава своей части; б) идейное руководство внешкольной военно-воспитательной работой в полковых военно-научных кружках и красных уголках, втягивая в военно-научную работу наиболее способных красноармейцев; в) пропаганду идей Красной Армии (ее жизнь и строительство) среди местного трудящегося населения.

ОВНО в своем составе имеет 8 секций: 1) *Тактическую*, 2) *Организации и подготовки вооруженных сил*, 3) *Техническую*, 4) *Политическую*, 5) *В. Санитарную*, 6) *В. Ветеринарную*, 7) *Снабжения*, 8) *Физкультуры и спорта*

Филиальными органами ОВНО на местах являются полковые военно-научные кружки, состоящие из следующих групп: 1) тактической, 2) организационной, 3) политической, 4) спортивной.

Л. Кр.

ОВНО N-го корпуса.

1-го декабря прошлого года на собрании комполитсостава Витебского гарнизона был заслушан доклад ком полка тов. *Мозалевского* на тему: *„Бои в крупных населенных пунктах“*

Для своего доклада докладчик взял примеры из далекой истории: 1) Оборона Парижа во время коммуны 1871 года и атака версальцев; 2) Бои в Милане в 1848 году и 3) Борьба в Берлине в 1848 году, оставив в стороне опыт гражданской войны (борьба в Петрограде и Москве).

17-го декабря было заслушано два доклада:

1) Комкора *Павлова*—на тему: „Маскировка маневра“.

2) Военкомкора *Микутского* на тему: „О надвигающихся событиях в Средней Европе",

Тов. *Павлов* приходит к следующим выводам: 1) при превосходстве противника в воздухе лучшим способом маскировки явятся ночные действия; 2) необходим сильный воздушный флот и 3) необходимо приучить войска к нормальным переходам в 30—40 верст, что равносильно могучей технике Запада.

В своем докладе „О надвигающихся событиях в Средней Европе" тов. *Микутский*, выявив причины и факторы экономического разложения в странах Западной Европы, сосредотачивает внимание на событиях в Средней Европе Финал недавних событий в Германии характеризует, как необходимое, отступление компартии в подполье для более своевременного перехода к активным действиям; в настоящее время германские коммунисты, организуя демонстрации в крупных городах, испытывают и убеждаются в приверженности к ним пролетариата и вообще широких масс населения, выжидая более благоприятного времени для активных выступлений. Упадок веры в возможность последних—не обоснован. Пролетарская революция неминуема в недалеком времени. Необходимо для ее успеха и наше знакомство с сопредельными нам странами Запада: Польшей, Литвой, Латвией, а также с Эстонией и Румынией и изучение их. В связи с этим докладчик развивает детальный план работы в военно-политических секциях войсковых в.-н. кружков, кои будут выносить свою работу в виде постановки докладов на общих собраниях ОВНО N корпуса и в виде еженедельных 15-ти минутных сообщений о политических событиях в странах Западной Европы.

За советской границей.

Англия.

Новые подводные и воздушные колоссы.—После пробных испытаний, хранящихся в секрете, новая подводная лодка X, выпущенная великобританским адмиралтейством, возвращается в свою базу в Шатам. Вновь отстроенная подводка является наиболее крупной и быстроходной по сравнению с существующими. Экипаж ее составляет около 100 чел.

На государственном заводе в Шельсочен построен новый тип боевого аэроплана, быстрота которого доходит до 320 километров в час и который может подняться на высоту 7000 метров в течение 8 мин.

———

Бельгия.

Реорганизация армии.—Парламент занят работами по проведению закона о призыве. Как известно, в свое время в Бельгии была принята статья, устанавливавшая всеобщую воинскую повинность в 10 м-цев. В течение перерыва заседаний парламента правительством был внесен ряд поправок, из которых одни были приняты, другие отклонены; в общем же принятый проект состоит в следующем:

1) Обязательная военная служба продолжается 25 лет; 15 л. действительная и в резерве, 10 лет в государств. ополчении. В связи с этим деление войск на армии приостановлено за исключением 3-й армии (пополняющей резерв), которая будет комплектоваться военно-обязанными не до 30-летнего возраста, как было ранее проэктировано, а до 25 лет. В случае опасности, угрожающей территории государства, в действующие армии могут быть влиты и ополченцы (предназначенные в принципе для несения службы внутри страны), за исключением, однако, отцов 4 живущих детей. Обязательная военная служба ни в коем случае не может продолжаться далее 15 декабря того года в котором, военно-обязанному исполнится 50 лет.

2) Продолжительность военной службы в пехоте, тяж. артиллерии и

техн. войсках—1 год, в прочих родах оружия и службах—13 м-цев. В случае опасности, угрожающей государству, правительство имеет право продлить этот срок или же призвать под знамена целые контингенты или части резервистов. На время оккупации Германии продолжительность военной службы для всех родов оружия увеличена на 2 м-ца. Кроме того, законопроэктом предусмотрены индивидуальные увеличения срока военной службы, а именно: а) 2 дня увеличения за каждый день, отбытый под арестом, б) 4 дня за день самовольной отлучки из части, в) минимум 100 дней для рядовых за неуспешное по злому умыслу усвоение военного обучения. Общее увеличение срока военной службы по п.п. а, б, в, не может превышать 150 дней. В течение всего срока действительной военной службы, рядовые в основе не пользуются кратковременными отпусками. Исключения составляют: а) неожиданные случаи, причем время кратковременного отпуска не засчитывается в срок действит. воен. службы, б) отпуска для отдыха, предоставляемые рядовым в качестве награды за усердие по службе в соотношении 1 день за 1 м-ц действ. службы. За время отпусков рядовые не пользуются никакими видами довольствия.

Срок учебных сборов резервистов не превышает 6 недель.

3) В отношении набора новобранцев государство делится на округа, заключающие пропорциональное количество элементов валлонских и фламандских, промышленных и сельскохозяйственных. Каждый округ даст, в основе, новобранцев для одной дивизии, к которой они приданы независимо от своего происхождения. Части, зависимые непосредственно от командований корпусов, пополняются из округов, дающих людской материал в дивизии, входящие в состав данного корпуса. Части, не входящие в состав корпусов, пополняются на всей территории государства. Уставом предусмотрено назначать призывных в части, расположенные не далее 50 килом. от места их постоянного жительства. Поскольку это расстояние будет увеличено, устав возлагает на министра обороны обязанность улучшения коммуникации между местом службы призванного и его постоянным местожительством.

4) Ежегодный контингент призывных определяется в 49.500 чел. Общее же количество лиц призывных категорий составляет около 55.000, благодаря чему свыше 5000 чел. ежегодно освобождаются от военной службы. Освобождение предусмотрено по семейным обстоятельствам. Последний пункт явился результатом совещаний партий, которые постановили увеличить срок действительной военной службы. Перед этим же правительство проэктировало значительное сокращение освобождений.

Дания.

Реорганизация армии.—7 августа 1922 г. утверждена новая организация армии. Сравнительно с довоенной организацией, новая организация отличается следующими изменениями в численном составе главных родов оружия:

Линейные полки.

	До войны.	После войны.
Пехота	15	11
Кавалерия	4	3
Артиллерия	2	3

Одновременно количество орудий с 80 увеличено до 180 и введены пулеметные роты в количестве 12. Срок обучения сокращен: в пехоте—со 165 на 150 дней, в артиллерии—с 280/365 на 215, в кавалерии увеличен с 200 на 425 дней.

Для обучения рядовых на ун.-офицеров, известный процент рядовых задерживается на службе, напр., в пехоте—9%, в артиллерии—8%—на 12 месяцев и в кавалерии—10%—на 75 дней свыше срока, кроме того, 23% ряд. в пехоте и 18% в артиллерии отбывают службу на 90 или, относительно, на 195 более, чем остальные рядовые.

Ежегодный контингент новобранцев составлял до войны 8.000; в данное время увеличен до 9.300 чел.

Дислокация частей представляется в таком виде, что большинство сил в количестве 31 б-на находится в Ютландии и 14 баталионов в Зеландии. Существует тенденция переброски части зеландских баталионов в Ютландию.

Испания.

Комплектование армии.—Всеобщая воинская повинность введена в Испании в 1911 г. Военная служба продолжается 18 лет: действительная —3 года, действительный резерв—5 лет, продолжительный резерв—6 лет и территориальная служба—4 года.

Новобранцы призываются по достижении ими 20 летнего возраста.

Солдатам в достаточной мере обученным, срок военной службы может быть значительно сокращен, если они принесут за свой счет одежду и другие принадлежности (постельное белье), и представят установленную законом сумму.

На охотничью службу принимаются молодые, люди в возрасте 18—20 лет.

Ежегодный контингент новобранцев —120.000, из которых под знаменами задерживается около половины (по жребию); остальная половина призывается только на учеб. сборы.

В данное время существует проэкт, согласно которому весь контингент новобранцев должен пройти обучение, а срок военной службы продлен до 24 лет, с одновременным сокращением действительной службы. Согласно этого проэкта, действительная служба составляла бы 2 года, действительный резерв—8 лет, продолжительный резерв—8 лет и территориальная служба—6 лет.

Территориальное деление и состав крупных войсковых единиц.—Вооруженные силы Испании состоят из трех основных частей: а) войска полуострова, б) гарнизон канадских и Балеарских островов и в) африканские колониальные войска.

Войска полуострова делятся на 8 корпусных округов, обнимающих 16 дивизий. Каждая пех. дивизия состоит из следующих родов войск: 2 бригад пехоты по 2 пех. полка, 1 полка легкой артиллерии, 1 полка тяжелой артиллерии, 1 б-на сапер, 1 взвода рефлекторов, 1 телеграфной роты и учреждений.

Кавалерия состоит из 3 самостоятельных дивизий. Каждая дивизия имеет: 3 бригады по 3 полка кавалерии, 1 б-н велосипедистов, 1 группу конной артиллерии, технические части и учреждения.

В состав дивизии не входят следующие виды пехоты, кавалерии, артиллерии и технических войск: 14 б-нов горных стрелков, 1 пех. учебный б-н, 3 портовых полка: в Кади, Картачена и Ферроле, 1 кав. учебная группа, 2 группы позиционной артиллерии, 1 группа учебной артиллерии, 1 отдел зенитной артиллерии, 1 мостовой б-н и 2 ж. д. полка.

Высшее военное управление.—Главкомом армии является король. Администрация войск сосредоточена в руках военного министра, которому подчиняются: а) военное министерство с 10 департаментами родов оружия и служб; б) генеральный штаб, состоящий из 6 отделов, заданием которых является работа по организации, обучению и подготовке к войне армии. Начальник генерального штаба является главкомом армии в военное время; в) верховный военный совет и совет флота, разрешающий, как последняя инстанция, все военные вопросы; г) главное командование аллебардистов (королевская гвардия); д) главное командование карабинеров (вид жандармерии); е) главное командование погран. стражи; ж) главное командование инвалидов и з) главный военный викариат.

Литва.

Законоположение о кадровых унт.-офицерах.—16 марта 1923 г. вошел в жизнь закон о кадровых унт.-офицерах, утвержденный ковенским сеймом.

Главнейшие §§ этого закона таковы:

§ 1. Кадровыми унт.-офицерами могут быть те, кои прослужили соответствующий срок в армии и затем из'явили желание остаться в дальнейшем на действит. службе.

§ 2. Унт.-офицеры делятся на две категории: 1) унт.-офицеры линейных частей пехоты, кавалерии и артиллерии и 2) канцеляристы, н-ки хозяйственных, санитарных частей и специалисты.

§ 3. Кадровые унт. офицеры 1-й категории могут служить в армии: сержанты до 40 летн. возраста, капралы—комвзводы—до 35 лет и кадровые унт.-офицеры 2-ой категории—до 40 летнего возраста.

§ 4. В войсковых частях кадровых унт.-офицеров может быть: сержантов—100% общего штатного числа, комвзводов—100% и капралов—25%

§ 11. Кадр. унт.-офицеры могут быть разжалованы только по приговору суда и в исключительных случаях—по усмотрению н-ка дивизии.

§ 17. Унт.-офицеры получают все виды довольствия и жалованье: капралы—25 литов, комвзводы—35 и сержанты—50 литов ежемесячно.

§ 21. В случае смерти кадр. унт.-офицера все его жалованье получает его семейство.

§ 23. В случае утраты трудоспособности на военной службе, унт.-офицер или его семейство получают 50% основного оклада военнослужащих.

Польша.

Допризывное школьное обучение. Вопрос о подготовке резервов польской армии приобрел широкую гласность в печати сравнительно в недавнее время. До этого же, ввиду напряженной международной ситуации, польское правительство тщательно скрывало все виды скрытых вооруженных сил, характеризуя их официально, как спортивные общества. Одним из видов скрытых вооруженных сил в Польше являются т. н. „школьные отряды“.

„Работа над подготовкой резерва в Польше,—пишет полковн. Коц в журнале „Беллона“ т. X вып. 2 за 1923 г.,—получила новую точку опоры в решении министра народного просвещения, принятом совместно с военным министром — об организации школьных отрядов в средних и профессиональных учебн. заведениях. До сих пор подготовка резервов, ввиду отсутствия соответствующего распоряжения, налагающего обязанность военной подготовки на все польское население, должна была по необходимости ограничиться исключительно теми обществами, которые добровольно приняли на себя обязанность военной подготовки своих членов в силу своего военно-воспитательного характера.

Совместная работа с обществами, имевшими право вести военную подготовку своих членов, была первым шагом на пути к обучению всего населения, остающегося вне кадров постоянной армии. Вторым шагом была организация летом истекшего 1923 г. летних лагерей, преследовавших создание кадра помощников инструкторов по подготовке резервов из среды членов тех же обществ или из не входящей в общества молодежи, а также выработку метода работы и использование приобретенного опытом материала военными руководителями и инструкторами.

Прекрасные результаты, достигнутые летними лагерями, позволили организовать в январе 1923 г. зимние курсы, главным образом для сельской молодежи, которая не могла пройти обучение в летнее время, ввиду полевых работ. Третьим этапом в области подготовки резервов явилось вышеупомянутое распоряжение двух министров—об организации школьных отрядов“.

Цитируемый автор признает, что гражданское обучение и военное ведомство должны быть и тесном сотрудничестве между собою, т. к. армия принимает в свои ряды уже взрослого человека и глубоко заинтересована в том, какой именно человеческий материал находится в ее рядах.

Армия в своих методах воспитания более всего налегает на физическую и моральную подготовку солдата. Физическая подготовка будет ему дана соответственным физическим воспитанием, спортивными играми и развлечениями и рациональной гимнастикой, что надо начинать за целый ряд лет до начала военной службы. Моральная подготовка достигается выработкой сильного харак-

тера, воли, личной предприимчивости, наблюдательности, быстрой ориентации и способности к решению. Соединение этих двух элементов даст общие признаки деятельного человека и хорошего солдата.

Ниже приводится распоряжение двух министров.

1 *Общие основания.*—С целью подготовки школьной молодежи к военной службе и развития ее физических способностей, в программы мужских школ—средних и профессиональных—вводятся (временно, путем добровольного желания молодежи) занятия по военной подготовке, связанные с физическим воспитанием. Задачей военной подготовки является выработка в молодежи тех качеств и данных, которые развивают силу и характер будущего гражданина отечества, позволяя ему исполнять обязанности военной службы в более краткий срок и достижение военных степеней в менее продолжительное время.

2. *Учреждение школьных отрядов.*—Для этой цели в указанных школьными властями школах образуются школьные отряды, поскольку о своем желании участвовать в них заявит известное количество учащихся. Организацией школьных отрядов ведают школьные власти через посредство назначенного руководителя военной подготовкой. Школьные отряды носят название своей школы (или имя избранного ими патрона).

Каждый ученик данной школы, по достижении им 16 лет и при благоприятном заключении врача, может вступить в школьную организацию военной подготовки.

Школьный отряд каждого учебного заведения в отношении занятий по военной подготовке может составлять отдельную единицу, независимо от принадлежности ученика к классу.

В зависимости от численности состава и степени обучения, отряд может разделяться на меньшие единицы: роты, взводы, отделения.

Роспуск данного отряда или его отдела следует на основании решения школьных властей.

Во главе школьного отряда стоит военный руководитель, назначенный школьными властями и принятый на эту должность с согласия соответствующих военных властей.

Руководителем занятий по военной подготовке в школах является инструктор, имеющий требуемый ценз военной науки и практики, определенный особым распоряжением. Этим инструктором может быть офицер действительной службы, резерва или гражданское лицо, возможно—учитель военной школы.

Руководитель ведет свою работу на основании программ, выработанных совместно с министерствами просвещения и военным и утвержденных министерством просвещения.

По вопросам распорядка и внутренней дисциплины руководитель вполне подчинен школьной власти данного учебн. заведения.

Каждый воен. руководитель входит в педагогический совет на одинаковых правах с другими преподавателями по вопросам физического воспитания и военной подготовки.

Если руководитель находится не на действительной военной службе, он получает за свои занятия от школьных властей вознаграждение по учительским ставкам.

3. *Программа воен. подготовки.*—В программу военной подготовки в школах входят:

а) Физическое воспитание в тесной связи с лекциями, обнимаемыми школьной программой, фехтование и бомбометание.

б) Школа стрелка и науки об оружии.

в) Полевое обучение и связанные с ним сведения.

г) Отдельные технические дисциплины.

д) Военные сведения, включенные в программу отдельных школьных предметов.

Программа распадается на следующие курсы военной подготовки:

1) Ступень 1, соответствующая программам школы рядового пехоты.

2) Ступень 2, соответствующая программам школы унт.-офицеров пехоты.

В технических и профессиональных школах, сверх курса военной подготовки 1 ступени, создается курс школы рядового специальных родов оружия (артиллерии, техн. войск).

Курсы эти будут дополнены занятиями на специальных курсах, и в вакационных лагерях, предусмотренных в об'еме работы по военной подготовке и обнимающих практические элементы полевого обучения, невыполнимые в условиях работы в пределах программ и в стенах школы

Занятия на отдельных курсах будут состоять (еженедельно):

а) Из 3—4 учений по 45—50 минут (в помещении и на площадке школы).

б) Из 1 полевого учения или стрельбы во время специальных несколькодневных экскурсий и учений.

в) Максимум из одной лекции в 45—50 мин. по отдельным военным предметам.

Дополнительные и специальные занятия будут производиться на специальных курсах и в военных лагерях или для общего усовершенствования, или для приобретения навыка в отдельных областях обучения.

Кроме того, предвидится включение известных сведений, связанных с военным делом, в программы общеобразовательных предметов в средних и специальных школах:

а) В курс физики: основ баллистики, знакомство с двигателями внутреннего сгорания, с телефоном, радио-телеграфией.

б) В курс химии: сведения из пиротехники и о боевых газах.

в) В курс истории: некоторые сведения из военной истории, с подчеркиванием их воспитательной стороны, в особенности момента самоотречения и героизма

г) В курс географии: сведения о военной топографии и картографии.

д) В курс родиноведения: сведения о польском военном деле, организации армии и т. д

4. Экзамены и свидетельства о прохождении курсов военной подготовки. — Учащиеся, прошедшие минимум $^{2}/_{3}$ всех учений и лекций и принимавшие участие в учениях спортивных дружин и кружков (минимум один сборный спорт), а также отбывшие курс в учебном лагере во время каникул, допускаются к экзамену по пройденному курсу по программам и предписаниям министерства просвещения

Экзамены производятся экзаменационной комиссией, в состав которой входят представители министерств: военного и просвещения.

На основании пройденных учений и сданных экзаменов, учащиеся получают свидетельства следующих разрядов:

I степени—об окончании курса военной подготовки и курса новобранцев пехоты, артиллерии и техн. войск.

II степени—об окончании дополнительного унт.-офицер. курса пехоты, артиллерии и техн. войск.

В дальнейшем, на основании окончаний специальных курсов, учащиеся могут получать свидетельства, дающие им права, соответственные приобретенным ими знаниям.

5. Льготы и привиллегии.—Льготы и привиллегии определяются распоряжением об основных правах и обязанностях офицеров и нижн. чинов польской армии.

6) Помощь и расходы на оборудование. — Оказание помощи со стороны военного ведомства по содержанию военных инструкторов, предоставлению военных учебников и уставов, оружия, снаряжения, техн. материалов, плацов для занятий, стрельбищ и т. п. определено в инструкции об отношении военных властей к военно-воспитательным организациям.

Устройством каникулярных курсов и лагерей, спец. и дополнительных, ведают военные власти в полном согласии с мин. просвещения, они же заботятся одновременно о материальном снабжении, а равно—о необходимом составе инструкторов и руководителей.

Молодые люди, достигшие полных 16 лет, пользуются в лагерях правами резервистов, призываемых на учебные сборы (довольствие и жалованье) и подчиняются военным предписаниям и регламентам.

Для каждого лагеря министерство просвещения делегирует педагогического руководителя.

Контроль.—Контроль над внутренним распорядком и дисциплинарные права в школьных отрядах осуществляют школьные власти.

Военные власти наблюдают за ходом воен. обучения посредством специально уполномоченных воен. министерством делегатов.

Контроль над специальными лагерями и курсами принадлежит командованию корпусным округом Право посещения и контроля имеют также делегаты мин просвещения.

Румыния.

Общая характеристика армии.

С 1918 г., т е. с момента, когда Румыния заняла свое место в рядах Антанты в борьбе последней с Германией, Румыния не перестает развивать свою военную силу. Все побуждало ее к тому: периодически надо было усмирять Бессарабию, поддерживать порядок в Трансильвании, соседство новой армии на Европейском континенте—Красной и т. д.

В 1913 г. румынская армия состояла всего из 5 армейских корпусов. Теперь же их 7. Число пех. дивизий увеличилось с 10 до 23.

Румынский армейский корпус очень тяжеловесный организм. В него входят 3 пех. дивизии и значительное число недивизионных единиц: 1 кав. бригада, 1 инженерный полк, артиллерия, технические войска и пр. Две дивизии в корпусе имеют конструкцию, аналогичную французской в 1913 г. В каждую из них входят: 2 пех. бригады по 2 полка 3-х батал. состава, 1 арт. бригада из 2 полков (1 вооруженный пушками, второй—гаубицами) и один инженерный батальон.

3-я дивизия—дивизионный кадр с очень слабым по числу составом.

Наряду с этими дивизиями есть в составе армейских корпусов 2 дивизии горных стрелков.

Стремление румынской армии—сделать пех. дивизию менее тяжеловесной. Вероятно, она в скором времени приблизится к форме, в настоящее время общепринятой в Европе, и будет состоять лишь из 3 пех. полков. Такой состав уже принят в дивизиях горных стрелков. Это сокращение позволит более сильное формирование единиц в кадровых дивизиях, которые, собственно, не существуют (в дивизию входят две пех. бригады по 2 полка 3-х бат. состава) и, таким образом, усилит состав таких полков, состав коих—ниже минимума, допустимого требованиями обучения.

Румынская пех. дивизия очень сильно снабжена артиллерией. Она располагает 36 пушками (3 дивизиона по 3 батареи 4-х орудийного состава) и 16 гаубицами (2 дивизиона по 2 батареи)—даже больше, чем французская дивизия (3 группы по 2 батареи 75 м/м. и 2 группы по 2 батареи 150м/м.), которая менее сильна пехотой. Кроме того, имеется корпусная тяжелая артиллерия (полк) и армейская.

Румынская армия—только одна в Европе—увеличила число своих кав. полков. В 1913 г. их было 21, теперь их—25: 12—т. н. „рошиоры", 13—„калараши" и, кроме того, 1—королевского конвоя. Эта значительная пропорция кавалерии об'ясняется природой страны и ее слабо развитой дорожной сетью. Эта же причина оправдывает наличие 1 инженерного полка на эшелон—арм. корпус.

В 1916 г. румынская армия, вступив в войну, оказала значительное влияние на ход военных событий этого года. Теперь она представляет значительный фактор, с которым, по замечанию франц. журнала „Ле Тан", придется считаться, в случае конфликта. Она может мобилизовать до 2 миллионов человек. Ее сила особенно возросла бы, если бы Румыния была в состоянии справиться с двумя главными причинами своей нынешней слабости: малым личным составом своих единиц и разнокaлиберностью своего вооружения. Ежегодный контингент рекрутов в Румынии колеблется между 120.000 и 130.000. При двухлетней службе в пехоте, 3-х летней—в коннице и техн. войсках, численность румынской армии должна

быть около 280.000 Во избежание обременения государства, было решено, чтобы соответствующий бюджету состав армии не превышал 125.000. Чтобы не перейти за эту цифру, командиры единиц увольняют значительное количество солдат в отпуск. Нормальная численность линейной дивизии—6.000, численность пех. полка—400—1.600.

Вооружение пехоты—весьма пестрое. Оно состоит из русских винтовок 3-х линейного калибра, — это главное вооружение; затем из австрийских 8 м/м., французских 8 м/м. и до военных румынских винтовок калибра 6 м/м. 5, служащих теперь вместо карабинов. Эта разнокалиберность вооружения затрудняет обучение резерва, а для употребления на поле битвы,—представляла бы серьезные неудобства.

Те же несуразности представляет разнообразное вооружение румынской артиллерии—в еще более сильной степени. Дивизионная артиллерия состоит, как сказано, из арт. полка пушек и гаубиц. Орудия 3-х родов: калибр 76,2 м/м. русского происхождения, превосходные, скорострельные, сравнимые с французскими; пушки 75 м/м. французские, орудия 75 м/м крупповские, модель 1904 г., которыми румынская армия была вооружена до войны. Гораздо больше орудий русского образца. Ими вооружена артиллерия 4 корпусов, один вооружен французскими 75 м/м. орудиями и два остальных—старыми пушками Круппа. Пестрота—больше в полку дивизионных гаубиц: два дивизиона состоят из легких орудий, два—из тяжелых. В легких дивизионах имеются 100 м/м. австрийские, 105 м/м. французские, 114 м/м. русские, 120 м/м. французские, 120 м/м. немецкие; в тяжелых дивизионах—150 м/м. французские (поставка одного франц. завода до войны), 152,4 м/м. русские и 155 м/м. короткие Сен-Шамон.

То же разнообразие встречается в эшелоне тяжелой артиллерии арм. корпуса. Там есть русские орудия 106 м/м., французские 120 м/м., крупповские 150 м/м. и мортиры Круппа 210 м/м.

Очевидно, Румыния должна иметь однообразие артиллерийского вооружения, если желает извлечь из него всевозможные выгоды. Иначе, в случае войны, она рискует оказаться при снаряжении, не подходящем к данным орудиям.

Румыния приложила большое старание к организации своих техн. войск. У нее есть баталион танков Рено, 6 н броневиков, радио-телеграфный и прожекторный полк, ж. д. полк, два полка автомобильных. В пределах, допускаемых ее бюджетом, она развивает свою авиацию; имеются две разведывательные группы: одна бомбометная и одна истребительная. Одним словом, Румыния располагает всеми средствами современной войны.

Уже до войны она была особенно озабочена инструктированием своей молодежи и обучением своих резервистов. С 1 апреля до 30 ноября ежегодно каждые два воскресенья в месяц молодые люди собирались на учебный сбор по 3 часа. Не входившие в ряды войск должны были участвовать в подобных же периодических учениях в течение двух лет. Румыния, кроме того, ввела организацию, которой нет ни в одной европейской армии: альтернативную службу. Из'явившие желание молодые люди принимались на такую службу по праву; они служили в кавалерии. Они освобождались от обязанностей военной службы, но зато они должны были сами заботиться о своей экипировке или уплатить государству соответственную сумму.

Эти меры дали хорошие результаты во время войны, и Румыния постаралась их улучшить и обеспечить обучение молодежи. Подготовка кадров армии ведется в многочисленных школах. Каждый род оружия имеет по две таких школы: одну для подготовки, другую—практическую. Школы организованы также для подготовки офицеров резерва.

Проэкт реорганизации армии. Военный министр, ген. Мардареску, внес в бюро законодательных палат проэкт реорганизации армии, сводящийся к следующим положениям:

1) Продолжительность военной службы—29 лет, начиная с 21 года и до 50 лет, а именно: а) 2 года действительной службы для всех родов оружия и управлений, кроме флота, где срок службы 3 года; б) 18 лет в запасе; 10 лет в первом призыве, а для флота—9; 8 лет во втором призыве; в) 9 лет в милиции: 5 в первом призыве и 4 во втором. Все молодые люди, которым 31 декабря каждого года исполнится 19 лет, должны быть занесены в списки рекрутского округа той местности, где они живут. До 21 года включительно эти молодые люди должны находиться в распоряжении воен. министерства для прохождения допризывной подготовки, согласно закона об организации физического воспитания и военной подготовки населения.

2) Принятие новобранцев и зачисление в запас производится 1 февраля, а зачисление в милицию—1 июля. по окончании срока пребывания в запасе. В случае необходимости, высочайшим декретом, после резолюции совета министров, призыв может быть произведен и ранее, а контингенты под ружьем могут быть задержаны.

Лица, прошедшие срок действительной службы—2 года остаются в распоряжении воен. министерства.

Лица переменного состава кавалерии „Скимб" обязаны служить в первый год службы не менее 6 месяцев с перерывами или без таковых, в зависимости от годичной программы. На второй год службы они должны быть призваны минимум на три м-ца.

Воен министерство может призвать под ружье на неопределенное время для занятий или же временного усиления войск людьми из запаса и милиции Для запаса 2-го призыва и милиции призыв производится на основании высочайшего декрета, не более, чем на 30 дней в году.

3) Вся территория Румынии делится на военные области, которые определяются королевским декретом, в зависимости от удобства комплектования и мобилизации, а также, по возможности, руководствуясь административным делением страны. Каждая военная область подразделяется на рекрутские округа.

4) Набор армии производится по всей территории государства. Армия состоит из строевых частей и управлений. Количество и состав частей и управлений в мирное время определяется специальным законом (закон кадровый и бюджетный). Строевые части и управления формируются в мирное время в бригады, дивизии, корпуса и армии. Дислокация частей в мирное время должна соответствовать границам областей.

5) Главой всех вооруженных сил страны является король. Военная подготовка и администрация армии сосредоточены в воен. министерстве, организованном специальным законом. Два или более армейских корпуса и другие единицы управления формируются в армии, власть командований которых распространяется на все виды службы. Управление военной областью возложено на командование армейского корпуса, которому подчинены командования дивизий, бригад, строевых частей, управлений и учреждений, связанных с этой областью, которые не подчинены непосредственно воен. министерству.

В каждой области существует еще по одному территориальному командованию, которое подчинено непосредственно воен. министерству. В круг обязанностей территор командования входит: а) контроль военных рессурсов области, состава имущества и животных, имея, как исполнительный орган, управление рекрутских округов; б) на обязанности командований дивизий лежит оказание военной помощи в вопросах, касающихся администрации, военной подготовки, дисциплины в строевых частях и службах.

Во главе военно-морского и воздушного флотов находится по одному генерал-инспектору. Обязанности их определяются законом об организации боевых частей этих родов оружия.

6) Переход армии на военное положение устанавливается королевским декретом и согласно закона о мобилизации армии, гражданских и

промышленных учреждений, который подготовляется в мирное время.

Железные дороги, управление навигации, телеграфные и телефонные учреждения, линейные и воздушные почты и все другие государственные и частные учреждения должны предоставить в распоряжение командования персонал и необходимый материал для мобилизации и военных действий.

Распределение контингентов милиции определяется моб. работами (планами). Они должны быть сформированы в единицы для охраны и защиты страны, а также—в этапные единицы в тылу операционных войск.

Мотивировка этого проэкта такова:

Новым законом был положен принцип, что организация деления страны на военные области должна облегчить работу комплектования и мобилизации армии. Новым законом предвиделись специальные главы по организации армии в мирное и военное время. Определяется вид органов командования существованием командований армий еще с мирного времени.

Война доказала, что в применении стей на фронте не было никакой чазницы между частями действующей рамии и запаса, ибо последние были аризваны в бой на тех же сновапрях, как и первые. Таким образом ниименование „запас" не должно надчеркиваться с точки зрения оргапоизации и названия частей, а только нля распределения людей, которые должны пополнить потери, понесенные в боях действующими частями.

Соед. Штаты

Катастрофа 7 военных судов. Недавняя катастрофа 7 американских военных судов в Атлантическом океане произвела сильное впечатление во всей Америке. Американские власти немедленно возбудили энергичное следствие в целях выяснения истинных причин гибели судов. Результаты оказались в высшей степени необычайными. Оказалось, что настоящей причиной катастрофы было .. радио.

Подробности катастрофы таковы:

Эскадра миноносцев производила учебные занятия среди густой мглы в сфере, усеянной многочисленными подводными рифами. Учебные занятия основывались на усвоении навыка плавания в небезопасной сфере без помощи карт. Единственным указателем были ориентационные направления, получавшиеся ежеминутно с радиостанции, находившейся на берегу.

В момент, когда эскадра должна была возвращаться в порт, она получила неожиданно сигнал «СОС» („Спасайте тонем"!—морской сигнал, подаваемый в момент катастрофы). Сигналы происходили с парохода „Куба", находившегося в окрестностях острова Сан-Мигуэль. Натолкнувшись на подводный риф и получив пробоину, пароход начал погружаться в воду.

Сигнал был принят всеми судами, находившимися в этой сфере, и чтобы поспешить на помощь, подняли тревогу. Образовалось необыкновенное замешательство и хаос. Тысячи радиотелеграфных волн ударяли в антены приемных аппаратов на судах, препятствуя приближение их к берегу.

Ввиду господствовавшей непроницаемой мглы и отсутствию ориентационных указаний, колоссальные океанские суда оказались игрушками электрических волн и один за другим начали оседать на подводные рифы.

Таким образом, радио-телеграмма, высланная пароходом „Куба", оказалась причиной гибели 7 крупнейших океанских судов.

До сего времени американский военно-морской флот ни в одном бою не понес столько жертв, как во время этой катастрофы.

Франция.

Проэкт реформы военного судопроизводства. Специальная комиссия военных и гражданских юристов, созванная военным министром для подготовки законопроэкта о реформе военных судов и изменения устава о дисциплинарных наказаниях,—закончила свои работы. Результаты последних одобрены министром и в скором вре-

мени будут представлены в законодательную палату.

Реформа военного судопроизводства будет состоять, в общих чертах, в следующем:

Существовавшие до сих пор суды, т н. „Conseil de guerre“ — ликвидируются, а вместо них учреждаются военные трибуналы („Tribunal militaire“). Эта реформа не является простым изменением названий, т. к. военные суды состояли исключительно из офицеров, часто не имевших юридического образования; в военные же трибуналы должны войти (в мирное время), кроме офицеров, также и гражданские специальные судьи. В мирное время трибуналы будут находиться под председательством гражданского прокурора, а в военное — под председательством офицера, происходящего по профессии из гражданских судей или адвокатов. Членам трибуналов положены все права судей, которыми не пользовались члены прежних военных судов.

Кроме существующих в мирное время аппеляционных и кассационных инстанций, во время войны вводятся при каждой армии кассационные трибуналы. В эти трибуналы имеют право подавать жалобы осужденные на суровые наказания (peine capitale). Трибуналами последней категории предусмотрены все права защиты.

Изменения в военно-дисциплинарном уставе будут состоять в согласованности военного судопроизводства с общим судопроизводством Это касается прежде всего статей, трактующих об ограничении личной свободы и фактического уменьшения наказания. Наказания принудительными работами совершенно отменяются. Процедура судопроизводственной деградации также подлежит упразднению.

В общем, проэкт идет по линии согласованности военного судопроизводства с судопроизводством общим. До сего времени главная разница была в военной и гражданской точках зрения на степень виновности подсудимого Благодаря недостатку офицеров-юристов, в военные трибуналы будут приглашены гражданские судьи (в мирное время).

Недостаток комсостава.—По окончании войны, во французской артиллерии ощущается большой недостаток комсостава, по сравнению с превосходным количеством офицеров в частях других родов оружия. Для пополнения кадра офицеров артиллерии, в Фонтенебло открыты курсы для офицеров пехоты и кавалерии, из'явивших желание перевестись в штат офицеров артиллерии.

Продолжительность курсов: для младших офицеров—7 ме-цев и для штаб-офицеров—5 м-цев. Кроме того, курсы сокращают срок для получения соответствующего стажа в артиллерии, требуемого—от младших офицеров—3 м-ца и от штаб-офицеров—5 м-цев.

Согласно об'явленного списка, количество офицеров пехоты и кавалерии, переведенных в части артиллерии с 1/VIII 1923 г, достигает 75 чел. После удовлетворительного отбытия стажа и по прохождении курса в Фонтенебло, эти офицеры будут с 1-го июня 1924 г. окончательно перечислены в штат артиллерии.

Награды во французской авиации.— Ввиду чрезвычайного развития авиации в Соед. Штатах Америки, свидетельствуемого последними мировыми рекордами, поставленными американскими летчиками, французские авиационные власти об'явили конкурс на две награды для летчиков.

Первая награда—50.000 франков для французского летчика, который должен побить существующие рекорды продолжительности и расстояния полета. Вторая награда—также в 50.000 фр. предназначена для летчика, который побил бы рекорд высоты, достигнутый летчиком Сади-Леконт.

Набор и обучение офицеров резерва.—Институт офицеров резерва в современном значении этого слова (т. е. офицеров, не происходящих из быв. кадровых офицеров) существует во Франции с 1873 г. В основе принято, что офицером резерва можно состоять только добровольно. Однако, в отношении рядовых, произведенных в офицеры резерва, предусмотрены некоторые поощрения и привиллегии. Обучение офицеров резерва поставлено, по возможности, наравне с обу-

чением кадровых офицеров. Для этой цели в офицерских школах, находящихся в четырех городах, организованы „отделы кандидатов на офицеров резерва“ (сокращенно—peleton d' E. O. R.). В этих отделах преподается ряд лекций и производятся строевые занятия одновременно со всеми кандидатами на кадровых офицеров, благодаря чему атмосфера в этих отделах наиболее благоприятная сравнительно с прежними отделами (корпусными) при школах офицеров резерва.

Кандидатами на офицеров резерва являются:

1) Молодые люди, окончившие с дипломом высшее гражданское учеб. заведение и успешно прошедшие высшие курсы военной подготовки; вступают они в отделы кандидатов на офицеров резерва, как гражданские лица.

2) Рядовые со средним образованием (аттестат зрелости или соответствующее школьное свидетельство), прослужившие 6 м-цев в линейных частях и сдавшие экзамен по военным предметам, согласно специальной программы.

Как те, так и другие обязаны пробыть в отделах кандидатов 6 м-цев, после чего они получают соответствующие свидетельства и чин подпоручика или звание унтер-офицера резерва, в зависимости от достигнутых ими успехов. В этих чинах и званиях они проходят 6-ти мес. пробные курсы в полках своего рода оружия и зачисляются в резерв. Одновременно те кандидаты, кои были в звании унтер-офицеров, производятся в подпоручики резерва.

Общий же срок действительной военной службы кандидатов продолжается:

1) 6+6=12 м-цев, т. е. на 6 м-цев менее и

2) 6+6+6=18 м-цев или нормально.

Для иллюстрации наплыва кандидатов достаточно привести следующие цифры:

В течение 1922 г. на высшие курсы военной подготовки было записано 15.000 молодых людей, окончило из них—7.000. Принято из них непосредственно в отделы кандидатов 2.000 чел. Из призывных принято 800. Из общего числа кандидатов (2.800) в подпоручики резерва произведено 2.210.

В целях пополнения обучения офицеров резерва, проэктируются:

1) Специальные курсы, предшествующие производству кандидатов в следующий чин.

2) Периодические повтор. курсы и

3) Добровольная служба в полках.

Однако, все эти курсы оказались весьма слабыми. Так, из общего числа 150.000 офицеров резерва (произведенных преимущественно во время мировой войны), курсы посещали только 4.000 чел. Благодаря этому осуществление 1—3 проэктов будет проведено принудительным способом.

Все офицеры резерва об'единены в о-ва „национальное об'единение“, имеющие целью поддержание боевой готовности своих членов. Для об'единения интересов кадровых офицеров и офицеров резерва, ген. штаб образовал особую секцию, в состав которой входят также и два офицера резерва.

Обмундирование офицеров военно-морского флота.—В „Правительственном Вестнике“ об'явлен декрет относительно обмундирования офицеров военно морского флота. Декрет является только кодификацией соответственных распоряжений, изданных во время и после мировой войны. Существовавшее до сего времени обмундирование флотских офицеров, состоявшее в форме фрачного покроя, богато убранное золотыми пуговицами, заменено т. н „временным большим мундиром“, состоящим из сюртука, эполет и шляпы. Следует заметить, что прежнее обмундирование офицеров заменено только в одном французском военно-морском флоте. Новое обмундирование шокирует французских офицеров флота, особенно при встрече с иностранными матросами. По выражению одного французск. журнала, франц. офицеры флота в своих „временных больших мундирах“ напоминают „бедных родственников“.

Ввиду этого, среди франц. офицеров флота возникла сильная тенденция к изменению указанного декрета и сохранению прежнего мундира.

Чехо-Словакия.

Бюджет министерства народной обороны. — Принятый парламентом бюджет министерства народной обороны на 1923 г. составляет 2775137132 чешских крон, из которых на обыкновенные расходы предназначено 1759623883 кроны на чрезвычайные—1018513249 кр. К указанным суммам следует добавить расходы, указанные в бюджете в общей рубрике „инвестиций", в сумме 170 милл. кр., и в рубрике „на содержание военных построек" — 40867010 кр. Сравнительно с 1922 г., бюджет этот менее на 400 милл. кр., что, впрочем, не соответствует действительности, т. к. вся разница покрыта полностью ростом покупательной силы чешской кроны

Расходы на вооружение состоят из следующих сумм:

Авиация	130	милл
Авто-войска . . .	80	„
Огнестр оружие .	200	„
Аммуниция . . .	254	„
Взрывчат. вещ. . .	45	„
Прочие средства обороны	21	„
Производство маневров . . .	53	„
Всего	2986004142	крон.

Распределив всю тяжесть этих расходов на все население Чехословакии получим 219,63 кроны на каждого человека. Эти расходы—наиболее внушительные во всей Европе после Франции с оккупацией Рура и свидетельствуют о напряженности вооружения и систематической работе в чехословацкой армии.

Сокращение срока военной службы.— Чехословацкое мин. народной обороны намерено внести в ближайшую сессию парламента законопроэкт о сокращении срока действительной военной службы до 14 м-цев.

Этот шаг продиктован чисто экономическими соображениями.

Аэропланы на 100 пассажиров.— Фабрика аэропланов „Аэро" в Праге занята конструкцией гигантского аппарата на 100 пассажиров, снабженного двумя или тремя моторами. Если пробные полеты на этом аэроплане окажутся удачными, указанная фабрика намерена приступить к массовому производству аналогичных аппаратов.

Самоубийства солдат.—Представитель военного министерства представил военной комиссии парламента подробный доклад о самоубийствах солдат чешской армии. Среди присутствовавших этот доклад произвел глубокое впечатление. Так, с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. в армии совершенно 106 самоубийств, т. е. 76 самоубийств на каждые 100 тысяч солдат. С октября 1922 г. по октябрь 1923 г. на 100 тысяч совершено 97 самоубийств

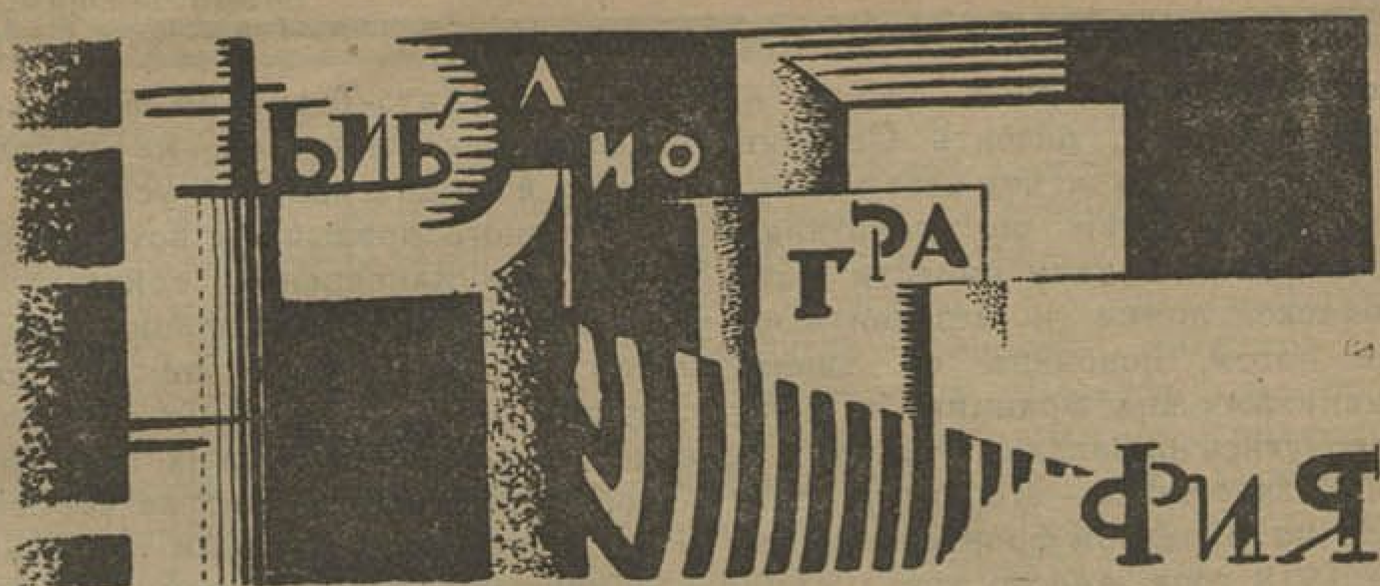
Во время дискуссий по этому докладу депутаты требовали, чтобы в следственные комиссии по вопросам самоубийств в армии назначались бы и рядовые, а не одни офицеры.

Япония.

Потери флота во время землетрясения.—Японское морское министерство об'явило последний список потерь, понесенных японским флотом во время последнего землетрясения.

Так, линейные суда „Аки" и „Имтаса" выброшены волнами на берег и разбиты. Сильно повреждены и негодны для дальнейшего употребления броненосцы „Сатсума" и „Асаки". Потонули: линейный крейсер „Амади" и брониров. крейсера „Коко" и „Иокильфа".

Кроме того, совершенно уничтожены верфи флота в Иокагаме и арсенал и здание администрации в Иокс-Сукс.

Г. Х. Саджент. Стратегия на Западном фронте 1914—1918 г.г.

Перевод с английского под редакцией проф. В. Ф. Новицкого. Высший Военный Редакционный Совет 1923 г.

Начав свой труд с общих рассуждений, что мировая война, не смотря на целый ряд новых данных в области военной техники, все-же подтвердила незыблемость основных принципов стратегии, автор переходит затем к рассмотрению трех основных или, как он выражается, „крупных ошибок германцев"—которые и привели империю Гогенцоллерна к полной военной катастрофе.

Первая крупная ошибка немцев, по мнению автора, заключалась в основной идее плана войны, который предусматривал первоначальный главный удар по Франции. Автор полагает, что действуя оборонительно на Западном фронте и обрушившись своими главными силами совместно с австрийской армией сначала на Россию и Сербию, германцы могли бы быстро расправиться с армиями этих государств, а затем уже, развязав себе руки на востоке, всеми силами обрушиться на Францию. В этом случае Саджент полагает, что германцам удалось-бы в течение не более двух лет достигнуть полного успеха и победоносно закончить войну.

„Если-бы Германия,—пишет автор,—последовала этому плану, она не восстановила-бы против себя с первых же дней всего мира. И все это было легко выполнимо, если бы у Германии было-бы какое-либо стратегическое предвидение; но, преследуемая мыслью, что она должна начать наступление с первого-же момента против Франции, и разрабатывая годами план действий по этой операционной линии и убежденная, что она может победить Францию, так-же, как она сделала это в 1870 г. и не учитывая того, что вступление России в войну в 1914 г. создаст стратегическую обстановку совсем не похожую на ту, которая была в 1870 г.,—она понеслась навстречу своему окончательному поражению. Эта ошибка, этот удивительный промах германского генерального штаба были ужасны, гибельны для центральных держав".

Суждения эти и предположения нельзя не признать смелыми,*) но ведь неизвестно, каков бы был результат, если бы план войны, составленный Шлиффеном, не подвергся изменениям и искажению теми, кто проводил его в жизнь

Ко второй крупной ошибке германцев автор относит необыкновенное упрямство германского командования, проявленное последним при попытках взять Верден. Отдавая должное немцам в правильной оценке избранного ими для прорыва фронта союзников направления, выводящего немцев в случае успеха прямо на пути сообщения французов с Парижем и сулившего, быть может, полную победу, автор все-же считает эту операцию крупнейшей ошибкой: „И все это,—пишет он,—было ошибкой, вторым большим заблуждением, потому что с теми-же самыми усилиями, и, вероятно, с гораздо меньшими потерями Германия

*) Даже более чем смелыми: развязаться с тогдашней Россией было не так просто, как с Сербией. *Ред.*

могла-бы завершить свои победы на восточном фронте, разбить Салоникскую армию и захватить этот важный морской порт, затем со значительно превосходными силами нанести удар; итальянской армии и раздавить ее, и уже потом, покончив со своими противниками вне Франции и Бельгии, вернуться на Западный фронт...“*).

Третья ошибка—это наступление немцев на Западном фронте начатое в марте 1918 года, вместо того, чтобы бить союзные войска на Салоникском фронте и затем, разгромив их здесь, занять Грецию, богатейшую долину реки По и, двинувшись к морским Альпам, вторгнуться во Францию через Ниццу**).

Далее Саджент довольно подробно останавливается на рассмотрении вопроса о влиянии ломаного начертания фронта германских боевых линий, образовавшегося в результате начатого немцами большого наступления 21 марта 1918 г., когда последние резко вклинились в расположение противника на Альпийском направлении. Образовавшийся ломаный фронт давал возможность немцам действовать по внутренним линиям, но в то же время давал еще большие преимущества союзникам, так как их нажим и прорыв на одном из участков такого фронта угрожал сообщениям германцев, атаковавших союзников на другом участке.

Вбитые немцами в расположение противника „клинья“ у Амьена и Шато-Тьери в результате наступлений 21 марта и 9 апреля автор рассматривает, как наиболее слабые места германского фронта.

Закончив изложение целой теории о клиньях, автор переходит затем к краткому описанию большого наступления немцев в 1918 году, состоявшему, в сущности, из пяти отдельных наступлений в период с 21 марта по 15-го июля, и из которых ни одно, включая сюда и пятое в районе Реймса и Шато-Тьери, наиболее критическое для союзников, не привело немцев к решительному успеху, не дало полного прорыва и возможности перехода к маневренной войне.

Излагая это наступление немцев, автор неоднократно и не без хвастовства отмечает мощь и значение некоторых американских дивизий, которые принимали участие совместно с англо-французскими войсками в ликвидации попыток немцев к прорыву фронта союзников.

Закончив главу, посвященную большому наступлению немцев, автор приступает к описанию встречного наступления Фоша, об‘единившего с апреля месяца 1918 года командование всеми союзными войсками и терпеливо ожидавшего и подготовлявшего удар в наиболее уязвимое место немецкого фронта—в клин у Шато-Тьери.

Отдавая должное таланту Фоша в выборе направления и подготовке удара автор еще раз подчеркивает неоднократно им отмеченное в своем труде значение нанесения удара по сообщениям противника в условиях полного обеспечения своих сообщений.

Заканчивая описание встречного наступления союзников, автор вновь довольно хвастливо отмечает то значение, как материальное, так и моральное, которое сыграли американские войска в этой операции Фоша

Следующая глава заключает в себе описание борьбы союзников за укрепленную линию Гинденбурга. Для начала этой операции Фош выбрал участок фронта Верден—Реймс, с которого и повел наступление в северном направлении. По мнению автора, выбор направления был произведен весьма талантливо.

Здесь Саджент не мог отказать себе в некоторой нескромности и, в доказательство правильности своих суждений и истинного понимания общей стратегической обстановки, он знакомит читателя с содержанием своей докладной записки, представленной им еще 12 сентября начальнику военной академии С.-А. Соеди-

*) Зачем? Жаль, что Саджент не пробует подсчитать, с *чем* немцы могли бы вернуться после всех этих фантастических побед. *Ред.*

**) План достаточно „американский“. *Ред.*

ненных Штатов, в которой указывает на чрезвычайную важность атаки немцев с фронта Верден—Реймс в северном направлении. При описании борьбы союзников за линию Гинденбурга автор подчеркивает решающее значение танков и, вместе с тем, отмечает высокий моральный под'ем союзных войск и самоотверженность их при ведении атак на германские укрепленные линии; между прочим, он пишет: „препятствия, казавшиеся за несколько недель до того непреодолимыми, стали после побед казаться незначительными".—Но так-ли уж все это? а поддержка танков или даже их решающее значение, о чем не скрывая говорит он же сам?—В книге капитана немецкого генерального штаба Риттера „Критика мировой войны"—в главе—„германское отступление"—мы читаем приводимые автором слова одного из небольших строевых начальников, проведшего всю войну на фронте: „Французы остались теми-же, что и в 1914 году; может быть и были у неприятеля войсковые части, сражавшиеся на редкость храбро и бывшие исключительно выдающимися, но в общем французская пехота и теперь уступала нашей. Она наступала только тогда, когда и артиллерия и прочие безчисленные технические средства, например, танки расчищали ей путь; нашего наступления, особенно ближнего боя, они не выдерживали"—Покончив с хвалебными гимнами союзным войскам, автор переходит к сравнению искусства в ведении операций Фошем и Людендорфом, отдавая полное предпочтение первому.

В конечных трех главах своего труда Саджент кратко описывает действия союзников на востоке, излагает план мирового господства Германии и заканчивает свою книгу описанием отступления немцев на линию Мааса.

Здесь весьма интересно отметить взгляд автора на значение Балканского фронта. Саджент являлся ярым приверженцем той идеи, что мировая война не может быть закончена, или, вернее говоря, разрешена на Западном фронте и что только решительные действия и победа союзников на Салоникском фронте смогут поставить Германию на колени.

В этом смысле им была еще 26 августа 1918 г. подана докладная записка военному министру С.-А Соединенных Штатов, в которой Саджент настаивал на отправке американских войск на Салоникский фронт; однако, повидимому вследствие противодействия в этом отношении Англии, проэкт этот не осуществился.

Мысли автора по этому вопросу сводятся вкратце к следующему: для того, чтобы окончательно разгромить немцев на Западном фронте, даже после отхода их на Маас, необходимо было-бы союзным войскам форсировать Маас, Мозель и Рейн; брать крепости Мец и Страсбург и прокладывать себе дороги через Шварцвальд,—что по мнению автора вряд-ли было осуществимо.

Между тем решительный удар на Балканском театре разрывал здесь важнейший для Германии путь—Берлин—Константинополь—Багдад, лишая немцев подвоза тех богатств, которые они черпали из Азиатской Турции; вместе с тем прекращалось снабжение Турецкой армии военными припасами из Германии; разгром здесь болгарской и австрийской армий развязывал союзникам руки на востоке и давал возможность движения через Сербию на Будапешт и, как общий результат,—угроза Германии нападением на нее с юга.

В подтверждение правильности своего взгляда автор приводит то обстоятельство, что немедлено вслед за разгромом болгар и австрийцев на Салоникском фронте и в связи с разгромом турок в Месопотамии и Сирии—Людендорф подписал перемирие, сознав, что при такой обстановке полное поражение для немцев неминуемо и что всякое дальнейшее сопротивление на Западном фронте бесцельно *).

В общем, труд Герберта Саджента (152 стр) читается легко и с инте-

*) Все эти рассуждения уже потому поверхностны, что оставляют в стороне истощение Германии и революцию, которая в ней совершалась. *Ред.*

ресом; помимо рассмотрения некоторых операций на Западном фронте этот труд освещает сравнительно мало затронутый в военной литературе вопрос о значении Салоникского фронта в общем ходе мировой войны.

С. Б.

Отто ф. Мозер. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 годов.

Перевод с немецкого А. И. Мялковского. В.В.Р.С. 1923 г 160 стр.

Автор относится к числу известных немецких писателей, перу которого принадлежит целый ряд военно-научных трудов, распространенных не только в Германии, но и за ее пределами, в том числе „Вождение корпуса в полевой войне" и др.

Соединяя высокую военно-научную подготовку с большим боевым опытом, автор с'умел в небольшой книжке дать сжатый, но ясный очерк событий войны по крайней мере на главнейших театрах.

В начале на 12-ти страницах изложен „Краткий стратегический очерк", представляющий, в сущности, как-бы перечень главнейших событий и операций, очень полезный для справок и общей ориентировки. Затем следует „Краткая стратегическая оценка мировой войны", в которой более важные и крупные события изложены с критической оценкой автора.

В своем предисловии автор говорит, что исчерпывающая критика, в полном смысле этого слова, не является целью его работы. Такую оценку трудно было бы дать уже по самой близости событий и недостаточной разработке материалов, которые далеко еще не все известны и отличаются многими противоречиями. Но, как говорит автор, его задачей было дать „хотя и яркое, но беспристрастное изображение, об'яснение и оценку стратегических событий мировой войны с суб'ективной точки зрения, ищущей об'ективной правды". Нужно признать, что эта задача выполнена автором весьма добросовестно.

Политической обстановки автор касается лишь вскользь, насколько это необходимо для цельности изложения. В этой области, как указывается в предисловии от редакции (В.В.Р.С.), взгляды автора не отличаются большой широтой, отражая его монархические идеи, германский патриотизм и даже, местами, прусский шовинизм. Но даже, и в этой области ф. Мозер умереннее других немецких военных писателей. При вдумчивой оценке, эти взгляды не мешают понять действительную политическую подкладку военных операций.

В этой короткой заметке нет возможности останавливаться на суждениях ф. Мозера по поводу отдельных периодов войны.

Отметим, что оценка событий в начале сентября 1914 г., которые привели к неуспешному сражению на Марне и составили поворотный пункт всей войны, делается ф. Мозером в том смысле, что по вине главного командования, немцы втянулись в эти дни в „необузданный план (двойного охвата), базировавшийся, кроме того, на необыкновенно низкой оценке французских командования и войск". Этот план заранее был осужден на неудачу по недостатку сил и их неверной группировке на театре войны, а также по вялости и неспособности высшего командования в руках Мольтке (племянника знаменитого фельдмаршала, генерала--царедворца, к тому же больного). Поэтому, как замечает ф. Мозер, не имеет значения последующий спор (создавший, кстати сказать, целую литературу) о том, кто из войсковых начальников немецкого правого фланга или уполномоченный верховного командования (Хенч) должен нести ответственность за решение и приказ об отступлении.

Большой интерес представляют многие указания и суждения ф. Мозера для оценки того значения, какое имело участие в войне царской России.

Мозер называет „особенно неудачной и роковой" посылку (25 авг.) двух армейских корпусов с правого фланга германской армии в Вост. Пруссию.

Он дает верную оценку тому значению, которое имел разгром австро-венгерской армии.

Но особенно интересно и поучительно проследить, как настойчивая мечта Людендорфа и Гинденбурга— разбить Россию и овладеть прибалтийскими провинциями, роковым образом отразилась на исходе всей войны.

Эти оба вершителя судеб Германии упорно и судорожно держались за свою мечту даже тогда, когда на Западе Германия стояла на краю гибели.

Еще мы не знаем, похоронены ли в теперешней Германии Людендорфы и Гинденбурги, а потому не надо забывать и о их мечтаниях.

Перевод книги сделан почти хорошо, но жаль, что не приложено соответствующей карты. Приложенная небольшая схематическая карта отпечатана очень плохо. В общем, книга должна получить широкое распространение в наших военно-научных кругах и кружках.

Ф. О.

Фрейтаг — Лорингофен. Выводы из мировой войны.

Пер. с немецкого под ред. Е. И. Мартынова. В. В. Р. С. 1923. 79 стр.

В особом предисловии издательство (В.В.Р.С.) как бы рекомендует вниманию читателей этот небольшой труд Фрейтаг—Лорингофена, „доктора Берлинского университета и одного из крупнейших германских военных мыслителей“, называя его мировоззрение „очень типичным для консервативного германского милитариста и поражающим своей цельностью и верой в свою правоту“.

Но сомнительно, чтобы наши читающие военные круги нашли эту книжку особенно интересной или полезной. Слишком уж она пропитана старыми прусскими традициями, а потому представляет более исторический, чем современный интерес.

Первая глава, разбирающая положение центральных держав в области политики и мирового хозяйства, говорит о крайней невыгодности этого положения для Германии и недостатках ее подготовки именно в этом отношении, но в очень общих чертах. Вторая глава, под заглавием „Психология войны народов и масс“ заключает ряд интересных мыслей, в особенности о повышенной внушаемости современных социальных масс, но односторонние отзывы о состоянии „психоза“, в котором яко-бы находились французы, англичане и американцы, в противоположность с сознанием долга на стороне германцев, слишком отзываются прусским патриотизмом и даже наивностью. Психологическая оценка русской старой армии во многих отношениях верна, но слишком замкнута в утверждении, что Россия вообще „не дозрела до общеобязательной воинской повинности“ Победы русских войск над австрийскими приписываются только численному превосходству русских войск и недостатку артиллерии на стороне австрийцев. Глава о влиянии техники не заключает ничего особенно нового. Глава об управлении представляет скорее теоретический трактат на эту тему с длинными ссылками на Фридриха Великого, нежели действительные выводы из мировой войны. Затронутый Лорингофеном интересный вопрос, — не было ли более выгодным в период позиционной войны допустить противника до прорыва и затем разбить в маневренном бою, —в сущности остался неразобранным. Заключительная глава „Армия в будущем“ сводится к апологии прусской организации и ее системы обучения.

Остается добавить, что книга была написана еще до окончания войны, а потому некоторые фразы недостаточно прозорливого и упорного консерватора звучат теперь, как злая ирония.

„Хотя мы, конечно, хорошо поработали во всех областях, говорит Лорингофен, и это может служить нам удовлетворением, тем не менее, мы не должны почить на лаврах“... Увы! Лавры Германии похожи более на горячие уголья. При этом мы знаем, что *„поразительная* вера в свою правоту“ Лорингофена и многих ему подобных „военных мыслителей“, о которых В.В.Р.С. говорит в своем предисловии, сделалась одной из причин того *поражения*, которое потерпела Германия в мировую войну.

Ф. Огородников.

Военный Зарубежник В. В. Р. С.

1923. № 19—174 страницы.

Номер открывается статей ген. Мориса (с английского) „Вооруженные силы Европы", снабженной примечанием редакции, что статья печатается почти без сокращений, чтобы читатели сами судили, чего в ней больше: комического невежества или лицемерия. Морис стремится доказать, что вооруженные силы Европы растут не по вине Антанты (Франции, Англии, Италии), а по вине 26 других государств Европы, которые, увы!... не имеют доверия к Лиге Наций. Он думает, что для этого доверия надо лишь исправить некоторые параграфы устава Лиги Наций!! Франция должна обеспечить себя от нападений „на всегда" а потому—удержать долину Рейна и т. д. Как видно, примечание редакции дает очень точную характеристику.

Небольшая статья Э. Пранда „от польских легионов до Польской армии" сообщает не лишенные интереса и мало известные у нас подробности из истории „пильсудчиков" и „галлерчиков", но странно звучит аналогия между ними и Красной гвардией. В конце статьи автор дает неутешительную для современной Польши характеристику ее армии, в которой буржуазный лагерь национал-демократов борется с мелко-буржуазным (крестьянским), молодые возраста слабо поддаются пропаганде, а старшие возраста резервистов настроены определенно антимилитаристически. Статья „Германская военная доктрина по опыту войны" (с французского, из Ревю Милитер) дает только освещение немецкого полевого устава, стремясь попутно доказать, что немцы, судя по этому уставу, не отказались от большой, упорной войны. Заметка „О внезапности" французского полковника Виот (из Ревю Милитер еще за сентябрь 1922 года) приводит положения по этому вопросу франц. инструкции 1917 г. и добавляет соображениями о стратегической внезапности, но довольно беглыми.

Характерна для французской доктрины особенная забота,—самому не оказаться во „внезапном" положении, с соответствующими мерами предосторожности. Интересна заметка майора Люсьена „Географические об'екты действий в войне будущего" (с французского), которая подтверждает, на основании опыта последней войны, значение не только географических, в тесном смысле слова, но культурно-экономических данных, давая им короткую сводку. Небольшие статьи: „Заключительные сражения великой войны 1914--1918 г.г. и „Разрыв между армиями Клука и Бюлова против XVIII-го французского корпуса" дают сжатые справки по этим важнейшим эпизодам войны, но лишь с французской точки зрения. Любопытные подробности о „Бое пехотного батальона (польского) с бригадой Красной конницы" приводятся из польского журнала Беллона; речь идет; о ночном нападении одного из б-нов 51-го польского полка с пулеметами и 37 м/м пушкой на бригаду червонного казачества (8-й дивизии) в середине июля 1920 г. на р. Збруче, а также о последующем столкновении этого б-на с конницей рано утром на следующий день, в котором пехота (600 чел.) атаковала бригаду (1200 всадников), и конница принуждена была отступить. На Украине с интересом прочтут эту статью и, может быть, внесут в нее поправки. Подчеркивается выгода 8 станковых пулеметов против 12 на тачанках, а также значение 37 м/м пушки; у Красной конницы артиллерии не было. Далее следует ряд небольших статей (6—12 страниц) и заметок, посвященных взаимным действиям пехоты с пулеметами, танками и артиллерией. В заметке „Кризис пехоты" ген. Экошар напоминает, что техника не заменяет человека и что у пехоты может не хватить сил даже прикрывать разбухшую технику. В статье «Вооружение пехоты» полк М. Х. (из Ревю д Инфантери за 1922 г.) приведены очень интересные и полезные данные о свойствах всех видов пехотного оружия (от винтовки до орудий сопровождения включительно),—каковы они теперь во французской армии и каковы они должны были бы быть по опыту мировой войны. Следует отметить, что автор считает мало пригодной 37 м/м

пушку, которая слишком тяжела, велика и хрупка, а сила снаряда не соответствует громоздкости материальной части.

Мортира Стокса мало себя проявила, в особенности в полуманевренной войне 1918 г., по причине трудности питания снарядами. Но, по мнению автора, мортиры Стокса и Жуандо Деландр улучшенной конструкции вполне отвечают требованиям. Автор настаивает на необходимости снабдить пехоту особым противосамолетным пулеметом кал. 13м/м.

В статье „Борьба против пулеметов на близких дистанциях" подп. Люган (из Ревю д'Инфантери за август 1922 г.) приводится любопытная схема расположения б-на для выжидательного боя с 16-ю станковыми и 36-ю ручными пулеметами. Гнезда сопротивления, вооруженные станковыми и ручными пулеметами с возможно меньшим числом стрелков, располагаются в 2—3 линии, в шахматном порядке, на дистанциях 100—150 метров и с интервалами 200—400 метров; особенно удобны для этой цели позиции на обратных скатах. Отдельные пулеметные гнезда, позади, с большим кругозором и обстрелом, дополняют это расположение. Длина фронта б-на 2 километра. По удаленным целям действуют лишь расположенные позади группы пулеметов; пулеметы первой линии обнаруживают себя лишь с расстояния 100--150 метров, когда атакующая пехота не может более рассчитывать на поддержку своей артиллерии и в то же время не в состоянии еще применить своих минометов и гранат. Такое расположение было обычным в 1918 г., теперь будет еще чаще. На помощь артиллерии нельзя слишком рассчитывать, по трудности определения целей для стрельбы и огромной затрате снарядов, которые понадобились бы для уничтожения всех пулеметов. Единственным средством, по мнению автора, являются блиндированные машины с гусеничным ходом. Автор замечает, что во французской пехоте эта задача возлагается пока на крайне ограниченное число исключительно легких машин, по дороговизне танков для такой цели — как прорыв передовой позиции противника. Поэтому автор проектирует придачу еще 12 особых легких танков на полк, специально для подобных назначений.

Еще больший интерес представляют три следующих статьи: „Совместные действия пехоты и артиллерии непосредственной поддержки в наступательном бою" полк. Абади из Ревю д'Инфантери за 1923 г., „Сопровождение пехоты легкой мощной артиллерией" майора Шнейдера из Ревю д'Артиллери за 1922 г. и „Методы артиллерийской поддержки пехотной атаки в великую войну" полк. Роже (продолжение из № 17—18 Зарубежника).

Но приходится отослать читателей непосредственно к этим статьям за невозможностью дать о них надлежащее понятие в пределах настоящей заметки.

Можно лишь отметить, что в качестве мощной артиллерии признается наиболее удобной 120 мм. (ок. 5 д.) мортира.

Для поддержки пехотной атаки против укрепленной позиции, по расчетам Роже, требуется на дивизию, при фронте атаки в 2000 метров,— от 28 до 43 артиллерийских дивизионов, а иногда гораздо больше. Две статьи посвящены коннице: „Кавалерия и гусеничные машины" подп. Ланглуа и „Роль и использование конницы" З. Журавского. Проводится мнение, что быстрый легкий автомобиль на гусеничном ходу должен сделаться одним из наиболее сильных средств кавалерии ближайшего будущего. В статье Журавского проводится характеристика английских уставов и взгляды английских кавалерийских начальников, которые не ограничивают значение конницы задачами подвижного огневого резерва, как французы (маршал Петен), но придают большое значение действиям в конном строю „где это возможно".

Интересны некоторые подробности относительно организации танковых соединений и, в особенности, перевозочных средств в пехоте, приводимых в статьях из английских журналов „О тактике малых танковых соеди-

нений“ и „О перевозочных средствах в частях пехоты“.

Номер заканчивается большим отделом различных сведений об иностранных армиях и новых уставах (28 страниц), очень ценным библиографическим отделом и разными заметками из иностранной периодической печати; между прочим, помещен отзыв о статье проф. Домбровского „Польша и будущая война“.

В общем, текущий номер Зарубежника, как видно, дает очень много ценного материала и должен получить широкое распространение в наших военно научных кружках, которые могут почерпнуть из него интересные темы для докладов и дискуссий. Можно, пожалуй, заметить, что сведения из иностранной печати попадают в Зарубежник иногда с порядочным опозданием, но это происходит вследствие задержки в выходе номеров по материальным условиям. Все же было бы желательно иметь хотя бы короткие библиографические заметки, но своевременно.

Ф. О.

Сборник трудов военно-научного общества

при военной академии. Книга четвертая.

История наших последних войн,— империалистической и гражданской, разобрана еще очень скудно и мало освещена на страницах печати.

Имеющиеся до сего времени труды по истории этих войн, в большинстве написаны самими участниками и потому весьма суб'ективны. Они не имеют беспристрастности, что так ценно для правильных выводов из них.

Военно-историческая комиссия при военно-научном обществе военной академии, в своих сборниках по истории последних войн и, в особенности, гражданской, дает с достаточной об'ективностью ряд ценных описаний боевых операций

Вся четвертая книга посвящена гражданской войне. Выявлен ряд операций на восточном фронте с адмиралом Колчаком и южном—с Врангелем и Махно.

Белицкий, в статье „Златоустовская операция“, талантливо исследует действия 26-й стрелковой дивизии в период с 20 июня по 14 июля 1919 года.

Изучение Златоустовской операции поучительно,—как по смелости замысла, в котором выявился талант командарма 5, так и героического проведения этого замысла 26-й стрелковой дивизией.

На 5-ю армию, после занятия Уфы, была возложена задача разгрома противника на Златоустовском направлении, овладение южным Уралом и выходами в Сибирские равнины.

Командарм 5 принимает смелое решение — окружить и уничтожить западную армию противника.

Главный удар намечается в юго-восточном направлении по Златоустовскому тракту и р. Юрезань.

Трудность выполнения этого удара состояла в том, что не имелось никаких сведений о наличии путей и возможности движения вдоль р. Юрезань среди Уральских гор. Для движения вдоль р. Юрезань была назначена 26-я дивизия, которая, несмотря на чрезвычайную тяжесть движения в горном ущельи, без дорог, задачу свою выполнила блестяще. Результатом было—занятие г. Златоуста, огромные трофеи, выход в Сибирские равнины и переход всего Урала в наши руки.

Описана операция легким и увлекательным языком, читается с захватывающим интересом, не как историческая сушь, а недалекая картина героической эпохи в истории гражданской войны.

2-я статья, „Уфимская операция“ Рыбина, подробно освещает операцию южгруппы по овладению г. Уфой.

Т. Рыбин обстоятельно и подробно изобразил ход этой операции.

Медлительность и нерешительность нашего командования нашли у т. Рыбина суровую отповедь.

Не нужно забывать, что во время хода операций обстановка и положение сторон, не только у противника, но даже и у себя далеко не так ясны, как историку этих операций, имею-

щему в своем распоряжении подробные материалы обоих сторон.

В конце статьи т. Рыбин дает выводы о действиях сторон.

Успех красных он видит:

1) в непрочности палочной дисциплины белой армии, защищающей чуждые рядовой массе армии интересы класса буржуазии и помещиков,

2) моральном превосходстве на стороне красных, самодеятельности начальников и их личном примере (начдив 25 в бою 25-го июня).

Минусами с нашей стороны:

1) неуменье командования южгруппы и востфронта после разгрома Колчака у Бугуруслана и Белебея — правильно оценить обстановку, и вести энергично преследование,

2) переоценка сил противника и лобовые действия,

3) смена дивизий, к моменту преследования противника.

Со стороны белых:

1) умело организованный отход к Уфе и действия ариергардов,

2) Особенность противника—бить нас кулаком по частям и рвать наши стыки.

Основные ошибки противника:

1) Введение в бой корпуса Каппеля по частям и слабость действий конницы и

2) пассивность и отсутствие инициативы, как следствие морального разложения.

Несмотря на наши, более многочисленные ошибки, все же победили мы, а победителя строго не судят.

Желательно было бы вначале поместить, в порядке последовательности хода операций, статью т. Рыбина, а потом Белицкого.

3-я статья, Лесевицкий „Борьба за Оренбург и Орск в 1917—19 г.“— описывает борьбу за Оренбург и борьбу с Оренбургским казачеством, возглавляемым атаманом Дутовым.

Первая операция по взятии Оренбурга красными войсками происходила в конце декабря 1917 г. и начале января 1918 г. Как со стороны белых, так и красных, крупной организованной войсковой массы не было. Действовали небольшие отряды в несколько сот человек.

31-го января 1918 г. Оренбург был взят красными войсками почти без всякого сопротивления со стороны белых, бежавших в двух направлениях: одна группа с Дутовым (300 человек)—на Верхне-Уральск и 2-я (600 человек) с Лесевицким (автором статьи)—на Уральск.

В июне месяце 1918 года, Дутов, получив сведения о чехо-словацком движении и перевороте в г. Самаре, решил захватить город Оренбург и двинулся к нему с отрядом в 600 человек при 4—5 пулеметах.

В ночь со 2-го на 3 июля город Оренбург был занят Дутовым без боя. Красные отошли к Ташкентской железной дороге, в район города Актюбинска.

В дальнейшем автор описывает борьбу за Орск, занятый красными войсками. Взяв Орск, белые занялись реорганизацией своей армии.

Туркестанская армия красных тоже реорганизовалась в 4-е дивизии.

К этому времени положение белых на Волге приняло плохой оборот. Красными были взяты Казань и Симбирск, чехи бежали.

Положение Оренбурга, благодаря этому, тоже ухудшилось.

В начале декабря Туркестанская армия красных перешла в наступление на Оренбург. У Дутова против Туркармии к этому времени уже были сформированы: 10 казачьих полков численностью до 5000, башкирский полк—500 человек, 1-й пластунский казачий дивизион, отдельный казачий дивизион, отдельная партизанская сотня, 1-й казачий артдивизион, 7-я отдельная казачья батарея, 2-я батарея 42 линейных пушек, отдельная легкая батарея, 48 линейные и 6 дюймовые гаубичные батареи. Одновременно с наступлением Туркармии на Оренбург красными велось наступление с запада и севера. Под угрозой полного окружения белые, после слабого сопротивления, оставили Оренбург.

С военной точки зрения „Борьба за Оренбург и Орск в 1917—19 годах“ большого интереса не представляет, так как с обеих сторон действовали небольшие и мало организованные силы. С обеих сторон были

ошибки, присущие партизанским и неорганизованным отрядам.

Статья скорее представляет большой интерес, как история движения Оренбургского казачества.

Новиков, в статье „Боевые действия Красной Армии в октябре 1919 года", описывает действия 9 армии в самый напряженный разгар борьбы с Деникиным в период, когда Деникин достиг наибольшего успеха, когда его боевой фронт захватывал Киев, Орел и Царицын. Борьба шла за Тулу и Москву.

На 9 армию возложено было обеспечение левого фланга южного фронта, наносившего главный удар.

К 1 му октября 9 армия выходила на линию р. Дон, на фронте Павловск—устье р. Медведицы. Операции 9 армии содействовала конная армия Буденного.

Против 9 армии действовала армия генерала Сидорина.

Автор, суммируя в конце описания действие 9 армии в октябре 1920 года, приходит к заключению, что с основной задачей, — удержание верхнего Дона,—армия не справилась Причину неудачи автор видит прежде всего в „линейной" системе управления войск.

В этом отношении с автором нужно вполне согласиться. У командования 9 армии не было смелого замысла, проводимого решительно в жизнь, а отсюда—не было и смелой ударной группировки. Нерешительность замысла привела к кордонности расположения, а последняя—к неудаче. Со стороны белых автор отмечает, наоборот—групповую систему, при помощи которой казаки рвали фронт 9 армии и заставляли ее откатываться назад. Как противоположение действиям 9 армии – можно указать на действия 5 армии в „Златоустовской операции". В этом отношении изучение действия 9 армии полезно, как пример того, как не нужно воевать.

4 я статья.--Рыбаков- „Действия летучего корпуса т. Нестеровича"—обнимает собою операцию с 10 января по 4 февраля, по преследованию армии Махно.

За 24 дня корпусом Нестеровича был проделан тысячеверстный пробег. Результатом преследования было достигнуто то, что „Повстанческой Украинской армии батьки Махно", как единой организации—не существовало.

Само преследование поучительно своей непрерывностью. Корпус Нестеровича вцепился в хвост армии Махно и до смены 4-го февраля 2-й кавдивизией не отставал от бандитов. Правда, противника ни разу не удалось окончательно загнать и разгромить, но преследование было непрерывно и доконало Махно.

Обращает на себя внимание при изучении этой операции то, что главную роль в преследовании сыграла не кавалерия, а пехота на подводах и пулеметы.

Когда у нас впервые появилась показная рота, то ей пришлось выдержать жестокий бой с противниками, кричавшими, что показная рота есть порождение позиционной войны Запада и неприменима в маневренных условиях.

Оказывается, что пулеметные группы имели в нашей гражданской, маневренной войне большое применение и, в особенности, в наиболее маневренной войне—партизанской - пулеметы были главным элементом боя

Для характеристики привожу целиком выписки из статьи Рыбакова (страницы 117—118): „Цепь не была, по существу, уставной непрерывной линией с пулеметами на флангах. Для плохо обученной пехоты и кавалерии необходимо было создать какой то упор, поддерживающий колеблющуюся, смятенную волю. Таким упором и стал пулемет (Максима или Кольта). Огневая змея быстро движется вслед за тобой, постоянно держит тебя на своих глазах и вот-вот ужалит. Вот почему пулеметы ставились всегда в передовой цепи; последняя насыщалась ими, заменяя в них недостаток людской силы и их умения.

В цепи, естественно, люди разрывались на большие интервалы сближаясь к пулеметам, которые обратились в своего рода *огневые узлы*. Из этих узлов, на подобие костяка, и состояла теперь цепь Рота имела иног-

да четыре—шесть пулеметов, и люди все-таки располагались, инстинктивно лезли, не обращая внимания на деление повзводно, к машине, к пулемету, который являлся магнитом в бою и новым, организующим силы, центром. Интервалы достигали иногда (в начале наступления) до 10 шагов между бойцами, к моменту атаки сближаясь до 2-х, а между пулеметами 100—120

Бой начинали пулеметы, развивали его и кончали. В зависимости от инициативы пулеметного начальника, пулемет или шел вперед или продвигался к флангу,—словом занимал позицию наилучшего поражения противника, сплошь да рядом в ущерб своему прикрытию. Всегда почти—пулемет впереди, а стрелки шагов на 10—15 сзади, но неотступно при нем.

По указанным причинам особым покровительством бойцов пользовались пулеметы Максима и Кольта, как более мощные машины, но не автоматы, мало известные по своему устройству бойцам и более слабые по силе огня, хотя Льюис и Шош, ружья-пулеметы, были в достаточном количестве в частях корпуса; они почти все были отобраны у махновцев, и всего их было свыше двух десятков".

И наступление пулеметами у с. Нагольное (страница 124—125) „По существу, банду гнала пулеметная группа, не дававшая махновцам остановиться.

Кустарник балки скрывал банду, спешно перестраивавшуюся для новой борьбы. Минут через 10—15 махновцы двинулись в атаку, желая обойти наш правый фланг, но огнем пулеметов были моментально сбиты снова в балку, в кустарник. *Решено было атаковать их одними пулеметами,* так как стрелки в это время были верстах в 4, а кавалерия сзади стрелков.

Пулеметы двинулись к балке, перестроившись в более глубокую, но также расчлененную группу, имея конных разведчиков на левом своем фланге, сзади; бандиты подпустили их на 1000 ш. и открыли огонь из пулеметов и винтовок, оставаясь на месте. *Часть наших пулеметов отвечала, а часть продвигалась вперед.* Три пулемета у нас были подбиты, у двух убиты лошади, остальные же, остановившись у мельниц, открыли сильный огонь по видимой группе махновцев и по кустарнику. Банда всколыхнулась, вырвалась из кустарников и, спасаясь от огня, бросилась на взгорье, к церкви. Конные разведчики с левого фланга устремились в балку влево от моста, где завязали бой с уже деморализованными повстанцами. Пулеметы простреливали все взгорье: отлично было видно, как валились лошади и люди в скачущей толпе бандитов, не выдержавших огня и отказавшихся от атаки стрелковых пулеметных групп".

Вот поучительная картина применения в бою пулеметных групп.

Показательно из действий пулеметов здесь и то, что наибольшим успехом пользовались пулеметы Максима и Кольта, но не автоматы.

Нужно думать, что и в будущих боевых действиях нашей новой роты, вся тяжесть боя будет лежать на тяжелых и легких пулеметах, ружья же автоматы существенной роли играть не будут.

5-я статья.—Триандафилов „Форсирование Перекопского перешейка 7—11 ноября 1920 года".—Перекопская операция, по словам автора, интересна с двух сторон. Во первых, это последняя крупная операция Красной армии и во вторых—Перекопская операция является единственной в истории Красной армии по борьбе за укрепленную позицию.

Давая, в общем, картину действий всех войск на Перекопе, автор описывает, главным образом, действия 51 стрелковой дивизии под командой тов. Блюхера.

51-я дивизия атаковала знаменитый Турецкий вал, т. е. проделала лобовую атаку укрепленной позиции и частью сил участвовала в обходе этого вала по Сивашу.

Автором подробно разобрана обстановка и положение сторон к началу ноября 1920 года. Обстановка к этому моменту создалась такая, что Главком писал Командюж: „При создавшейся обстановке атака открытой силой перешейка является единственным

средством для окончания борьбы с Врангелем".

Складывалась такая обстановка, как из общестратегического положения, разложения армии Врангеля после отхода на Крымский перешеек, так и условиями наступавшей холодной осени, неудовлетворительности снабжения теплой одеждой и другими причинами.

Результат Перекопской операции известен всем и я не останавливаюсь на ее описании.

Останавлюсь лишь на выводах, которые автор делает довольно беспристрастно, без особого романтизма, скрывающего истину.

1) Выбор пункта атаки через Сиваш, в обход Турецкого вала, хотя и рискованного, но приводящего к более быстрому и легкому успеху, автор считает правильным.

2) Отмечая удачный выбор направления главного удара, автор отмечает неудачную организацию ударной группы, а именно: отсутствие общего начальника над войсками ударной группы на Литовском полуострове.

В частности, в действиях 51 й дивизии, атаковывавшей Турецкий вал, автор усматривает—1) неудачный выбор пункта решительной атаки на своем правом фланге, и 2) несоответствие группировки сил с принятым решением, 3) управление боем носило слишком нервный характер и действия артиллерии были плохо согласованы с наступлением.

Со стороны белых:

1) удивляет беспечность в отношении Сиваша, который в этом году был проходим;

2) неиспользование общего резерва: Корниловской и Марковской дивизий и конного корпуса Барбовича.

В общем, статья представляет большой интерес и читается с большим увлечением.

6-я статья—Акулова „Очерки тактики уличного боя", — развивает уличный бой, изложенный в полевом уставе. Опыт классовых войн показал необходимость и важность искусства борьбы в городе и за город. С этой стороны изучение уличного боя весьма полезно и ценно.

Конечно, в полевой войне уличный бой не сыграет большого значения. Ни одна из полевых армий не будет укрываться в городе, который для нее в таком случае окажется западней.

И. Г.

„Военная Мысль и Революция".

1923. Август. Книга 4-я. 286 стр.

Очередной номер журнала открывается передовой статьей Д. Петровского „Милиционное строительство", которая идет, так сказать, вне отделов, затрагивая вполне современную и в высшей степени важную тему. Автор стремится доказать, что стратегические, экономические и политические содержания указывают нам один и тот же путь. Стратегия будущей войны требует подготовки таких масс, которые не уместились бы в нашей армии, если бы даже финансовые возможности позволили содержать армию в два раза сильнейшую против современной. Экономика подсказывает подготовить „вооруженный народ", уделяя для этого минимум средств и времени. Политическое положение страны дает право положиться на сознание народных масс и их способность к дисциплине и организации. Автор указывает, однако, что наши милиционные формирования не являются милицией в общепринятом смысле слова, но „разумным сочетанием постоянной кадровой армии со множеством милиционных формирований, тесным кольцом ее окружающих".

В основу укомплектования милиционных частей „естественно кладется территориальный принцип". Части постоянной армии должны выделить „наиболее отборные" политический и командный „составы", которые могли бы поддерживать связь с рабочими и крестьянами, входящими в состав их частей, не только в течение 6-и месяцев учебы, но „беспрерывно". Такова идейная часть статьи. Нельзя однако не заметить, что в области практического осущест-

вления этих идей ее содержание не так богато. Автор останавливается на таких предпосылках, как согласованная работа военного ведомства с парторганами, союзом молодежи, советскими учреждениями и профессиональными союзами; указывает в общих чертах на значение допризывной подготовки; но остается недостаточно освещенным еще целый ряд вопросов, в особенности, по части средств для проведения указанных выше идей, а также по части военного обучения и мобилизации мобилизационных формирований. В военно-экономическом отделе интересна и своевременна статья проф. М. Сиднеева „Основы научной военно-экономической подготовки", которая дает суровую, но, в общем, справедливую критику взглядов, царивших до сих пор в нашей военной науке и набрасывает широкую программу дальнейших работ, по „экономике или хозяйству военного времени", ссылаясь преимущественно на германские источники Конкретизация общих теоретических положений автора отложена до дальнейшего изложения. Очень удачным дополнением к статье проф. Сиднеева является следующая за ней статья С. Мирного „Мобилизация промышленности в Англии и С. А. Соединенных штатах в войну 1914—1918 г.г.," из которой можно сделать вывод, что англичане и американцы, хотя и отстали от немцев по времени устройства своего „хозяйства военного времени", но провели его с большой энергией и с успехом, насколько дело касалось, по крайней мере, военной организации капиталистического производства. В том же военно-экономическом смысле вполне уместно помещена и статья председателя Туркциков. Хадыралиева „Басмачество и народное хозяйство Ферганы: хотя автор начинает свою статью с утверждения, что „первой и главной причиной падения народного хозяйства Ферганы безусловно было и остается басмачество", но из всего последующего изложения видно, что корни эти лежали и лежат в политико-экономических условиях Ферганы.

В военно-политическом отделе напечатаны статьи: Н. М. Попова-Татива „К истории гражданской войны в России. Японо-китайские секретные военные конвенции 1918 г." и Дм. Позднеева „Япония и Австралия". Из первой мы воочию можем убедиться в успехах в 1918 г. японского империализма в Китае (с попущением С. А. Соединенных Штатов) и о действиях, явно направленных против России на Дальнем Востоке под удивительным предлогом защиты от Германии и Австро-Венгрии.

Из второй—в происках и успехах того же японского империализма на островах, прилегающих к Австралии, пользуясь патриархальным поведением местных властей и индиферентным отношением австралийского федерального правительства.

В отделе стратегии и тактики особый интерес представляет статья проф. А. Снесарева под заманчивым заглавием „Гримасы стратегии", в которой автор критически относится к прославленным образцам наполеоновской „упрощенной стратегии, которая загипнотизировала народы Европы соблазнительной но лживой картиной генерального боя, решающего судьбы государства" и подчеркивает особенность современных войн, в которых „все средства и все стороны жизни увлекаются в круговорот состязания", тогда как бои потеряли свой вес, становясь лишь „одним из факторов войны и не всегда даже крупным". Насколько можно понять, автор считает, что основная ошибка Германского высшего командования в мировую войну заключалась именно в приверженности к наполеоновским традициям, тогда как, по выражению автора, „сложную машину новой стратегии нельзя было ни разрубить, ни сколотить простым наполеоно-лееровским топором".

Германский начальник генерального штаба Фалькенгайн, сменивший Мольтке в сентябре 1914 г., по мнению А. Снесарева смутно сознавал „пути новой стратегии", но, по разным причинам, не мог по ним следовать. Вместо последовательных и твердых решений выходили полу-меры, остановки на перепутьях или вымученные решения, сложные и неясные. Образ-

чиком такого решения А. Снесарев считает Верденскую операцию, которую и называет „гримасой стратегии“. Статья увлекает талантливостью изложения, но остается под некоторым вопросом: насколько точно выдержано автором изложение фактов и насколько верно очерчены условия, которые вынуждали германскую стратегию делать „гримасы“. Можно согласиться с автором, что один генеральный бой не мог бы решить мировой войны; но немцы к этому и не стремились. Их план с достаточным основанием стремился к скорейшей развязке. Он не удался, отсюда и неизбежные гримасы на „лике германской стратегии“.

Лееровский курс стратегии можно считать упрощенным, но считать топорной стратегию Наполеона все же нельзя, несмотря на ее недостатки.

К тому же надо принять в расчет разницу в политико-экономических условиях, на которой А. Снесарев не останавливается. Но общий консерватизм германского командования, даже вопреки более глубоким взглядам и начинаниям некоторой части того же командования, отмечен верно и талантливо. Этот разлад в командовании, пожалуй, еще лучше характеризует германскую стратегию, чем ее „гримасы“.

Вообще же августовский номер „Военной Мысли и Революции“ составлен очень удачно и читается с большим интересом. Остается лишь указать, что другие отделы, в особенности же „Военная жизнь за границей“ и „Библиография“ усиливают этот интерес. — О —

„Военная Мысль и Революция“.

1923 г. Ноябрь и декабрь. Книга шестая. В. В. Р. С. 299 стр.

Книга начинается статьей В. Антонова-Овсеенко „Итоги 3-го Всесоюзного совещания военных политработников“, представляющей исключительный интерес по целому ряду важнейших и, притом, злободневнейших вопросов, касающихся строительства Красной Армии, которые были затронуты этим совещанием. Передавать, хотя бы вкратце, содержания статьи невозможно: все в ней слишком важно и интересно, начиная с программной речи т. Троцкого „О международном положении и очередных задачах военного строительства“ и кончая краткими заметками об инициативных мерах борьбы Пур'а с „некондиционностью вещевого снабжения“, о его заботах „о тягостном положении семей красноармейцев“, об улучшении быта комсостава и пр. Выделяются по своему значению „знаменательные“, как говорит автор, резолюции с'езда о военной подготовке политсостава. Но надо полагать, что, как эта, так и другие резолюции совещания уже известны или будут известны нашим читателям. Затем следуют две статьи военно-политического отдела: К. Радека „Современное положение Германии“ и В. Кряжина „За советским рубежом“. Первая из них представляет сокращенное изложение лекций, читанных К. Радеком в Военной Академии Р. К. К. А. в октябре прошлого года и дает возможность ознакомиться с ними широким военным кругам. Талантливо написанная статья такого выдающегося знатока международной политики, как К. Радек помогает разобраться в событиях, чреватых последствиями не для одной Германии.

С октября 1923 г. нам сделались известны уже некоторые новые страницы из летописи этих событий, но это не ослабляет интереса статьи, написанной очень широкими штрихами; особенно хорошо изложены исторические предпосылки, имеющие наибольшую важность. Статья Кряжина, может быть, не дает много нового для тех, которые следят за тем, что делается в политике за советским рубежом, но имеет значение сжатой сводки наиболее интересного по этой части материала; она живо рисует положение „хаоса“ в Европе, созданного такими трудно-примиримыми явлениями, как достаточно явное стремление французских политиков к полному раздроблению и ослаблению Германии, рост национально-монархического движения в той же Германии и нарастающая распря между Францией и Англией, которая вовсе не хочет, чтобы ее союзница проводила планы Людовика XIV и Наполеона.

В отделе стратегии и тактики находим статью проф. В. Новицкого „Гримаса в сторону стратегии“, которая, как видно из самого заглавия, является ответом на статью проф. А. Е. Снесарева „Гримасы стратегии“, помещенную в 4-й, августовской книге „Военной Мысли и Революции“. В. Новицкий стремится доказать, что мировая война не внесла в стратегию ничего необыкновенно нового (в смысле общих принципов), а также, что наполеоновский способ ведения войны не так ошибочен, как думает Снесарев. Редакция, с самого начала, сопровождает статью замечанием, из которого видно, что она во многих (если не во всех) пунктах не согласна с автором; считает „несомненным“, что стратегия вступила в полосу кризиса; находит крайне упрощенным толкование автором самого понятия стратегии (но в каком отношении,—об этом не говорится) и, наконец, упрекает его в нежелании признать, что количественные изменения в условиях войны должны вызывать качественные изменения обстановки (в чем дело, не поясняется); в заключение автор называется представителем крайнего фланга нашей стратегической мысли, страдающим недостатками, неизбежно присущими ортодоксальной „исторической“ школе. Такой подход, а в особенности такая голословная характеристика во всяком случае не оправдываются статьей Н. Новицкого, которая, быть может, отражает некоторые спорные вопросы, но написана более дельно, чем статья Снесарева, с ее вычурными и поверхностными суждениями. Замечание же редакции само звучит довольно „ортодоксально“ и может быть названо, в некотором роде, „историческим“.

Статья В. Микулина „Спешенные действия машинизированной конницы“, в том же отделе, разбирает один из самых современных вопросов и написана дельно и интересно как все, что выходит из под пера т. Микулина (нашего постоянного сотрудника). Указывая недостатки широко распространенной брошюры П. Верховского „Пеший бой конницы в современных условиях“, которая предлагает собирать все ручные пулеметы в 4-е взводы эскадронов, предназначая только их для спешивания и оставляя прочие три взвода, как „чистые сабли“, для действия в конном строю, В. Микулин предлагает свой, хорошо разработанный проект, в котором каждый взвод (не менее, как 12-ти рядного состава), имеет одно звено пулеметное, а другое стрелковое. Его основные принципы: 1) пулеметы не освобождают конницу от необходимости превращать, по мере надобности, всадников в стрелков и обратно; 2) технические огневые средства должны „врости“ в организм конницы; 3) от действия конницы в пешем бою не должно и пахнуть конницей. Очень желательно ознакомление с этими взглядами широких кругов нашей конницы и их дальнейшее обсуждение.

Отдел обучения и боевой подготовки в журнале не из сильных. Помещена лишь одна статья Г. Гирса „Педагогические основания лабораторного метода и его приложение к военно-учебному делу“, которая, при всех ее достоинствах, дает очень немного именно для военно-учебного дела.

В отделе военной администрации три статьи: В. Кувшинова „Опыт привлечения на военную службу коренного населения Туркестана“, А. Шифреса „Франц Меринг и милиционная система“ и Д. Зуева „Первые шаги“. Все они имеют крупный, современный интерес.

Первая из них передает неудачи наших формирований в Туркестане, с очень серьезной и беспристрастной оценкой, и заслуживает внимания по тому значению, которое ныне придается национальным частям Красной Армии, в связи с территориальными или, как их предложил называть т. Троцкий,— ополченскими формированиями.

Статьи А. Шифреса и Д. Зуева, хотя и не совсем свободны от того, что тов. Троцкий (на 3-м Всесоюзном совещании воен. политработников) окрестил „казенной романтикой“ (изображение прошлого в героических красках), но также заслуживают серьезного внимания, ввиду огромной важности начатого формирования ополченских частей, к которому оба автора все же подходят с осмотрительностью.

Мнения Ф. Меринга, одного из крупных теоретиков революционного марксизма, вынуждают, по мнению А. Шифреса очень осторожно подходить к этим формированиям. Душа и сущность всякого военного устройства—дисциплина, может быть, как говорит Меринг, в милиционных войсках не только не ниже, но выше, чем в постоянных войсках, если она заложена в современных исторических условиях, в трудовом и домашнем быту. Нам нужно опираться на кадры рабочих, на кадры коммунистов и комсомольцев, на работу советских органов в деревне. Д. Зуев рисует, в общем, картину удачного опыта переменного состава терр. дивизий, но предостерегает от окончательных выводов. В сущности, прибавим мы от себя, эти опыты были удачными опытами поверочной мобилизации уже подготовленных людей, большинство которых не только прошло через ряды Кр. Армии, но и через горнило гражданских войн. Делать отсюда выводы на будущее время было бы неосторожно.

Отдел военно-химический заключает две статьи: проф Г. Попова „Король газов“ и Е Деньгина „Военно-химические этюды“. Обе написаны знатоками дела: рекомендуем нашим читателям ознакомиться с ними при первой возможности. Король газов это, конечно, иприт или горчичный газ (немецкий желтый крест), который не только действует на дыхательные пути, но и обжигает кожу сквозь одежду. Противогазы дают защиту, но для защиты тела нужны еще особые ткани. По размерам и продолжительности действия (несколько дней) это новое средство не только тактики, но и стратегии (в тылу, на жел. дорогах), особенно доступное для авиации. Для занимающихся психофизикой интересно отметить, что, как оказалось, иприт слабее действует на негров; жаль, что мы не имеем более подробных сведений, чтобы об'яснить такое явление. Между прочим, по мнению проф. Попова, массовое применение немцами иприта не в 1917, а в 1915 году могло бы предрешить весь исход кампании в их пользу. Кстати сказать, этот вывод мог-бы защитить ударную (наполеоновскую) стратегию от гримасы т. Снесарева, а если бы В. Новицкий вооружил этим ипритом старый наполеоновский принцип, то, вероятно, уберегся бы от сурового приговора редакции. Статья Е. Деньгина сообщает о том, как практичные американцы применяют боевые газы для мирных целей—борьбы с крысами, вредителями полей и садов, а также для дезинфекции и даже для прививок от болезней, накапливая, в то же время, средства для военных целей. Хорошо бы и нам! В отделе воздушного флота находим продолжение статьи М. Строева „Как и чем бороться с авиацией противника“, в которой автор, основываясь на опыте мировой войны и теоретических расчетах высказывается вообще против придачи противо-самолетных орудий полевым войскам, считая их полезными только для защиты железнодорожных сооружений, складов и других важных пунктов; войскам же предлагает дать для этой цели малокалиберные пушки - пулеметы. Статья дельная, но все же оставляет впечатление некоторой односторонности в выводах. Так, например, автор совсем не останавливается на решении того же вопроса в иностранных армиях, с разбором мотивов того или другого решения, а сделать это для серьезной статьи не лишнее.

Другая статья в том же отделе—И. Мейснера „Аварии змейковых аэростатов за период 1921—1922 г“ слишком специальна для такого журнала, как „Военная Мысль и Революция“. Небольшая заметка Н. Шабашева „Защита привязных аэростатов от нападений неприятельских летчиков“ не дает ничего особенно нового.

Наконец, военно-инженерный отдел заполняют всего „Фортификационный фельетон“ Г. Невского, который, оказывается, заключает лишь узкую полемику Г. Невского с Д. Карбышевым, личного характера, да „Вынужденный ответ“ Д. Карбышева на пол страничке, но довольно „веский“.

В отделе „Военная жизнь за границей“ помещены сведения об организации английской (территориальной) и французской армий. „Военную хрони-

ку" правильнее было бы назвать хроникой заграничной авиации, ибо в ней, кроме известий по этой части, помещена только одна заметка... о сокращении срока службы в испанской армии. Отдел библиографии представлен широко, занимая свыше 70 стр. петита.

В заключение нельзя не признать, что журнал дает не мало интересного материала, но, пожалуй, недостает самого существенного—отражения работы центра и его военно научных кругов. В округах всегда интересуются тем, какие вопросы признаются в центре наиболее важными, в какую сторону намечается их решение, как центр отзывается на местные нужды, в каких направлениях развивается его военно-научная работа. Между тем, нельзя не отметить, что на эти запросы дает ответ только т. Н. Антонов-Овсеенко, по своей военно политической части. Остальные хранят молчание. О работе московских „В. Н. О."—никаких отголосков. Желательно было-бы увидеть пополнение этого существенного недостатка центрального органа. — *С.* —

Техника и снабжение Красной Армии, научно-технический журнал № 43(74) 1923 г., военно-инженерный отдел № 11.

Оборона современного форта (форт Во в марте 1916 г.). Статья подполк. Турнэ из „Revue Militaire Française" *за май 1923 г., пер. Ф. Шабанова.*

В статье приводится план форта и схема общего расположения укреплений Вердена с соответствующим описанием.

Как первую опасность, угрожающую форту, автор отмечает: „для солдата, который сражается вне форта, для посыльного, затерявшегося в хаосе окружающей местности, для раненого, который спешит в тыл и чувствует, что силы оставляют его, форт сохраняет вид надежности, солидности и обеспеченности, он вселяет доверие, он подкрепляет и, особенно, он привлекает". При вступлении на форт баталиона, под командой Турнэ, под непрерывным автоматическим огнем неприятеля, все помещения форта, построенного на 150 человек, оказались забитыми неподвижною массой людей, более 2000 человек, выражавших на лицах своих полную беспомощность, притупление чувств, покорность судьбе. Ни один солдат из этой массы не мог владеть оружием, ни один начальник не мог бы дать почувствовать свою власть и влияние, если бы противник штурмовал форт в эту ночь. С большим трудом удалось заставить покинуть форт людей, которые его закупоривали.

Первым условием возможности обороны форта является достаточное оборудование его надлежаще приспособленными наблюдательными пунктами и надежными средствами связи, как для сношений внутри форта, так и с соседними фортами и с тылом, без чего форт остается слеп, глух и нем! Т. к наблюдение на форту возможно лишь с безопасных постов, то в отношении конструкции последних „*следует полагаться лишь на броневые посты*", которые при том же не не следует считать и особенно уязвимыми, так как единственный уцелевший на форте Во в марте 1916 года наблюдательный пост блестел впереди бруствера, вырисовываясь гигантским грибом—настолько снаряды изрыли вокруг него сначала землю, а затем бетон, и все же до 11 апреля он оставался не поврежденным.

Наблюдательные посты должны быть устроены так, чтобы занимающий их мог удобно устроиться, мог читать, писать, разложить карты, кроки и пользоваться оптическими инструментами. Наблюдательные посты должны быть соединены с центральной телефонной станцией форта, откуда их должна соединять либо с комендантом, либо с другими постами, либо прямо с тылом (напр., для корректирования пристрелки артиллерии). Не менее важно соединение наблюдательного поста с освещающими органами, чтобы наблюдать за подступами к форту ночью и немедленно освещать кажущиеся подозрительными части местности.

На форту необходима центральная станция связи, где сконцентрируются все средства сообщения: телефонные

воздушные провода, провода подземной, глубоко заложенной сети, идущие как извне, так и изнутри форта; центральная телефонная станция; центральная оптическая станция, аппараты беспроволочного телеграфа и телефона через почву; приспособление для отправки голубей, голубятни и помещение для посыльных. Командный пост, расположенный в непосредственной близости к центральной станции, будет иметь свои наблюдательные посты, из которых будут видны ближайшие подступы к форту, и будет иметь возможность немедленно войти в телефонное сообщение с ними, с освещающими постами, со всеми орудиями обороны, равно как и с тылом.

Форсирование канала Самбра-Уаза (штурмовые мосты). Ш. Перевод с английского из журнала „The Royal Engineers Journal" за август 1922 г. статьи полк. Санкей, бывшего дивизионным инженером в британской дивизии, выполнившей описываемую операцию. Дивизия подошла к каналу, оба берега которого оставались в руках германцев, и начала его рекогносцировку 19 октября, а форсировала его 4 ноября 1918 г.

В техническом отношении задача состояла в устройстве под огнем неприятеля переправы через канал в двух местах: у шлюза—при ширине канала 17 фт. и при уцелевших береговых стенках, послуживших готовыми опорами для моста, и в другом месте—при ширине канала в 45 фт., при пологих, отчасти илистых берегах; глубина воды в канале—по грудь человеку, как оказалось при наводке мостов.

Материалами для устройства переправ послужили оказавшиеся в захваченном у германцев складе в значительном количестве: лес подходящих размеров, железные прокатные балки, проволочные канаты и веревки; также легкие железные поплавки (5'×1'1"). В соседних деревнях найдены 10-ведерные бочки и отремонтированы саперными бондарями; оказались также пробковые поплавки (4'×2'×1'6") и до 700 порожних керосиновых жестянок.

Кроме обильного укомплектования работ материалами, обращает на себя внимание исключительная тщательность рекогносцировки и подготовки операции, продолжавшихся около 2 недель. Не довольствуясь имевшимися строительными чертежами канала, производили опросы пленных и гражданского населения; сделано было большое число аэроснимков, причем так как перспективные снимки, давая хорошее представление о местности, не могут служить для точных измерений, то производились снимки вертикальными аппаратами. Наконец, была произведена рекогносцировка с боем, давшая возможность достигшим канала саперам непосредственно проверить имевшиеся о нем данные. В результате, к началу операции имелись точные поперечные профили канала в местах намеченных переправ, а ширина пролета у шлюза была определена с точностью до одного дюйма.

Когда на основании этих данных был разработан план операции, распределены роли между отдельными саперными ротами, составлены точные чертежи мостов,—была в безопасном месте произведена примерная сборка и наводка мостов.

Тот же характер исключительной осторожности и предусмотрительности имеет и распределение работы по очередям: сначала—наводка легких мостков, выдерживающих одновременно 5—6 человек, затем—усиленные мостики для пехоты, идущей в затылок; потом—мосты для вьючных транспортов или кавалерии (в одну линию) и, наконец, мосты для танков, по которым переправились и все конные транспорты.

Для форсирования канала у шлюза были применены и „штурмовые" перекидные однопролетные мостки, снабженные рычагом и поставленные на пару колес (нечто в роде пожарной лестницы): их можно было перекинуть через канал с одного берега; можно было продвигать вперед и поворачивать на колесах; для их переноски требовалось только 6 человек.

Наведены затем пехотные мостки той же конструкции, но более прочные и без специального приспособления для наводки. Мосты для кавалерии —

на прогонах из 1″ досок, поставленных на ребро, с досчатым по ним настилом и с перилами из стоек, обтянутых брезентами. Для удобства подноски мост устроен из двух продольных частей, соецинявшихся уже на месте. Мост для танков на двутавровых балках.

Штурмовые мосты для более широкого места канала были устроены на германских поплавках; для переноски их потребовалось всего два человека на каждой опоре. Затем были устроены мосты на бочках, пробковых поплавках и на керосиновых жестянках.

Статья иллюстрирована рядом схем общего расположения и чертежей мостков разных типов, поясняющих в общем несложную в техническом отношении работу; но самым поучительным является подробное описание подготовки операции с пунктуальной и детальной, доходящей до мелочей предусмотрительностью: „семь раз примерь, один раз отрежь".

Дороги на итальянском фронте в мировую войну. Я. Гольберга Я. Златогорова. По границе Италии с Австрией, на протяжении 500—750 верст находятся непроходимые, бездорожные горы; только ближе к Адриатическому морю горы снижаются до высоты нескольких десятков сажень. Здесь итальянцам при наступлении их армий пришлось при неимоверно трудных условиях разработать целую сеть дорог, для снабжения армии. Работы производились в горной местности, в трудном скалистом грунте, зачастую под неприятельским обстрелом, при постоянной опасности налетов аэропланов, что заставляло принимать меры для маскировки работ. По официальной статистике здесь за время войны устроено более 6000 верст дорог. На работах была занята целая армия рабочих в 20000 человек. Дороги устраивались преимущественно для автомобильной езды. За недостатком строительных материалов прибегали к разборке местных полуразрушенных зданий, причем большие глыбы шли на выравнивание неровностей, а мелкий материал превращался в щебень, а при недостатке последнего промежутки между большими глыбами засыпались землею, которая затем укатывалась проезжающими обозами. По возможности, для укатки применялись также бензиновые моторные катки с водяным балластом Ввиду образования на дороге обильной пыли принимались меры к поливке дорог водою.

При непрерывном двустороннем движении требовался непрерывный ремонт дороги: по всей дороге в расстоянии 15—20 шагов один от другого расставлялись рабочие, которые пользовались каждою минутой перерыва, чтобы подбежать к тому или иному месту дороги, заровнять выбоины щебнем или землею.

Непрерывность движения поддерживалась благодаря организации на дорогах полицейской службы, которую несли карабинеры. Особенно трудной была их работа у мостов деревянных и понтонных, у в'езда на которые вывешивалась доска с обозначением максимального допускаемого груза для одного грузовика—4, 6, 8 или 10 тонн, и нужно было следить за соблюдением этого правила и за соответственным уменьшением скорости при прохождении по мосту.

Статья интересна, как дающая масштаб дорожных работ и прилагавшихся для их выполнения усилий для фронта, базирующегося на обыкновенных дорогах.

„Постройка парома из шести понтонов в Марокко"—для одновременной переправы грузового автомобиля с прицепкой, общей длиною 13 м. и весом в 14 тонн с пристанями, переставляющимися в зависимости от изменения уровня воды (колебания горизонта воды до 8 м.)—подробное описание с несколькими чертежами и фотографией парома.

„Плавучий жел дор. мост „Maximiliansau *„на Рейне"*—длиною 362 м. с одною жел. дор. колеею двумя боковыми проездами для экипажей. Плавучая часть моста устроена на 34 железных понтонах и имеет среднюю часть горизонтальную и два боковых наклонных в'езда, продолжением которых на обоих берегах служат такие же наклонные эстокады на козловых опорах, по 64 м длиною каждая. Мост имеет две выводные части на понтонах же, из которых некоторые снабжены впереди 10-ти сильными керосиновыми

моторами. Мотор приводит в движение лебедку, наматывающую на барабан якорную цепь, а также два шкива, расположенные впереди понтона: наматыванием стального тросса на эти шкивы достигаются необходимые движения при установке выводной части на место. Регулирование наклона в'ездов при колебаниях горизонта воды, достигающих 5 метр., производится под'емом или опусканием поддерживающих проезжую часть поперечных балок из двутаврового железа при помощи домкратов, укрепленных в опорных стойках. Наклон в'ездов изменяется от + 0,03 до — 0,03.

Мост рассчитан на движение с малою скоростью поезда, составленного из вагонов с нагрузкою в 7 тонн на ось и при расстоянии между осями 4 м., передвигаемых небольшим двухосным паровозом с расстоянием между осями 2,1 м. и нагрузкою не более 10 тонн на ось. При прохождении поезда мост опускается на 25—30 см., причем колебания моста очень плавны.

Статья иллюстрирована двумя фотографиями моста и детальными тертежами, поясняющими его конструкцию.

В отделе „*Быт Красной Армии*“ помещена заметка „О работе харьковского губотдела союза коммунальников в подшефных частях Красной Армии“.

В отделе „*Военно-научная жизнь*“— заметки об Украинском окружном военно-научном обществе и об отделении ВНО №-ой Кавказской стрелковой дивизии. *А. Г.*

Историческая трагедия в 5-и действиях Вступительная статья проф. В. Ф. Миллер. Обложка и книжные украшения худ. В. Ф. Штраних.

Цена 55 к. зол.

Заметки путешественника в стране символов. Обложка и книжн. украшения М. Н. Волчанецкого

Цена 75 к. зол.

В центральном книжном и писчебумажном магазине ДКА Запфронта

Смоленск, Б. Советская д. быв. Мариинской гимназии.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „АРЕНА“

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

М. Волчанецкий. Экспрессионизм в немецкой литературе. Опыт исследования.

Цена 55 к. зол.

Н. Зарудин. СНЕГ ВИШЕННЫЙ. Первая книга стихов Обложка худож Штраних.

Цена 60 к. зол.

B0000004 198026